

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 8 2019 г.

**ЗАРОЙТЕ ВАШИ
ДЕНЕЖКИ**

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, ректор РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н.; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н.; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н.; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н.; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н.; **Л.Н. Щербаклова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

8 (542) 2019

Editor in chief - Dr., Prof. **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS

Editorial Board:

Prof. Dr. **Aganbegyan, A.G.**, Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President; Prof. Dr. **Baranov, A.O.**, Novosibirsk State University; Prof. **Bardazzi, R.**, PhD, Faculty of Political Sciences, University of Florence (Italy); Prof. **Buharova, E.B.**, PhD, Siberian Federal University; Prof. Dr. **Glazyrina, I.P.**, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS; Prof. **Grigoriev, L.M.**, PhD, Higher School of Economics; **Jae Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; Prof. Dr. **Hong Yul Han**, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **Kolmogorov, V.V.**, PhD; Prof. Dr. **Kuleshov, V.V.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Mironosetsky, S.N.**, Siberian Generating Company; **Moe, A.**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute; **Nikonov, V.A.**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; Dr. **Psarev, V.I.**, Interregional Association of the Economic Cooperation «Siberian Accord»; Prof. Dr. **Shvetsov, A.N.**, Institute for Systems Analysis RAS; Prof. Dr. **Suslov, N.I.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Prof. Dr. **Uss, A.V.**, Governor of Krasnoyarsk Krai; Prof. **Weber, Hs.**, PhD, Canada-Russian Economics School; Prof. **Voronov, Yu.P.**, PhD, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Yutsyun, Ma**, PhD, Heilongjiang Academy of Social Sciences; **Ze Shi**, PhD, Institute of International Studies; Prof. Dr. **Zorkaitsev, V.I.**, Energy Systems Institute SB RAS.

Advisory Board:

Dr. **Alekseev, A.V.**; Dr. **Barsukova, S.Yu.**; PhD **Fadeeva, O.P.**; Dr. **Gluschenko, K.P.**; PhD **Goosen, E.V.**; Dr. **Kapoguzov, E.A.**; Dr. **Klistorin, V.I.**; Dr. **Litvintzeva, G.P.**; PhD **Melnikov, V.V.**; PhD **Melnikova, L.V.**; Dr. **Shcherbakova, L.N.**; PhD **Shmat, V.V.**; PhD **Teslia, P.N.**; **Veselova, E.Sh.**

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of RAS
Novosibirsk State University
Editorial Office of ECO journal

Editor

ANO Editorial Office of ECO journal
Academician Lavrentyev Av. , 17. Novosibirsk, 630090, Russia

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Пенсия на доверии

Тема номера:

ЗАРОЙТЕ ВАШИ ДЕНЕЖКИ

- 9 ДЕМЕНТЬЕВ Н.П.
Пенсионная система
в современной России:
реформа за реформой...
- 31 ФАТХЛИСЛАМОВА Г.Ф.
Конкуренция на сегменте
коллективного инвестирования
средств пенсионных накоплений
- 51 ВЛАДИМИРОВА Т.А.,
ХАЛТУРИНА О.А.
Нормативно-правовые риски
и стабильность негосударственных
пенсионных фондов России
- 66 ТАГАРОВ Б.Ж.
Экономические причины эйджизма
на рынке труда

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 83 НОВОСЕЛОВ А.С.,
МАРШАЛОВА А.С.
Формирование современной
системы регионального
и муниципального управления
- 103 КОНКИНА В.С.
Экономическая доступность
продовольствия в контексте
проведения политики
протекционизма

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- 118 ХЕЙФЕЦ Б.А.,
ЧЕРНОВА В.Ю.
Зарубежные программы
умной реиндустриализации:
варианты для России

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 141 ФОМИН Д.А.
Оценка национального богатства:
советская история и постсоветская
практика

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 163 МАКЛАКОВА Ю.А.
Проблемы и перспективы
функционирования банковской
системы в регионах России
- 179 ГОРДЕЕВ М.Н.
Предикторы успешности
краудфандингового проекта

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Pension on Trust

Cover Story: BURY YOUR MONEY

- 9 DEMENTIEV, N.P.
Pension System in Modern Russia:
Reform by Reform...
- 31 FATKHLISLAMOVA, G.F.
Competition in the Market
of Collective Investment
of Pension Savings
- 51 VLADIMIROVA, T.A.,
KHALTURINA, O.A.
Regulatory and Legal Risks
and Stability of Non-State Pension
Funds in Russia
- 66 TAGAROV, B.ZH.
Economic Causes of Ageism in the
Labour Market

MONITORING OF ECONOMIC TRANS- FORMATION

- 83 NOVOSELOV, A.S.,
MARSHALOVA, A.S.
Formation of a Modern System of
Regional and Municipal Governance
- 103 KONKINA, V.S.
Economic Availability of the Food
in the Context of Carrying out a
Protectionism

INNOVATION POLICIES

- 118 KHEYFETS, B.A.
CHERNOVA, V.Yu.
Experience of Foreign Countries
in Reindustrialization:
Lessons for Russia

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 141 FOMIN, D.A.
Evaluation of National Wealth:
Soviet History and Post-Soviet Practice

FINANCE

- 163 MAKLAKOVA, Yu.A.
The Problems and Prospects of
Regional Banking in Russia
- 179 GORDEEV, M.N.
Predictors of Success
in a Crowdfunding Project

Пенсия на доверии

Социально-экономические явления и процессы отличает чрезвычайно тесная взаимосвязь различных составляющих – от культурных традиций, региональных особенностей, доступности товаров и услуг до личного опыта каждого человека. Чем старше человек, тем богаче его опыт и знания, тем сильнее в нем укореняются разнообразные навыки. Богатство человека, прожившего долгую, активную и плодотворную жизнь – это не только его «года», но и понимание своего места в окружающем мире и обществе. Чем выше степень его доверия к этому обществу, тем щедрее и плодотворнее он делится с другими своими знаниями, опытом.

Во многих случаях олицетворением общества для граждан является государство – те его институты, которые позволяют/не позволяют им достойно прожить жизнь, реализовать свой потенциал, с уверенностью смотреть в завтра. Будущее пожилых людей, достойно служивших обществу/государству, в основном связано с тем, насколько достойно и безбедно будут пройдены «последние мили» их жизненного пути. А это, в свою очередь, зависит от того, как им удалось воспитать и «вывести в люди» своих детей, насколько они преуспели в создании финансовой «подушки безопасности» на старость, как и в какой мере государство и его институты поддерживают эти усилия своих граждан.

Наличие всех отмеченных возможностей формирует у человека определенный уровень доверия к обществу и во многом определяет стратегию его поведения.

То поколение, которое на протяжении пяти прошлых и пяти предстоящих лет достигло (достигнет) пенсионного возраста, к сожалению, имеет мало оснований для доверия и безусловной поддержки общества и его институтов, призванных сформировать у российских граждан уверенный и позитивный взгляд на пенсионное будущее. Чехарда реформ пенсионной системы, неразбериха с накопительной частью пенсионных отчислений, пренебрежение нажитым опытом и навыками – все это сформировало у наших соотечественников устойчивый «вирус» недоверия и неприятия в отношении государственных инициатив в пенсионном деле.

Система пенсионного обеспечения – это не только порядок и правила формирования накоплений в целях материальной поддержки людей, служивших обществу, но и возможность регулярного пополнения этих средств в течение длительного времени, что определяется устойчивостью и эффективностью функционирования национальной экономики. Если экономика топчется на месте, значительная часть доходов находится в тени, а публичный характер ведущих компаний проявляется только в их названии – трудно найти основания для устойчивого пополнения и приумножения средств, идущих на цели пенсионного обеспечения.

На примере пенсионных мытарств отчетливо видно, что мы и наше общество практически не извлекли уроков из ваучерной приватизации и корпоратизации 1990–2000 гг. В очередной раз при проведении масштабных реформ, затрагивающих интересы миллионов людей, наступаем все на те же грабли – поспешность, следование схемам и рецептам не всегда и/или не в полной мере учитывающим особенности экономики страны, полное пренебрежение интересами тех самых людей, для которых якобы проводятся те или иные преобразования.

Результат таких реформ вполне предсказуем – рост скептицизма граждан в отношении их пенсионного будущего, усиление роли государства в обеспечении подавляющей части пенсионных накоплений, имитация активной деятельности частных пенсионных фондов, на роль которых выдвинуты структуры крупных и крупнейших корпораций. Разработанные в тиши чиновничьих кабинетов и законодательно закрепленные процедуры выбора будущими пенсионерами «инвестиционных портфелей», казалось бы, призваны защитить их права и гарантировать доходность вложений. Однако такой подход мало пригоден в ситуации спекулятивного фондового рынка и нестабильности позиций большого числа его участников.

В то же время такой важный этап, как процесс обучения, повышения финансовой грамотности будущих пенсионеров как участников процесса становления и развития пенсионной системы, был просто проигнорирован.

Нельзя не упомянуть в этой связи весьма полезный и поучительный опыт, реализованный в 1970-е гг. на Аляске, по «внедрению в массы» навыков распоряжения теми финансовыми

возможностями, которые открывает получение в собственность ценных бумаг. Там, с целью вовлечения коренных народов Севера в процесс управления природными ресурсами, на базе компаний-природопользователей были созданы корпорации, паи (акции) которых, дающие право на доход от прибыли, были распределены между коренными жителями определённой территории. При этом последним запрещалось отчуждать свои доли на протяжении длительного времени (как правило, 25 лет), а менеджменту корпораций было вменено в обязанность регулярно информировать граждан о доходности их паёв и начислять причитающиеся финансовые средства. Когда срок моратория подошёл к концу, практически никто из пайщиков не поспешил избавляться от своих активов. Люди поняли и осознали, что означает быть собственником пакета акций.

К сожалению, в России ничего подобного не было сделано ни 30 лет назад, в ходе приватизации, ни в наши дни – в процессе формирования процедур софинансирования части пенсии на накопительной основе. Среди основных причин – отмечавшееся нами не раз на страницах «ЭКО» стремление органов власти к мнимой простоте и легкости администрирования, в последнем случае – процессами формирования и управления финансовыми потоками пенсионной системы.

Процесс стал самоцелью, его реальные результаты с точки зрения роста пенсий и заинтересованности граждан в приумножении финансовых ресурсов пенсионной системы отошли на дальний план.

Со временем со всей очевидностью выявилась и нецелесообразность включения в пакеты акций пенсионных фондов многих «назначенных лидеров» отечественной экономики. Невозможно и непродуктивно строить мнимое пенсионное благополучие в ситуации, когда список эффективных эмитентов в национальной экономике более чем скромнен. Плачевная ситуация с инвестиционными доходами заставляет искать иные пути и подходы к повышению устойчивости системы (как правило, столь же сиюминутные и непродуктивные, как и прежние). И государство увеличивает пенсионный возраст, относит к пенсионным расходам собственные обязательства по стимулированию и поощрению выполнения чиновниками и госслужащими определенных функций и т.д. К сожалению,

все эти меры, далекие от экономической сути процесса формирования финансовых ресурсов пенсионной системы, еще сильнее подрывают и ее устойчивость, и доверие населения к государству и его инициативам.

В итоге государству приходится брать на себя все большую ответственность не только за состояние пенсионной системы как таковой, но и за выполнение обязательств по выплате пенсий. Вполне очевидно, что в условиях низких темпов экономического роста и невысокой эффективности экономики в целом долго так продолжаться не может. Ставка на ОФЗ как основной источник доходности пенсионных фондов напоминает ситуацию с переза kreditованностью населения и чревата теми же последствиями (статья Н. П. Дементьева).

Позиция авторов настоящей тематической подборки состоит в последовательном и целенаправленном представлении, обосновании и отстаивании подхода к формированию устойчивой и эффективной системы пенсионного обеспечения, базирующегося на ее тесной связи с реальным сектором экономики. Это предполагает не только выработку новых подходов к проблемам формирования и страхования пенсионных резервов и выплаты пенсий, но также анализ и квалифицированную оценку состояния институциональной среды, в рамках которой эти процессы протекают (ее участников, их интересов и мотиваций).

К сожалению, эта самая среда пока еще отличается неустойчивостью, низкой степенью конкуренции, чрезвычайно узким перечнем финансовых инструментов инвестирования в доходные и надежные активы.

Так, наши авторы отмечают, что «государство, постоянно изменяя правила игры для НПФ, подталкивает часть игроков к уходу с рынка, провоцирует нестабильность функционирования системы в целом» (статья Т. А. Владимировой, О. А. Халтуриной). Как результат, «сегмент инвестирования пенсионных накоплений все ещё остаётся высококонцентрированным» (статья Г. Ф. Фатхлисламовой). Неустойчивость и частая смена взаимоотношений по линии государство-бизнес ведут, в том числе, к усилению дискриминации по возрастному признаку по отношению к работникам старших возрастов (прежде всего, пенсионного и предпенсионного) – проявлениям эйджизма (статья Б. Ж. Тагарова). Особенно сильно на рынке труда проявляет себя

статистическая дискриминация. Как итог – снижение доверия и стабильности в обществе.

Все эти проблемы – следствие несистемного и изолированно-го (в отрыве от трудовых, налоговых, финансовых и др. взаимоотношений) рассмотрения и реформирования пенсионной системы.

Наша позиция состоит в том, что нет и не может быть идеальной пенсионной системы. Ее результативность и эффективность во многом зависят от состояния экономики в целом, и в не меньшей степени – от доверия со стороны населения, работодателей, профессиональных участников и вообще всех, кого эта реформа затрагивает. Процесс проектирования любых изменений этого сложнейшего социального института необходимо основывать на непредвзятом и глубоком анализе процессов и явлений в экономике и обществе, но отнюдь не на рассмотрении частных вопросов, вроде размера текущих трансфертов федерального бюджета.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Пенсионная система в современной России: реформа за реформой...¹

Н.П. ДЕМЕНТЬЕВ, доктор физико-математических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: dement@ieie.nsc.ru

Аннотация. В последние годы в России был принят ряд законов, существенно изменивших институциональную структуру национальной пенсионной системы (акционирование пенсионных фондов, создание системы гарантирования пенсионных накоплений, замораживание накопительных пенсий). Кроме того, в конце 2018 г. вступил в силу весьма спорный закон о повышении пенсионного возраста, а в настоящее время Банком России и Минфином РФ подготовлен законопроект о создании добровольной системы индивидуального пенсионного капитала.

На основе сопоставления ключевых демографических и пенсионных показателей в России и странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) автор делает вывод, что для недавнего повышения пенсионного возраста в России (для мужчин, в особенности) не было веских оснований. Подвергнуты сомнению утверждения сторонников этого законопроекта о чрезмерных трансфертах федерального бюджета системе обязательного пенсионного страхования. Исходя из предшествующего опыта в пенсионной сфере РФ, предпринята попытка оценить, насколько принятые законы поддержат рост сбережений населения в добровольных пенсионных схемах. Показано, в частности, что в ближайшие годы проектируемая система индивидуального пенсионного капитала лишь частично сможет заменить пенсионные накопления на рынке длинных денег.

Ключевые слова: обязательное пенсионное страхование; реформа; негосударственные пенсионные фонды; индивидуальный пенсионный капитал; стареющее население; пенсионный возраст

В современной России сосуществуют три вида пенсий: трудовые пенсии в системе обязательного пенсионного страхования (ОПС, объем выплат в 2017 г. составил 6 378 млрд руб.), пенсии в системе государственного пенсионного обеспечения (пенсии военным и государственным служащим, социальные пенсии и т.п. – 433 млрд руб.) и частные пенсии в системе негосударственного пенсионного обеспечения (НПО – 60 млрд руб.).

История современной системы ОПС начинается с пенсионной реформы 2002 г., результатом которой стал переход от распределительной системы ОПС к системе с условно-накопительными

---

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект XI.170. 1.1. «Инновационные и экологические аспекты структурной трансформации российской экономики в условиях новой геополитической реальности», № АААА-А17-117022250127-8.

и накопительными элементами (накопительная пенсия предусматривалась только для граждан, родившихся после 1966 г.). Условно-накопительный элемент подразумевает, что часть пенсионных взносов идет на выплату текущих пенсий, а на индивидуальных счетах застрахованных накапливаются не реальные деньги, а обязательства государства по выплате будущих пенсий.

В основу реформы были заложены рекомендации Всемирного банка, разработанные им в начале 1990-х гг. для пенсионных систем развивающихся стран. Реформа в России долго готовилась, и поначалу Государственная дума возражала против введения в систему ОПС накопительной пенсии. Аргументация ее экспертов [Новиков, 2001] была простой: в стране с неустойчивыми экономикой и финансовой системой нельзя принуждать население делать пенсионные накопления, большая часть которых наверняка обесценится в результате инфляции и неэффективной инвестиционной политики пенсионных фондов. Примерно в то же время появились работы известных экономистов [Orszag, Stiglitz, 1999; Barr, 2001], показывавших, что большинство утверждений о преимуществах накопительных пенсионных систем не доказано ни теоретически, ни практически.

До 2014 г. система ОПС концептуально менялась мало, хотя ее отдельные элементы и параметры (тарифы пенсионных взносов, минимальный рабочий стаж, формула расчета пенсий и пр.) многократно пересматривались. При этом, насколько можно судить, властями преследовались две основные цели. Во-первых, пенсии в России были и остаются низкими по мировым меркам, и с этим нужно что-то делать. Во-вторых, в правительстве считают, что трансферты из федерального бюджета на обязательное пенсионное страхование чрезмерны, и их следует сократить. Однако череда не всегда продуманных корректировок российской пенсионной системы не повышала ее эффективность, а лишь снижала доверие к ней со стороны населения (нельзя доверять долгосрочные сбережения системе, в которой правила игры постоянно меняются).

В мире существует множество хорошо работающих пенсионных систем разного типа. Важно, чтобы тип системы отвечал реалиям страны. Причина же российских неудач в поисках повышения эффективности пенсионной системы состоит в том, что вне зависимости от ее типа трудно обеспечить достойные пенсии в стране со stagnирующей экономикой, неустойчивой финансовой

системой, слабой налоговой дисциплиной, громадным выводом капитала за рубеж и низкими доходами населения. Тем не менее, как мы видим, поиски «чудодейственной» пенсионной системы продолжаются.

На декабрь 2013 г. пришелся пик в пенсионном законодательстве, предопределивший изменения в пенсионной сфере на несколько лет вперед. Были приняты законы² об акционировании негосударственных пенсионных фондов и о создании системы гарантирования пенсионных накоплений. Их цель – сделать деятельность НПФ более прозрачной для Банка России и повысить устойчивость накопительной составляющей пенсии.

Тогда же, в декабре, был принят закон³, по которому граждане 1967 г. рождения и моложе должны были подтвердить намерение и дальше отчислять средства на накопительную пенсию, иначе их взносы целиком пойдут на формирование страховой пенсии. Кроме того, в 2014 г. было решено заморозить накопительные пенсионные взносы. Как говорилось в годовом отчете ПФР за 2014 г., «на время преобразований введена законодательная приостановка новых обязательных отчислений на накопительную часть пенсии – все страховые взносы в 2014 году направлялись на формирование страховой части трудовой пенсии». Затем, однако, заморозка из года в год продлевалась, и в обозримом будущем накопительные взносы едва ли будут восстановлены.

Еще в 2016 г. Минфин и Банк России предложили вообще ликвидировать накопительную часть в системе ОПС и одновременно создать добровольную систему индивидуального пенсионного капитала (ИПК). К настоящему времени соответствующий законопроект ими подготовлен, но официально не опубликован (хотя основные положения его известны и активно обсуждаются в открытой печати).

---

²ФЗ № 410-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О негосударственных пенсионных фондах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2013 г.

ФЗ № 422-ФЗ «О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации при формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений, установлении и осуществлении выплат за счет средств пенсионных накоплений» от 28.12.2013.

³ФЗ № 351-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения» от 04.12.2013.

Наконец, 3 октября 2018 г. был принят закон о повышении возраста выхода на пенсию до 65 лет для мужчин и до 60 лет для женщин. Этот закон негативно был воспринят населением России, чему были объективные причины. В последние годы появилось немало работ по пенсионной проблематике, авторов которых можно с некоторой долей условности поделить на сторонников и противников повышения пенсионного возраста. К числу первых относятся, в частности, экономисты, имеющие или имевшие отношение к Минфину. По их мнению, без повышения пенсионного возраста экономический рост в России замедлится и, главное, федеральный бюджет окажется под угрозой кризиса из-за его чрезмерных трансфертов пенсионной системе [Гурвич, Сонина, 2012; Кудрин, Гурвич, 2012; Гурвич, Иванова, 2018]. Вторую группу составляют экономисты, считающие, что демографическая ситуация и состояние здоровья населения не дают оснований для повышения пенсионного возраста [Вишневецкий и др., 2012; Аганбегян, 2015; Синявская, 2017; Горлин и др., 2018; Щетинина, 2018; Любинин, 2018].

В этой статье затронутые выше вопросы рассматриваются более подробно. Акцент сделан на анализ и сравнение основных показателей и параметров пенсионных систем в России и странах ОЭСР, публикующих подробную статистику по пенсионной проблематике. На основе уже накопленного опыта в пенсионной сфере РФ предпринята попытка оценить, поспособствуют ли принятые законы росту сбережений населения в добровольных пенсионных схемах. Кроме пенсионной и демографической статистики Росстата, Банка России, ПФР и российских НПФ, использовались также данные ООН, ОЭСР, Евростата и Всемирного банка.

Так ли уж велики трансферты федерального бюджета системе ОПС?

Согласно годовому отчету ПФР, в 2017 г. пенсионные взносы в системе ОПС составили 4482 млрд руб., а объем выплаченных страховых пенсий – 6378 млрд руб. Дефицит (2072 млрд руб.) был покрыт за счет трансфертов из федерального бюджета. Следует, однако, отметить, что более трети последней суммы составили средства на финансирование государственных льгот в виде досрочного выхода на пенсию (313 млрд руб.) и пониженных тарифов

страховых взносов (434 млрд руб.). Такие затраты федерального бюджета лишь условно можно считать дотациями системе ОПС.

Среди лиц, имеющих право на досрочный выход на пенсию, можно выделить две основные группы. Первую составляют лица, отработавшие определенное количество лет на рабочих местах с вредными и опасными условиями труда, а вторую – представители ряда профессий, которым это право предоставляется по выслуге лет (это большей частью учителя и врачи).

Практика финансирования государством досрочного выхода на пенсию работников на вредных и опасных производствах вызывает немало вопросов. Действительно, в рыночной экономике издержки, связанные с досрочными пенсиями, логично возложить на работодателей. Финансирование таких издержек государством является, по сути, трансфертом не пенсионной системе, а корпорациям. У последних к тому же ослабляются стимулы к модернизации вредных производств, что составляет дополнительный минус системы такого спонсирования. Впрочем, здесь происходят позитивные изменения: ныне в зависимости от степени вредности и опасности условий труда действуют дополнительные тарифы пенсионных взносов – от 0 до 8% от заработной платы. Что же касается учителей и врачей, то работодателем для большинства из них является государство, потому оно и должно нести издержки, связанные с правом на досрочную пенсию.

Аналогичным образом государство предоставляет право на пониженные страховые взносы некоторым компаниям из сферы информационных технологий и из особых экономических зон. Например, для резидентов проекта «Сколково» тариф пенсионных взносов равен 14% (вместо 22%), для IT-компаний – 8%, для резидентов особых экономических зон – 6%⁴. Финансирование подобных льгот – это элемент политики государства по стимулированию инновационной деятельности, а потому именно оно, а не пенсионная система, должно такую политику оплачивать.

Итак, в 2017 г. трансферты федерального бюджета системе ОПС за вычетом указанных выше дотаций, можно оценить в 1325 (2072–747) млрд руб., что составляет 20,8% от выплаченных страховых пенсий. Это не критичный объем. В Германии,

---

⁴ URL: <https://buhguru.com/strahovie-vznosy/stavki-ponizh-tarif-strah-vznos.html> (дата обращения: 17.04.2019).

например, в 2015 г. государственные дотации составили около 50% доходов общенационального пенсионного страхового фонда⁵. Разумеется, в России и Германии сравнивать доли государства в финансировании пенсий следует осторожно, ведь пенсионные системы в них различаются. Однако в России данный показатель настолько ниже, что трансферты федерального бюджета на финансирование страховых пенсий едва ли можно считать чрезмерными.

Вообще, на фоне стран Евросоюза государственные социальные расходы в России, в которые включаются и пенсионные трансферты, выглядят намного скромнее. Так, по информации Росстата, в 2015 г. денежные социальные пособия в расходах сектора «Государственное управление» составляли 10,8% от ВВП, тогда как аналогичные расходы стран Евросоюза – в среднем 15,8% (данные Евростата). Так что уверения Минфина о том, что система ОПС обходится федеральному бюджету слишком дорого и потому пенсионный возраст следует увеличить, выглядят не слишком убедительными. Как отмечалось в работе А. Соловьева [Соловьев, 2015], повышение пенсионного возраста должно быть направлено на стимулирование формирования пенсионных прав застрахованных в долгосрочной перспективе, «а не на умозрительную экономию средств государственного бюджета».

Повышение пенсионного возраста в демографическом и экономическом контексте

Предложения о повышении в России пенсионного возраста выдвигались в структурах Минфина РФ задолго до принятия соответствующего закона. Так, например, в работах [Гурвич, Сони́на, 2012; Кудрин, Гурвич, 2012] были исследованы проблемы старения населения в России и связанные с ними угрозы для экономики и государственного бюджета и сделаны выводы о необходимости повышения пенсионного возраста. Дескать, «чем раньше это произойдет, тем лучше и для пенсионеров, и для налогоплательщиков, и для страны в целом, поскольку рано или поздно придется пойти по этому пути» [Кудрин, Гурвич, 2012].

При этом в статьях ничего не говорилось о том, что при 60-летнем пенсионном возрасте до пенсии не доживал каждый

---

⁵ URL: <https://pensiya-igoty.ru/pensionnaya-sistema-v-germanii/> (дата обращения: 17.04.2019).

третий российский мужчина, а после его повышения таковых окажется намного больше. Лишь в 2018 г., когда вопрос о повышении пенсионного возраста уже был практически решен, авторы работы [Гурвич, Иванова, 2018] свои выводы о его необходимости снабдили оговоркой: если повышение «обосновано с точки зрения демографических показателей и состояния здоровья населения».

Возникает вопрос, учитывались ли в должной мере демографические условия в ходе обсуждения и принятия закона о повышении пенсионного возраста? Исследования российских демографов убеждают, скорее, в обратном. Так, О.В. Синявская, сопоставив демографические показатели в России и других странах, сделала вывод «о возможности рассматривать повышение пенсионного возраста для женщин, но не для мужчин» [Синявская, 2017]. Столь же определенно высказывались ее коллеги из Института социального анализа и прогнозирования: «... демографический потенциал повышения пенсионного возраста для мужчин крайне ограничен ... имеется определенный демографический потенциал повышения пенсионного возраста в отношении женщин» [Горлин и др., 2018]. Схожие выводы на основе анализа демографической динамики в России (с привлечением показателей продолжительности здоровой жизни) были сделаны в работах А. Вишневого и др. [Вишневский и др., 2012; Аганбегян, 2015]: демографических оснований для повышения пенсионного возраста нет, сначала необходимо увеличить продолжительность здоровой жизни населения.

Проведенный ниже сравнительный анализ пенсионных и демографических показателей в России и странах ОЭСР подтверждает правоту противников повышения пенсионного возраста в России. В ходе анализа были примерно оценены доли пенсионных выплат отдельно мужчинам и женщинам в доходах всего населения в России и странах ОЭСР.

В 2016 г. в России пенсионный возраст для мужчин составлял 60 лет, а для мужчин из стран ОЭСР – в среднем 65,8 года (табл. 1). Несмотря на почти шестилетнюю разницу в пенсионном возрасте, в России только 65,9% мужчин могли в тот год дожить до пенсии, тогда как в странах ОЭСР – около 83,8%. В России средняя продолжительность жизни пенсионеров-мужчин (от 60 лет) была равна 15,5 года, а в странах ОЭСР

аналогичный показатель (от 65 лет) – 18,2 года. Кроме того, в России чистый коэффициент замещения пенсией утраченного заработка для мужчин в 2016 г. составлял 38,8%, а странах ОЭСР – 62,9% (а с учетом пенсий в добровольных пенсионных схемах – 69,1%). Итак, по каждому из приведенных ключевых показателей положение российских пенсионеров-мужчин было намного хуже, чем в странах ОЭСР. И это даже при прежнем 60-летнем пенсионном возрасте.

Таблица 1. Демографические и пенсионные показатели в России и странах ОЭСР, 2016 г.

Демографические и пенсионные показатели	Женщины		Мужчины	
	Россия	ОЭСР	Россия	ОЭСР
Средняя продолжительность жизни, лет				
от рождения	76,8	83,4	65,6	78,3
от 60 лет	21,0	(23,9)	15,5	(19,9)
от 65 лет	17,6	21,3	13,1	18,2
Вероятность дожития от рождения до 60 лет,%	86,5	(91,9)	65,9	(82,0)
Вероятность дожития от рождения до 65 лет,%	82,5	90,7	57,2	83,8
Пенсионный возраст (для ОЭСР – в среднем по странам), лет	55,0	65,5	60,0	65,8
Валовой коэффициент замещения,%	28,6	52,3	33,7	52,9
Валовой коэффициент замещения с учетом добровольных пенсионных схем,%	...	...	33,7	58,7
Чистый коэффициент замещения,%	32,9	62,2	38,8	62,9
Чистый коэффициент замещения с учетом добровольных пенсионных схем,%	...	...	38,8	69,1

Источник: таблица составлена большей частью по данным доклада ОЭСР о пенсионных системах в странах ОЭСР и группы G20, вышедшего в 2017 г. Pensions at a Glance 2017. OECD and G20 Indicators. DOI.org/10.1787/pension_glance-2017-en. Сведения о вероятности дожития от рождения до 60 лет взяты из статистики ООН. United Nations. World Population Prospects 2017. Mortality indicators. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Mortality/> (дата обращения: 22.03. 2019)., а до 65 лет – из статистики Всемирного банка. The World Bank. Survival to age 65, female (% of cohort). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TO65.FE.ZS> (дата обращения: 22.03. 2019). The World Bank. Survival to age 65, male (% of cohort). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TO65.MA.ZS> (дата обращения: 22.03. 2019).

Примечание: Цифры в скобках относятся к Европе в целом. Ожидаемая продолжительность жизни людей определяется как число лет, которое они в среднем могли бы прожить, если бы на протяжении этих лет соблюдались те же возрастные и половые коэффициенты смертности, что и в 2015–2020 гг. Валовой коэффициент замещения пенсией утраченного заработка рассчитывается как отношение назначенной пенсии к предпенсионному заработку. Чистый коэффициент замещения отличается от валового учетом выплачиваемых работниками и пенсионерами подоходных налогов и взносов в систему социального обеспечения.

После повышения пенсионного возраста до 65 лет вероятность дожития российских мужчин до пенсии снижается до 57,2%, средняя продолжительность жизни от 65 лет – до 13,1 года, и разница в положении мужчин-пенсионеров в России и странах ОЭСР становится совсем уж чрезмерной.

О том же свидетельствуют и показатели старения населения в России и странах ОЭСР. Коэффициент старения населения определяется в статистике ОЭСР как число лиц старше 65 лет, приходящихся на 100 лиц в возрасте от 20 до 64 лет. Согласно докладу ОЭСР о пенсионных системах в странах ОЭСР и G20 за 2017 г., в 2015 г. такой коэффициент в России был равен 20,7, тогда как в странах ОЭСР – 27,9.

На основе статистики Росстата и ООН по распределению населения по полу и возрасту в странах мира⁶ можно рассчитать пропорции между численностями мужчин и женщин старше 65 лет в России и странах ОЭСР – 10:21 и 10:13 соответственно. Следовательно, после повышения пенсионного возраста следует ожидать, что в России на 1000 граждан в возрасте от 20 до 64 лет будет приходиться 67 мужчин-пенсионеров ($67 \approx 207 / (1+2,1)$), тогда как в странах ОЭСР – 121 ($121 \approx 279 / (1+1,13)$), т.е. в 1,8 раза больше.

Кроме того, уровень замещения пенсией утраченного заработка для российских мужчин в 1,6 раза ниже, чем в странах ОЭСР (с учетом участия в добровольных пенсионных схемах – в 1,8 раза ниже). Прикидочные расчеты показывают, что доля мужских пенсий в доходах населения России будет примерно в три раза ниже по сравнению с аналогичным показателем в странах ОЭСР.

Несколько лучше в России обстоят дела с пенсиями для женщин. Судя по таблице 1, при пенсионном возрасте в 60 лет вероятность дожития российских женщин до пенсии равна 86,5%, что сопоставимо с показателями ОЭСР. Действительно, в странах ОЭСР средний пенсионный возраст для женщин – 65,5 года, а вероятность дожития до 65 лет равна 90,7%.

---

⁶ ФСГС. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.05.2019); Demographic Yearbook, 2015. United Nations. New York. URL:

<https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/products/dyb/dybssets/2015.pdf> (дата обращения: 07.05.2019).

Средняя продолжительность жизни женщин-пенсионерок (от 60 лет в России и от 65 в странах ОЭСР) почти одинакова – 21 год и 21,3 года. Но по чистому коэффициенту замещения пенсией утраченного заработка женщины России почти в два раза уступают женщинам в странах ОЭСР – соответственно 32,9 и 62,2%. Так что после повышения пенсионного возраста доля пенсий российских женщин в доходах всего населения страны окажется ниже в сравнении с аналогичным показателем в странах ОЭСР. Хотя, конечно, разрыв здесь не столь значителен, как у мужчин.

В России широко распространена практика теневых зарплат, что снижает доходы Пенсионного фонда России. Как заявил А. Силуанов в ноябре 2017 г., «от четверти до трети зарплат находятся в “серой” зоне»⁷. Стало быть, лишь 67–75% потенциальных пенсионных взносов поступает в систему ОПС (вот где следовало бы искать резервы для повышения пенсий). После повышения пенсионного возраста вывод зарплат в «тень» наверняка еще более расширится. Это выгодно работодателям, а что до молодых мужчин, то они едва ли будут сильно беспокоиться о своей будущей пенсии, ведь около 40% из них все равно до нее не доживет. Возникает вопрос, возможно ли снижение явно завышенных пенсионных возрастов в России (пусть и не до прежних уровней). Выглядит это невероятным, хотя подобный прецедент имел место в Польше. Там в 2013 г. пенсионный возраст для обоих полов подняли до 67 лет, но уже в 2016 г. вернулись к прежним параметрам: 65 лет для мужчин и 60 – для женщин.

При одинаковых пенсионных возрастах в России и Польше между ними есть большие демографические различия: если россиянин доживет до 65 лет с вероятностью в 57%, то поляк – с вероятностью в 76%; если россиянин будет жить после 65 лет в среднем 13,1 года, то поляк – 17,5 года. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что в России повышение пенсионного возраста растянуто на пять лет, но, как показывает статистика, демографические показатели медленно изменяются во времени.

---

⁷ URL: <https://finance.rambler.ru/money/38532281-do-treti-zarplat-rossiyan-nahodyatsya-v-seroy-zone/> (дата обращения: 03.06.2019).

Банк России ужесточает контроль над пенсионными фондами

Одной из причин появления в конце 2013 г. законов об акционировании НПФ и о системе гарантирования пенсионных накоплений была низкая доходность последних (см., например [Дементьев, 2015]). На протяжении 2008–2014 гг. она составляла в НПФ в среднем 5% годовых, тогда как потребительские цены росли в среднем на 8,8% за год. Для будущих пенсионеров делать накопления при такой доходности не имеет смысла.

Отметим, что при нынешней структуре инвестирования пенсионных накоплений их доходность в принципе не может быть высокой. По данным Банка России, на 31 декабря 2018 г. структура совокупных активов четырех крупнейших НПФ, на которые приходился 71% всех пенсионных накоплений, имела следующий вид: долговые ценные бумаги – 86%, акции – 7,5%, денежные средства – 6,5%. Ясно, что только акции могли иметь доходность, существенно превышающую банковский процент по депозитам, но их доля в активах недостаточна, чтобы существенно повлиять на совокупные показатели фонда.

Низкая доходность пенсионных накоплений связана также с тем, что многие НПФ озабочены в первую очередь интересами своих учредителей, а не клиентов. Нередко банки открывают пенсионные фонды и привлеченные пенсионные средства инвестируют в свои же активы по завышенной цене. Хотя на такие операции закон накладывает ограничения, их нередко обходили путем формально законных перекрестных инвестиций между финансовыми структурами. Так, например, по словам Э. Набиуллиной⁸, до недавнего времени существовало «московское банковское кольцо», в которое входили банки и пенсионные фонды. В 2017 г. банки «кольца» прямо или косвенно контролировали шесть НПФ («ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ», «БУДУЩЕЕ», «САФМАР», «РГС», «Доверие» и «НПФ электроэнергетики»), в которых было сосредоточено около половины всех пенсионных накоплений. Чтобы обойти ограничения Центробанка, внутри «кольца» проводились перекрестные операции.

В 2017 г. большие трудности стали испытывать два банка из «кольца» (ФК «Открытие» и Бинбанк). Спасла их лишь

---

⁸ Ведомости. 2018. 6 июня. С. 1.

санация со стороны Банка России, который не мог допустить краха системообразующих организаций. Все шесть НПФ при этом понесли потери: пенсионные накопления в них имели в 2017–2018 гг. отрицательную доходность. В результате в 2018 г. средневзвешенная доходность пенсионных накоплений во всех НПФ составила 0,1% (и это до вычета административных издержек)⁹.

Согласно закону об акционировании, до конца 2015 г. все НПФ, работающие в системе ОПС, должны были быть преобразованы из некоммерческих организаций в акционерные общества (последние более жестко контролируются Банком России). НПФ, работающие только в системе негосударственного пенсионного обеспечения (НПО), должны были пройти процедуру акционирования до конца 2018 г. Одновременно ужесточались требования по размеру собственных средств и уставного капитала (не менее 150 и 120 млрд руб. соответственно), по прозрачности информации о физических лицах, контролирующих решения акционеров руководителей НПФ, по квалификации руководителей фондов и т.д. Кроме того, акционерным НПФ запрещается выплачивать дивиденды по акциям в течение пяти лет со дня их регистрации. Некоторые фонды не прошли «экзамен», некоторые объединились, и к концу 2018 г. число НПФ снизилось до 52, тогда как на 31 декабря 2013 г. их было 120.

НПФ, работающие с пенсионными накоплениями и прошедшие акционирование, должны войти в систему гарантирования пенсионных накоплений. Данная система состоит из двух уровней. Первый составляют собственные резервы пенсионных фондов, а второй – Фонд гарантирования пенсионных накоплений (ФГПН), формирующийся за счет обязательных взносов пенсионных фондов (до принятия закона о системе гарантирования пенсионных накоплений в конце 2013 г. второго уровня гарантий не было). ФГПН управляется Агентством по страхованию вкладов (АСВ), которое гарантирует стопроцентную сохранность взносов на накопительную пенсию. Обычно утверждается, что система гарантирования пенсионных накоплений является аналогом страхования банковских вкладов. Однако это верно лишь

---

⁹ Банк России. Обзор финансовой стабильности. IV квартал 2018 года. I квартал 2019 года. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19790/OFS_19-01.pdf (дата обращения: 04.06.2019).

отчасти. Если в случае банкротства банка АСВ гарантирует возврат вкладов вместе с процентными доходами (до 1,4 млн руб.), то после отзыва лицензии у пенсионного фонда возмещаются лишь номинальные накопительные взносы (без инвестиционного дохода). Стало быть, по сравнению с банковскими вкладами риски пенсионных накоплений более высоки. Если система накопительных пенсий будет сохранена, то гарантии ФГПН наверняка подвигнут фонды к расширению инвестиций в более доходные, но и более рискованные активы, в корпоративные акции, прежде всего.

Перспективы индивидуального пенсионного капитала

С предложением о создании системы индивидуального капитала (ИПК) Банк России и Минфин выступили еще в 2016 г., но до сих пор в ее деталях нет полной определенности. Не вполне ясно, что будет с системой накопительных пенсий в рамках ОПС, но почти наверняка можно утверждать, что в ближайшие годы она будет либо ликвидирована (при этом неясно, что будет с уже существующими пенсионными накоплениями), либо оставаться в замороженном состоянии. По недавним словам А. Силуанова¹⁰, законопроект о системе индивидуального пенсионного капитала уже готов, но его опубликование и обсуждение были отложены из-за негативной реакции в стране на закон о повышении пенсионного возраста. Все же выступления должностных лиц Минфина, Банка России, Минтруда и ПФР дают довольно полное представление об основных положениях законопроекта.

Предполагается, что обязательные взносы в систему ОПС останутся на прежнем уровне в 22% от заработной платы, и все они пойдут на выплату текущих страховых пенсий. Тем самым система ОПС станет полностью условно-накопительной. По желанию работающие могут участвовать в системе ИПК и отчислять в НПФ из своей заработной платы от 0 до 6%. После выхода на пенсию участник ИПК может сразу забрать свои сбережения либо получать их частями в последующие годы. Если в пенсионном плане участника не предполагаются пожизненные

---

¹⁰ ЦБ сообщил о скором начале обсуждения новой пенсионной концепции. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c3df4d89a79471fbb6ef5db> (дата обращения: 04.06.2019).

выплаты, то в случае его смерти остатки накопленного капитала достанутся его наследникам. В экстраординарных случаях (жизненно необходимые медицинские расходы, например) можно будет воспользоваться капиталом и до выхода на пенсию.

В качестве стимулирующей меры предполагается не взимать НДФЛ с той части заработной платы, которая отчисляется в систему ИПК. Кроме того, на средства участников системы ИПК будет распространен тот же страховой механизм, что действует для пенсионных накоплений: АСВ будет гарантировать возврат взносов, но без инвестиционного дохода.

С. Швецов, первый зампредела Банка России, считает, что система ИПК соберет 10 трлн руб. за десять лет, если она «будет запущена в широкомасштабном формате»¹¹. Весьма оптимистичен и А. Силуанов, по словам которого, внедрение ИПК прибавит к пенсии до 20% от среднемесячной зарплаты¹².

Предполагаемую ликвидацию пенсионных накоплений в системе ОПС можно рассматривать как исправление ошибки пенсионной реформы 2002 г., на которую еще при подготовке реформы указывали в Госдуме. Нечто подобное уже сделали в Венгрии, Польше, Чехии и некоторых латиноамериканских странах, где полностью или частично отказались от введенных ранее обязательных пенсионных накоплений. В то же время нет оснований считать, что система ИПК может стать полноценным заменителем пенсионных накоплений на рынке «длинных» денег. Приведенные выше прогнозы С. Швецова и А. Силуанова выглядят явно несбыточными. На это указывает хотя бы опыт добровольной Программы государственного софинансирования пенсий.

Как известно, в Программе накопительные взносы граждан (в размере от 2 до 12 тыс. руб. за год) удваиваются государством, что, конечно же, не в пример выгоднее налоговых льгот в проектируемой системе ИПК. Тем не менее результаты Программы оказались мизерными: за 2009–2017 гг. взносы ее участников составили всего лишь 56,4 млрд руб. Непонятно, почему российские граждане и их работодатели захотят массово участвовать в системе ИПК, если они фактически проигнорировали более

¹¹ Усов И. Пенсионной системе готовят три «П» // Коммерсант. 2018. 21 мая. С. 8.

¹² Силуанов рассказал о способе увеличить пенсию на 20% от зарплаты. URL: <https://www.vestifinance.ru/videos/46974> (дата обращения: 04.06.2019).

привлекательную программу софинансирования. О том же свидетельствует стагнация существующей системы НПО в России (более подробно в следующем разделе статьи), безразличие большей части населения («молчунов») к своей накопительной пенсии, его нежелание участвовать в другом виде коллективных инвестиций – в паевых инвестиционных фондах [Дементьев, 2017]. К тому же банковские вклады и сбережения в государственных ценных бумагах имеют минимальные риски, а по доходности не уступают средствам в пенсионных фондах.

Итак, в ближайшие годы от введения системы ИПК едва ли стоит ожидать значительных изменений в финансовой и пенсионной сфере России. Основная масса населения проигнорирует ее так же, как она это сделала с Программой государственного софинансирования пенсий. Скорее всего, крупные монополии переведут часть корпоративных пенсий из обычного формата в систему ИПК, но это окажется переключением пенсионных средств из одной структуры в другую. Предполагаемая система ИПК отчасти следует опыту государственного стимулирования сбережений населения США в частных пенсионных программах, но там для этого существуют намного более благоприятные условия. Сказанное не означает, что систему ИПК не следует вводить: добровольные пенсионные сбережения надо поощрять в любом случае. Если в ближайшие годы экономика России начнет, наконец, стабильно развиваться, то через 5–10 лет результаты системы ИПК могут оказаться ощутимыми.

Проблемы негосударственного пенсионного обеспечения

Напомним, на 31 декабря 2018 г. в России действовало 52 негосударственных пенсионных фонда. Из них 17 фондов работали только в рамках системы НПО, 2 – только в рамках системы ОПС, и 33 – в обеих системах. Согласно таблице 2, пенсионные накопления в НПФ составляли 2582 млрд руб., а пенсионные резервы – 1268 млрд руб.¹³ В таблице представлены фонды с активами свыше 100 млрд руб. Совокупный объем их активов равен 3559 млрд руб., или 87,7% от активов всех НПФ. Это

---

¹³ Пенсионные накопления и пенсионные резервы в НПФ формируются для обеспечения обязательств перед застрахованными в системе ОПС и участниками системы НПО, соответственно.

свидетельство высокой концентрации и низкой конкуренции в пенсионной сфере России.

Особенно высока концентрация в системе НПО, где выделяются два лидера – «ГАЗФОНД» и «БЛАГОСОСТОЯНИЕ». Первый из них обслуживает большей частью корпоративные пенсионные программы для работников ПАО «Газпром». Треть работников в газовой отрасли – будущие получатели корпоративных пенсий в этом фонде¹⁴. Основная специализация НПФ «БЛАГОСОСТОЯНИЕ» – пенсионное обеспечение работников холдинга «Российские железные дороги». В его корпоративных программах участвуют около 660 тыс. железнодорожников¹⁵. На 30 сентября 2018 г. пенсионные резервы в обоих фондах составляли 793 млрд руб. (62,5% в пенсионных резервах всех НПФ).

Таблица 2. Основные показатели деятельности НПФ на 31 декабря 2018 г.

Негосударственный пенсионный фонд	Активы, млн руб.	Пенсионные резервы, млн руб.	Количество участников НПО, чел.	Пенсионные накопления, млн руб.	Количество застрахованных, чел.
Все НПФ	4 056 957	1 267 959	6 131 624	2 582 323	36 973 256
В том числе:					
НПФ Сбербанка	627 149	37 718	1 752 035	573 509	8 855 165
«Открытие»	564 937	63 996	540 826	492 990	7 415 120
«ГАЗФОНД пенсионные накопления»	541 409	18 964	160 505	505 785	6 325 739
«ГАЗФОНД»	477 483	386 805	233 020	0	0
«БЛАГОСОСТОЯНИЕ»	407 632	379 841	1 298 137	0	0
«БУДУЩЕЕ»	268 032	3 370	73 792	262 197	4 502 671
ВТБ Пенсионный фонд	200 019	4 297	65 214	191 830	2 120 615
«НЕФТЕГАРАНТ»	192 674	65 901	160 383	120 664	1 530 433
«САФМАР»	177 631	8 018	76 680	165 023	2 163 200
«Транснефть»	101 711	89 352	143 124	9 426	49 321

Источник: ЦБ РФ. Субъекты рынка коллективных инвестиций. URL: https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ (дата обращения: 09.04.2019).

На 30 сентября 2018 г. в фондах «ГАЗФОНД», «Транснефть», «НЕФТЕГАРАНТ» пенсионные резервы в расчете на одного

¹⁴ Корпоративная программа ПАО «Газпром». URL: <https://gazfond.ru/corporate/gazprom/> (дата обращения: 27.05.2019).

¹⁵ Корпоративная пенсионная система холдинга «РЖД». URL: <http://npfb.ru/cotrudnikam-rzhd/> (дата обращения: 27.05.2019).

участника НПО составляли в среднем 1046 тыс. руб., а в НПФ «БЛАГОСОСТОЯНИЕ» – 298 тыс. руб. В остальных же фондах, на которые приходилось 70,1% всех участников НПО, аналогичный показатель был равен символическим 74 тыс. руб.

Как видим, система НПО обслуживает в основном корпоративные пенсионные программы нескольких крупных монополий. Прочие предприятия и просто физические лица проявляют к ней мало интереса. Поэтому в последние годы система НПО находится в стагнации: за 2012–2018 гг. количество ее участников сократилось с 6,6 до 6,1 млн чел., а пенсионные резервы в реальном выражении (с учетом официального роста потребительских цен) росли в течение этого периода в среднем на 1,7% за год. И это притом, что в Налоговом кодексе РФ предусмотрены льготы для стимулирования добровольного пенсионного страхования. Взносы физического лица в систему НПО (до 120 тыс. руб. в год) вычитаются из налоговой базы по НДФЛ. Если работодатель участвует в пенсионных программах своих работников, то его взносы, не превышающие 12% от оплаты труда, уменьшают базу по налогу на прибыль.

Причины непопулярности добровольных пенсионных программ хорошо известны: невысокие доходы подавляющего числа граждан России, низкая инвестиционная доходность пенсионных средств и, особенно – недоверие населения к финансовой системе вообще и пенсионным фондам в частности. По данным Банка России¹⁶, на 30 сентября 2018 г. доля активов без рейтинга и с высоким риском в совокупном портфеле пенсионных резервов была равна 28%, что негативно сказывалось на его доходности. За первое полугодие 2018 г. она составила 5,4% годовых (до вычета вознаграждения фондам, управляющим компаниям и специализированным депозитариям).

В то же время пенсионные накопления в НПФ довольно быстро росли. За 2012–2018 гг. их объем вырос с 394 до 2582 млрд руб., а число застрахованных в НПФ (по системе ОПС) – с 11,9 до 37 млн чел. Факторами роста были принудительные накопления населения (до 2014 г.), инвестиционные доходы и, главное – переход застрахованных со своими накоплениями

---

¹⁶ Банк России. Обзор финансовой стабильности. II–III кварталы 2018 года. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/10438/OFS_18-02.pdf (дата обращения: 04.06.2019).

из Пенсионного фонда России в негосударственные пенсионные фонды.

В России потенциал добровольного пенсионного страхования сильно переоценивается властями. Частные пенсионные планы (программы) действительно широко распространены в некоторых странах с передовой экономикой и высокоразвитым фондовым рынком. В США, например, около половины привлеченных средств частные пенсионные фонды напрямую или через взаимные фонды инвестируют в корпоративные акции, которые на протяжении многих лет быстро росли в цене и тем самым обеспечивали программам очень высокую доходность. Именно с этим связано широкое участие населения в различных пенсионных программах на протяжении последних четырех десятилетий.

В большинстве других стран роль частного пенсионного страхования в инвестиционных процессах и пенсионном обеспечении населения намного скромнее. По данным ОЭСР, на конец 2016 г. в четырех «англосаксонских» странах (США, Великобритания, Канада, Австралия) активы частных пенсионных планов составляли 31,2 трлн долл. (в США – 25,1 трлн долл.), тогда как в остальных 31 странах – участницах этой организации – всего лишь 6,9 трлн долл.

Выше указывалось, что в ОЭСР коэффициент замещения утраченного заработка пенсией составлял 62,9%, а с учетом добровольных пенсионных схем – 69,1%. Это означает, что пенсии, получаемые из систем обязательного страхования, примерно в 10 раз превышают пенсии, получаемые по добровольному страхованию. В России с ее скромной экономикой и множеством институциональных «несовершенств» тем более нельзя ожидать сколько-нибудь быстрого развития добровольного пенсионного страхования в ближайшие годы.

Краткие выводы

Вызывает большие сомнения утверждение о том, что трансферты федерального бюджета системе обязательного пенсионного страхования слишком велики. Более трети из них связаны не с теми или иными недостатками системы ОПС, а с государственной политикой в виде финансирования досрочного выхода на пенсию отдельных категорий работников либо пониженных

тарифов страховых взносов. Такие льготы представляют собой дотирование государством некоторых видов экономической деятельности, а потому оно и должно их оплачивать.

Сопоставление демографических и пенсионных показателей в России и странах ОЭСР свидетельствует о том, что для недавнего резкого повышения пенсионного возраста не было веских оснований (для мужчин, в особенности). По трем ключевым показателям (вероятность дожития до пенсии, средняя продолжительность жизни в пенсионном возрасте, коэффициент замещения пенсией утраченного заработка) российские мужчины-пенсионеры и до повышения пенсионного возраста намного уступали мужчинам из стран ОЭСР, а после повышения разрыв стал совсем уж критическим. На основе коэффициентов старения и статистики распределения населения по полу и возрасту был сделан вывод, что после повышения пенсионного возраста в России доля мужских пенсий в доходах всего населения будет примерно в три раза ниже, чем в странах ОЭСР. По тому же показателю российские женщины также будут значительно уступать женщинам в странах ОЭСР (хотя и не столь сильно, как мужчины).

По многим причинам (стагнация в экономике, неустойчивая финансовая система, неэффективная и, порой, недобросовестная инвестиционная политика пенсионных фондов и пр.) пенсионные средства имеют низкую инвестиционную доходность. На этом фоне акционирование НПФ, создание системы гарантирования пенсионных накоплений, заморозка системы накопительных пенсий с ее вероятной ликвидацией в будущем – вполне обоснованные меры. Вместе с тем в ближайшие годы проектируемая Банком России и Минфином добровольная система индивидуального пенсионного капитала едва ли окажет скольконнибудь значительное влияние на пенсионную сферу, на рынок «длинных» денег. Она будет просто проигнорирована основной частью населения, как это ранее произошло с гораздо более выгодной Программой государственного софинансирования пенсии. Нужны устойчивые изменения к лучшему в экономике и финансовой сфере, а также время, чтобы население изменило укоренившееся негативное отношение к добровольным пенсионным сбережениям.

Что же касается системы негосударственного пенсионного обеспечения, она по-прежнему обслуживает большей частью корпоративные пенсионные программы нефтегазовых монополий и холдинга «РЖД». В ближайшем будущем нет оснований ожидать быстрого развития системы НПО.

Литература

Аганбегян А.Г. О продолжительности здоровой жизни в пенсионном возрасте // ЭКО. 2015. № 7. С. 144–157.

Вишневецкий А., Васин С., Рамонов А. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 88–109.

Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Малева Т.М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 148–149.

Гурвич Е., Сони́на Ю. Микроанализ российской пенсионной системы // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 27–51.

Гурвич Е.Т., Иванова М.А. Экономический эффект старения населения и пенсионных реформ // Финансовый журнал. 2018. № 5. С. 9–22.

Дементьев Н.П. Пенсионная система в современной России: перманентное реформирование и неопределенность // ЭКО. 2015. № 11. С. 153–168.

Дементьев Н.П. Российские паевые инвестиционные фонды: закрытые общества миллионеров // ЭКО. 2017. № 9. С. 176–189.

Новиков А.И. Зарубежные пенсионные системы: опыт для России. Аналитический вестник Государственной думы РФ. 2001. Вып. 16. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4533> (дата обращения: 29.05.2019).

Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79.

Любинин А.Б. Пенсионная реформа: из «тени» в «тень» // Российский экономический журнал. 2018. № 5. С. 26–42.

Синяевская О.В. Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // Экономический журнал «Высшей школы экономики». 2017. Т. 21. № 4. С. 562–591.

Соловьев А. Повышение пенсионного возраста: демографические условия и макроэкономические риски // Экономист. 2015. № 7. С. 3–12.

Щетинина И.В. Повышение пенсионного возраста: аргументы «за» и «против» // ЭКО. 2018. № 11. С. 96–115.

Barr N. The Truth About Pension Reform // Finance&Development. IMF, 2001, Vol. 38. № 3. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2001/09/barr.htm> (дата обращения: 15.05.2019).

Orszag P.R., Stiglitz J.E. Rethinking Pension Reform: Ten Myths About Social Security Systems. URL: http://www.ssc.wisc.edu/~scholz/Teaching_742/Orszag-Stiglitz.pdf (дата обращения: 15.05.2019).

Для цитирования: Дементьев Н. П. Пенсионная система в современной России: реформа за реформой...// ЭКО. 2019. № 8. С. 9-30. DOI: 10.30680/ЕССО0131-7652-2019-8-9-30.

Статья поступила 14.06.2019.

Summary

Dementiev, N. P., Doct. Sci. (Physics and Mathematics), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Pension system in modern Russia: reform after reform...

Abstract. As of late, Russia passed a number of laws that substantially affected the institutional framework of the national pension system (corporatization of pension funds, retirement savings security system design, freezing of funded pensions). A very controversial law raising the retirement age was enacted in late 2018. Further, the Bank of Russia and the Ministry of Finance drafted a bill to establish a voluntary system of individual pension capital.

The comparison of key demographic and pension indicators in Russia and in the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) countries concluded that there are no compelling reasons for the recent raising of retirement age in Russia (especially for men). The claims of new retirement age supporters about excessive federal budget transfers to the mandatory pension insurance are questioned. Drawing on the previous experience of the national pension sector, an attempt is made to estimate whether the enacted laws will sustain the growth of personal savings in voluntary pension schemes. Particularly, it is shown that the designed system of individual pension capital will only partially be able to replace mandatory retirement savings in the long money market in the coming years.

Keywords: *mandatory pension insurance, funded pension systems, reform, private pension funds, individual pension capital, ageing population, retirement age*

References

- Aganbegyan, A.G. (2015). About Healthy Life Expectancy and Pension Age. *ECO*. No. 7. Pp. 144–157. (In Russ.).
- Barr, N. (2001). The Truth About Pension Reform. *Finance&Development*. IMF. Vol. 38. No. 3. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2001/09/barr.htm> (accessed 15.05.2019).
- Dementiev, N.P. (2015). Pension System in Modern Russia: Permanent Reforming and Uncertainty. *ECO*. No. 11. Pp. 153–168. (In Russ.).
- Dementiev, N.P. (2017). Russian Unit Investment Funds: Closet Companies of Millionaires. *ECO*. No. 9. Pp. 176–189. (In Russ.).
- Gorlin, Yu.M., Lyashok, V.Yu., Maleva, T.M. (2018). Pension Age Increase: Positive Effects and the Possible Risks. *Economic Policy*. No. 1. Pp. 148–179. (In Russ.).
- Gurvich, E., Sonina, Yu. (2012). Microanalysis of the Russia's pension system. *Voprosy Ekonomiki*. No. 2. Pp. 27–51. (In Russ.).
- Gurvich, E. T. Ivanova, M.A. (2018). Economic Effect of Population Ageing and Pension Reforms. *Financial Journal*. No. 5. Pp. 9–22. (In Russ.).

- Kudrin, A., Gurvich, E. (2012). Population aging and risks of budget crisis. *Voprosy Ekonomiki*. No. 3. Pp. 52–79. (In Russ.).
- Lyubinin, A.B. (2018). Pension Reform: From “Shadow” to “Shadow”.... *Russian Economic Journal*. No. 5. Pp. 26–42. (In Russ.).
- Novikov, A.I. (2001). Foreign pension systems: experience for Russia. Analytical Bulletin of the State Duma of the Russian Federation. Vol. 16. (In Russ.). Available at: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4533> (accessed 15.05.2019).
- Orszag, P.R., Stiglitz, J.E. (1999). Rethinking Pension Reform: Ten Myths About Social Security Systems. Available at: http://www.ssc.wisc.edu/~scholz/Teaching_742/Orszag-Stiglitz.pdf (accessed 15.05.2019)
- Sinyavskaya, O.V. (2017). Russian Pension System in the Context of Demographic Challenges and Constraints. *Higher School of Economics Economic Journal*. No. 4. Pp. 562–591. (In Russ.).
- Solov'ev, A. (2015). Increasing the Retirement Age: Demographic Conditions and Macroeconomic Risk. *Economist*. No. 7. Pp. 3–12. (In Russ.).
- Shchetinina, I.V. (2018). Increasing the Retirement Age: Point for and Against. *ECO*. No. 11. Pp. 96–115. (In Russ.).
- Vishnevsky, A., Vasin, S., Ramonov, A. (2012). Retirement Age and Life Expectancy in the Russian Federation. *Voprosy Ekonomiki*. No. 9. Pp. 88–109. (In Russ.).

For citation: Dementiev, N.P. (2019). Pension System in Modern Russia: Reform by Reform... *ECO*. No. 8. Pp. 9-30. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-9-30.

Конкуренция на сегменте коллективного инвестирования средств пенсионных накоплений

Г. Ф. ФАТХЛИСЛАМОВА, кандидат экономических наук, Академия труда и социальных отношений, Москва. E-mail: fgfadisovna@mail.ru

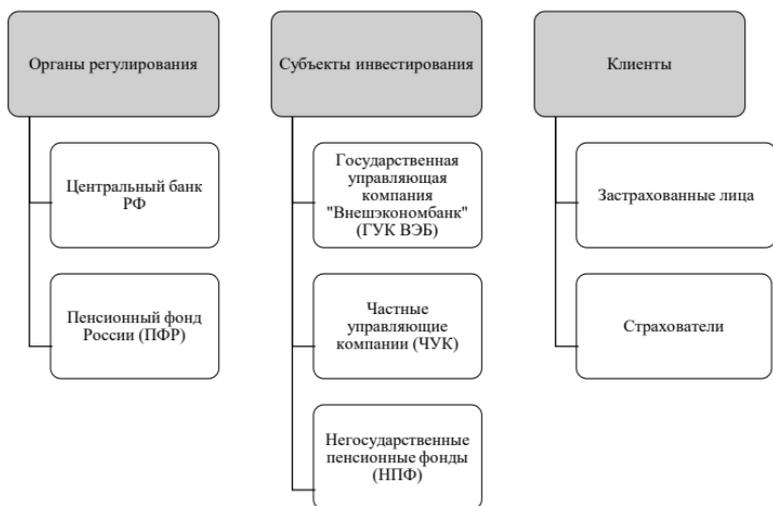
Аннотация. Целью статьи является оценка уровня конкуренции на сегменте коллективного инвестирования средств пенсионных накоплений. Дана характеристика субъектов рынка, определены основные параметры конкурентной борьбы по критериям рыночной доли, финансового продукта и рыночных барьеров, рассчитаны показатели концентрации. Индекс Херфиндаля-Хиршмана позволил определить, что, несмотря на ослабевание уровня монополизации, данный сегмент рынка все еще остается высококонцентрированным. Установлено, что уменьшение степени концентрации обусловлено снижением рыночной власти страховщика в лице Пенсионного фонда России. Доказано (на основе применения коэффициента Линда), что происходит «сужение» рынка и концентрация пенсионных накоплений во все более ограниченном круге «ядерных» субъектов.

Ключевые слова: пенсионные накопления; коллективное инвестирование; рыночная концентрация; «ядро» рынка

JEL: D43, G23, G28

Введение

Современная российская конструкция доверительного управления пенсионными накоплениями была заложена в 2002 г. принятием ряда федеральных законов, заложивших основы распределительно-накопительной пенсионной системы. С 2002 г. у застрахованных лиц в сфере обязательного пенсионного страхования формируется накопительная пенсия (до 2015 г. – накопительная часть трудовой пенсии). Она финансируется за счет страховых взносов, уплачиваемых работодателями за своих работников. Управление этими средствами застрахованные лица могут доверить представителю одного из трех специализированных институтов (субъектов инвестирования): государственной либо частной управляющей компании, либо негосударственному пенсионному фонду (рис. 1).

Источник: составлено автором на основе пенсионного законодательства.

Рис. 1. Институциональная структура инвестирования средств пенсионных накоплений

- Государственная управляющая компания «Внешэкономбанк» (ГУК ВЭБ) управляет накоплениями так называемых «молчунов» (лиц, которые не воспользовались правом передачи средств в доверительное управление другим субъектам) и лиц, которые сознательно выбрали один из инвестпортфелей ГУК ВЭБ.

- Частные управляющие компании (ЧУК) сначала отбираются ПФР на открытом конкурсе, затем застрахованные лица выбирают для инвестирования один из предложенных ими инвестпортфелей. После чего ПФР по договору передает им пенсионные накопления соответствующих граждан.

- Негосударственные пенсионные фонды (НПФ) действуют в сфере обязательного пенсионного страхования (ОПС) и имеют соответствующую лицензию. После заключения договора с ними застрахованного лица им передаются накопленные ранее средства этого лица из ПФР, но фонды инвестируют их не самостоятельно, а через УК, с которыми у них заключен договор.

Следует подчеркнуть, что перечень субъектов, которым граждане могут передать свои пенсионные накопления для инвести-

рования, жестко ограничен законом¹. При этом у них отсутствует самостоятельный выбор некоторых форм вложения пенсионных накоплений, например, в банковские депозиты, инвестиционные фонды или ПИФ. Кроме того, пенсионные накопления по современному пенсионному законодательству не являются частной собственностью, а закреплены как собственность Российской Федерации². Тем не менее эти средства могут наследоваться, если до момента смерти застрахованному лицу не была назначена накопительная пенсия или же до момента корректировки ее размера с учетом дополнительно перечисленных страховых взносов³.

С 2003 г. пенсионные накопления могут инвестироваться в те или иные доходные активы. Для этого застрахованное лицо должно выбрать субъект инвестирования (ГУК ВЭБ, ЧУК или НПФ) и обратиться в Пенсионный фонд России с заявлением о передаче тому своих накоплений. Подчеркнем, что ПФР не имеет права влиять каким-либо образом на выбор клиента и может лишь проводить с ним информационно-разъяснительную работу о его правах.

По современному законодательству застрахованное лицо имеет право выбрать один из способов управления своими пенсионными накоплениями⁴:

- 1) выбрать инвестиционный портфель управляющей компании из предлагаемых ПФР (ГУК ВЭБ или частных УК, отобранных по конкурсу);
- 2) выбрать страховщика в лице НПФ в случае отказа от формирования накопительной пенсии через ПФР;
- 3) вернуться в ПФР, расторгнув договор с НПФ.

По заявлению клиента Пенсионный фонд России, который ранее аккумулировал все пенсионные накопления граждан, обязан перечислить его долю средств выбранному субъекту инвести-

---

¹Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37863/ (дата обращения: 08.06.2019).

²Там же, статья 5.

³Ст. 7, пп. 6. федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ «О накопительной пенсии» [Эл. ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=308213&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.4651964172593357#04304601147580651> (дата обращения: 08.06.2019).

⁴Ст. 31 федерального закона от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/consdoc_LAW_37863/ (дата обращения: 08.06.2019).

рования. При этом если эти накопления передаются ГУК ВЭБ или ЧУК, они остаются под прямым контролем ПФР, и именно он остается страховщиком для клиента. Если же ПФР передает пенсионные накопления НПФ, происходит смена страховщика, и данные средства выходят из-под прямого контроля ПФР.

Таким образом, конкуренция *на этапе привлечения* средств пенсионных накоплений представляет собой соперничество между двумя страховщиками – Пенсионным фондом России (ПФР), с одной стороны, и негосударственными пенсионными фондами (НПФ) – с другой. Однако *на этапе инвестирования*, который рассматривается в данном исследовании, *субъектами конкуренции* выступают уже ГУК ВЭБ, частные управляющие компании и НПФ (количество последних в течение рассматриваемого периода менялось, по состоянию на 2017 г. насчитывалось 32 частные УК и 38 НПФ). Под *объектом конкуренции* понимаются пенсионные накопления застрахованных лиц, сформированные за 2004–2017 гг.

При этом делается допущение, что конкуренция между субъектами происходит на стадии выбора застрахованными лицами способа управления пенсионными накоплениями. Такие факторы, влияющие на выбор клиентов, как их низкая финансовая грамотность, фальсификации при переводе средств пенсионных накоплений от одних субъектов другим, регулярные изменения правил и процедур перевода этих средств, не учитываются.

Уровень конкуренции оценивается по величине фактически переданных средств пенсионных накоплений в управление ГУК ВЭБ, частных УК и НПФ.

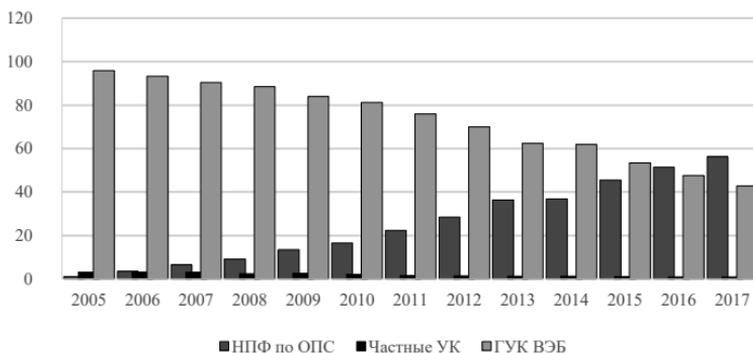
Условия конкуренции предполагают использование ценовых и неценовых методов. Первые основаны на предполагаемой доходности инвестирования средств пенсионных накоплений (частные УК и НПФ часто обнародуют свою среднюю доходность за ряд лет или за истекший год, не объясняя потенциальным клиентам, что прошлые прибыли еще не являются гарантией получения будущих). Вторые предполагают применение различных способов продвижения (реклама, прямые, «пакетные» продажи и прочее). Особенно активно неценовые методы используются некоторыми НПФ и аффилированными с ними структурами. Например, Сбербанк при заключении кредитных договоров предлагает клиентам

перевести их пенсионные накопления в дочерний НПФ «Сбербанк».

Несмотря на то, что частные УК и НПФ не являются единичными рыночными субъектами, при выявлении общерыночных тенденций предполагается, что они действуют как консолидированные игроки, пренебрегая существующим фактором внутригрупповой конкуренции. Критерием объединения выступает институциональная форма образования и функционирования (единые законодательные условия и требования в системе инвестирования пенсионных накоплений).

Степень конкурентной борьбы определяется особенностями рынка.

Состав участников рынка и их долей. Первоначально исследуемый сегмент рынка доверительного управления был высокомонополизированным: в 2005 г. 96% пенсионных накоплений находились в управлении ГУК ВЭБ, на частные УК и НПФ приходились 3% и 1% соответственно (рис. 2).

Источник: расчеты автора по данным ПФР, Банка России, ФСФР.

Рис. 2. Динамика рыночной доли субъектов инвестирования пенсионных накоплений в 2005–2017 гг.,%

С течением времени конкурентная среда изменилась и к 2017 г. в сегменте сложилась дуополия, если рассматривать НПФ как единого – институционального инвестора (далее будет показано, что согласно индексу Линда – олигополия).

Характеристика финансового продукта. Финансовым продуктом (объектом инвестирования) для клиентов выступает инвестиционный портфель субъекта конкуренции (ГУК, частные УК или НПФ). По действующему законодательству

застрахованные лица ограничены правом выбора только одного инвестиционного портфеля⁵, но количество портфелей, которые может сформировать каждый субъект, не оговорено. Например, ГУК ВЭБ начиная с 2009 г. предлагает Расширенный инвестиционный и портфель Государственных ценных бумаг, состав и структура которых формируются в соответствии с требованиями регулятора⁶. Каждая частная управляющая компания также определяет инвестиционный портфель с учетом законодательных ограничений и требований регулятора⁷.

Как уже отмечалось, управляющие компании привлекают пенсионные накопления не самостоятельно, а опосредованно – через ПФР, в котором они проходят жесткий конкурсный отбор, или через НПФ, с которыми заключается договор доверительного управления. НПФ самостоятельно (не их клиенты) выбирают УК для инвестирования доверенных им пенсионных средств. Причем, это должны быть внешние для фондов структуры, они не могут быть созданы специально для управления активами конкретного фонда. По договору с НПФ УК самостоятельно формируют инвестиционный портфель с соблюдением законодательных ограничений⁸.

Барьеры для входа на рынок. Для первоначального входа участника в исследуемый сегмент рынка требуется включение

---

⁵Ст. 31 федерального закона от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/consdoc_LAW_37863/ (дата обращения: 08.06.2019).

⁶Состав и структура Расширенного портфеля формируется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 1 сентября 2003 г. № 540 «Об утверждении инвестиционной декларации расширенного инвестиционного портфеля ГУК». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44151/, Портфель госбумаг – в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 24.10.2009 № 842 «Инвестиционная декларация инвестиционного портфеля государственных ценных бумаг ГУК». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93237/ (дата обращения: 08.06.2019).

⁷В настоящее время законодательные ограничения касаются состава и максимальных долей размещения средств пенсионных накоплений частными УК в различные классы активов в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2003 г. № 379 «Об установлении дополнительных ограничений на инвестирование средств пенсионных накоплений...» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43041/ (дата обращения: 08.06.2019).

⁸НПФ формирует инвестпортфель в соответствии с портфельными ограничениями, накладываемыми Положением Банка России 01 марта 2017 г. № 580-П «Об установлении дополнительных ограничений на инвестирование средств пенсионных накоплений негосударственного пенсионного фонда, осуществляющего обязательное пенсионное страхование...». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=287490&rnd=59B09B590616DF8E663C3D196D240B19&dst=100105&fId=134#07111698469776235> (дата обращения: 08.06.2019).

в систему доверительного управления средствами пенсионных накоплений. Для всех субъектов они различны. Для ВЭБ – наделение статусом государственной УК, который предоставляется Постановлением Правительства РФ. На данный момент срок исполнения данных функций продлен до 2024 г.⁹ Для частных УК предусмотрен специальный открытый конкурс ПФР. Помимо состава и размера активов, объема собственных средств, учитываются кадровые и квалификационные требования¹⁰. Кроме того, компания должна иметь действующие договоры доверительного управления с независимыми пенсионными и инвестиционными фондами (не менее пяти либо, минимум, по три договора с НПФ и ИФ). Для НПФ – это наличие лицензии Банка России на работу в системе ОПС. Среди обязательных условий лицензирования – акционерная форма капитала, выполнение требований к минимальной величине уставного капитала и собственных средств, организации внутреннего контроля и т.д.

Система инвестирования пенсионных накоплений постоянно подвергается различным изменениям. Так, сроки участия субъектов в инвестировании пенсионных накоплений могут быть пересмотрены Правительством РФ, Банком России и/или ПФР. Например, осенью 2018 г. ПФР пролонгировал договоры доверительного управления лишь с 20 частными УК из 38, с которыми были заключены такие договоры. Остальные утратили право работать с ПФР, хотя все еще могут сотрудничать с НПФ. Начиная с 2015 г. обязательным условием для НПФ, желающих работать в системе обязательного пенсионного страхования, стало вступление в систему гарантиро-

---

⁹Постановление Правительства РФ от 12 июля 2018 г. № 814 «Об установлении срока осуществления государственной корпорацией «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» функций государственной управляющей компании по доверительному управлению средствами пенсионных накоплений, а также государственной управляющей компании средствами выплатного резерва». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=302453&rnd=59B09B590616DF8E663C3D196D240B19&dst=100008&fld=134#014058127866872083> (дата обращения: 08.06.2019).

¹⁰Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2010 г. № 708 «Об утверждении Правил организации и проведения конкурса на заключение договоров доверительного управления средствами пенсионных накоплений с Пенсионным фондом Российской Федерации и Правил продления договоров доверительного управления средствами пенсионных накоплений, заключенных с Пенсионным фондом Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104667/ (дата обращения: 08.06.2019).

вания прав застрахованных лиц¹¹. На 2 ноября 2018 г. участниками этой системы являются 47 НПФ¹².

Эмпирические данные исследования

В качестве исходных данных для расчета уровня концентрации использована рыночная стоимость инвестиционных портфелей ГУК ВЭБ, частных УК и НПФ. При этом руководствовались следующими соображениями.

Во-первых, коль скоро оценивается конкуренция субъектов на рынке коллективного инвестирования пенсионных накоплений, именно размер инвестиционного портфеля определяет положение каждого из участников относительно других. Во-вторых, нужно учитывать, что активы НПФ и УК формируются за счет финансовых ресурсов, привлекаемых и с других направлений деятельности, помимо пенсионного страхования, так что оценка других финансовых показателей (например, величины активов) ничего не скажет о конкурентных преимуществах на конкретном рынке.

Границы исследуемого периода – с 2005 по 2017 гг. – определены исходя из того, что с 2005 г. доверительное управление пенсионными накоплениями начали осуществлять все современные субъекты, а данные за 2018 г. еще не были опубликованы Банком России на момент подготовки статьи.

Информационной базой исследования послужили ежегодные отчеты ПФР «Расчет стоимости инвестиционного портфеля и расчет стоимости чистых активов, в которые инвестированы средства пенсионных накоплений», а также данные Центробанка (из формы № 7 «Сведения о структуре инвестиционного портфеля негосударственных пенсионных фондов по обязательному пенсионному страхованию», опубликованные на официальном сайте ЦБ и (для периода с 2005 по 2010 гг.) – из приложения 18 «Сведения о структуре инвестиционного портфеля негосударственных пенсионных фондов по обязательному пенсионному страхованию»¹³.

---

¹¹Федеральный закон от 07 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18626/ (дата обращения: 08.06.2019).

¹² Агентство по страхованию вкладов [Сайт]. URL: https://www.asv.org.ru/pension/list_npf/index.php (дата обращения: 15.11.2018).

¹³ См. архив сайта Федеральной службы по финансовым рынкам Российской Федерации (ФСФР РФ). URL: http://www.cbr.ru/sbrfr/archive/fsfr/fkcb_ffms/fsfr.asp%40ob_no=3406.html (дата обращения: 20.05.2019).

В настоящее время субъекты коллективного инвестирования аккумулируют в своих портфелях значительный объем средств (табл. 1). То есть пенсионные накопления превратились в солидный источник ресурсов для финансового рынка.

Таблица 1. Динамика сводных показателей по инвестиционным портфелям участников системы ОПС в 2005–2017 гг., млрд руб.

Период	Рыночная стоимость инвестиционных портфелей, млрд руб.				Всего в ВВП, %
	ВЭБ	ЧУК	НПФ	Всего	
2005	176,5	5,7	2,0	184,2	0,9
2006	267,2	9,5	10,0	286,7	1,1
2007	363,1	12,3	26,8	402,2	1,2
2008	343,1	9,1	34,8	387	0,9
2009	480,8	15,2	78,1	574,1	1,5
2010	740,2	19,8	157,3	917,3	2,0
2011	1334,0	28,8	391,0	1753,8	2,9
2012	1643,8	34,3	665,6	2343,7	3,4
2013	1865,5	37,8	1095,1	2998,4	4,1
2014	1902,8	37,7	1138,2	3078,7	3,9
2015	2012,9	41,2	1738,3	3792,4	4,5
2016	1943,9	42,7	2148,7	4135,3	4,8
2017	1848,4	72,8	2610,3	4531,5	4,7

Источник: расчеты автора по данным ПФР, Банка России, ФСФР.

Методология исследования

Для определения структуры рынка использовался индекс Херфиндаля-Хиршмана (индекс НН), который рассчитывается по обычной формуле [Linda, 1986]. Он дает общее представление о состоянии конкуренции в интересующем нас сегменте и позволяет проследить ее динамику. Согласно известной градации [David, Hyman, 1993], были приняты следующие соответствия индекса:

НН = 10000 – ситуация чистой монополии;

1800 < НН < 10000 – ситуация монополистической конкуренции;

1000 < НН < 1800 – ситуация олигополии;

НН < 1000 – ситуация конкурентного рынка.

В расчетах использовался совокупный портфель каждого субъекта (если у кого-то из них сформировалось несколько портфелей, они объединялись в один по признаку принадлежности одному инвестору).

Для оценки рыночной концентрации, с целью уточнения индекса НН, в данном исследовании использованы коэффициенты концентрации – рыночные доли трех (CR3), пяти (CR5) и десяти (CR10) ведущих участников рынка [Князева, 2007. С. 77].

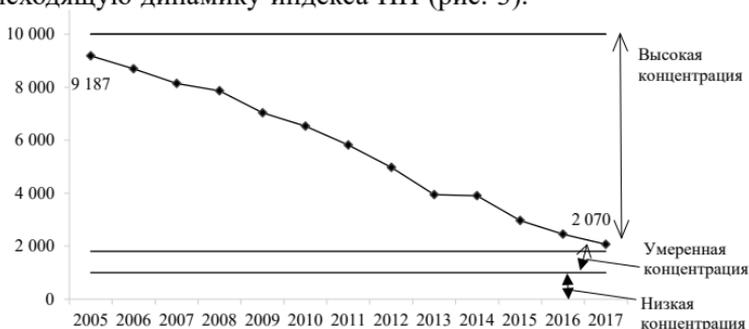
Для подтверждения гипотезы о том, что исследуемый сегмент является несовершенной рыночной структурой, был рассчитан также индекс рыночной власти Линда [Waterson, 1984. С. 171], позволяющий выделить «ядро» и «окраину» рынка¹⁴. Для этого использовалась формула:

$$L = \frac{1}{K \cdot (K - 1)} \cdot \sum_{i=1}^K \frac{P_i \cdot (K - i)}{i \cdot (P_K - P_i)}, \quad (1)$$

где K – число крупнейших субъектов («ядро») в исследуемой системе; P_K – рыночная стоимость инвестиционного портфеля K -го крупнейшего субъекта в общем объеме портфелей всех субъектов.

Эмпирические результаты исследования

Результаты расчетов *индекса Херфиндаля-Хиршмана (НН)* продемонстрировали, что уровень конкуренции в сегменте коллективного инвестирования пенсионных накоплений остается достаточно низким, сам этот сегмент по степени концентрации все еще относится к монополистическому типу, несмотря на нисходящую динамику индекса НН (рис. 3).

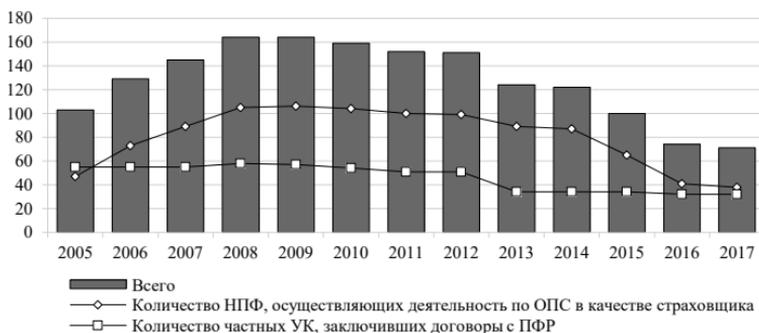
Источник рис. 3, 5, 8: расчеты автора.

Рис. 3. Динамика показателя Херфиндаля-Хиршмана в 2005–2017 гг., ед.

¹⁴ Расчет производится поэтапно: сначала сравниваются два самых крупных субъекта с последующими, последовательно первые три, четыре, пять и т.д. и последующие – и так далее вплоть до нарушения монотонности функции: пока индекс не сменит тренд от снижения к увеличению. Это будет означать, что последний добавленный в расчет субъект имеет существенно меньшую долю рынка, чем любой из предыдущих [Коцофана, Стажкова, 2011].

По логике расчета индекса НН, его величина зависит от двух факторов.

1. Количество конкурирующих субъектов на рынке. В экономической литературе принято считать, что увеличение числа игроков приводит к уменьшению рыночной доли каждого из них и, как следствие, к снижению уровня концентрации и снижению индекса НН. Как показывает проведенный анализ, динамика численности УК и НПФ в период с 2005 г. по 2017 г. (рис. 4) никак не повлияла на изменение индекса НН.

Источник: расчеты автора по данным ПФР, Банка России, ФСФР.

Рис. 4. Динамика численности субъектов на сегменте коллективного инвестирования пенсионных накоплений в 2005–2017 гг., ед.

В 2005–2009 гг., когда количество субъектов рынка выросло в полтора раза (со 130 до 191 ед.), значение индекса НН сократилось с 9187 до 7030. В 2010–2017 гг., при уменьшении числа игроков со 188 до 71 ед., индекс НН упал до 2070 п.п. Это объясняется тем, что значительное уменьшение рыночной доли ГУК ВЭБ (с 96% в 2005 г. до 40% в 2017 г.) повлияло на индекс НН гораздо сильнее, чем изменение количества субъектов.

2. «Распыление» рыночной доли каждого из конкурирующих субъектов. Имеется в виду ослабление рыночной власти того или иного игрока за счет сокращения его доли на рынке. Действительно, нетрудно заметить, что падение рыночной доли ПФР (в два раза) и рост значения НПФ (в 52 раза) отчетливо коррелируют с сокращением индекса НН (в четыре раза) (рис. 5). Таким образом, снижение степени концентрации на сегменте коллективного инвестирования средств пенсионных накоплений обуславливается снижением рыночной власти ПФР.

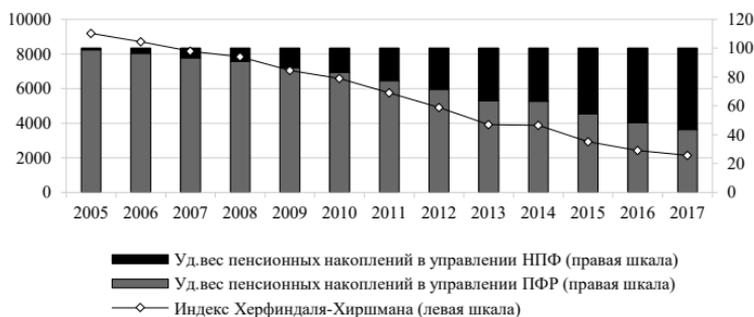

Рис. 5. Динамика индекса НН, коэффициент и удельный вес пенсионных накоплений в управлении ПФР и НПФ в 2005–2017 гг., % к общему объему пенсионных накоплений

Далее проведена оценка уровня внутригрупповой конкуренции субъектов инвестирования для трех институциональных групп, присутствующих на рынке:

I – все управляющие компании (ГУК ВЭБ и частные УК, отобранные ПФР по конкурсу)¹⁵;

II – частные УК (без ГУК ВЭБ);¹⁶

III – НПФ, осуществляющие деятельность по ОПС.

Для упрощения расчетов допущено, что конкурируют между собой только участники в одной группе, а остальные субъекты не оказывают на них влияния.

Наименее конкурентной оказалась ситуация в группе, объединяющей частные и государственную УК. Конкуренция здесь характеризуется высокой степенью монополизации (табл. 2). Ситуация среди частных управляющих компаний до начала 2015 г. была близка к совершенной конкуренции, но в течение 2016–2016 гг. приблизилась к олигополии. Схожие тенденции наблюдаются в группе НПФ (табл. 2).

¹⁵Данная группа сформирована исходя из того, что для ГУК ВЭБ и частных УК страховщиком по ОПС выступает ПФР, и они находятся под его прямым контролем. Строго говоря, данная группа отражает межгрупповую конкуренцию, но в данной работе решено, что объединенная группа УК позволит ярче выделить доминирующую роль ГУК ВЭБ и ее влияние на степень концентрации на рынке.

¹⁶Данная группа отражает чисто внутригрупповую конкуренцию среди частных УК. Они выделены в отдельную группу, чтобы оценить конкуренцию среди частных УК без влияния ГУК ВЭБ.

Таблица 2. Динамика показателя Херфиндаля-Хиршмана в 2005–2017 гг., коэф.

Субъект	2005	2006–2007	2008–2014	2015–2016	2017
НПФ	Ситуация монополии (Индекс НН 1927)	Ситуация олигополии (НН от 1164 до 1182)	Ситуация конкурентного рынка (НН от 581 до 930)		Ситуация олигополии (НН 1167)
Частные УК	Ситуация конкурентного рынка (НН от 787 до 999,9)			Ситуация олигополии (НН от 1011 до 1039)	
УК (включая ГУК ВЭБ)	Ситуация монополии (НН от 9326 до 9616)				
Сегмент в целом	Ситуация монополии (НН с 9187 до 2070)				

Источник: авторская разработка.

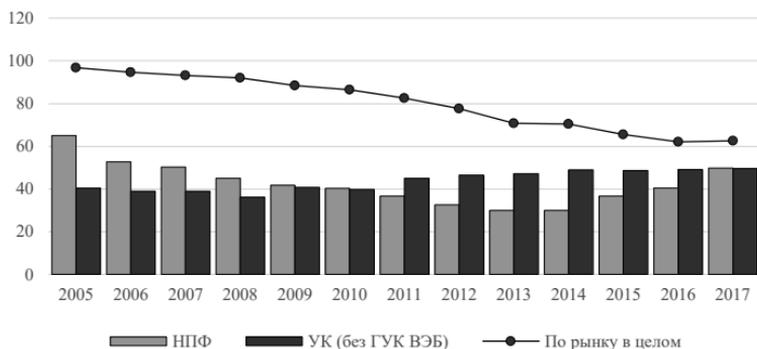
Складывается интересная ситуация: при снижении степени монополизации изучаемого сегмента усиливается концентрация в группах участников. Очевидно, это связано с тем, что ужесточение требований мегарегулятора и введение дополнительных ограничений на инвестирование пенсионных накоплений усилили концентрацию среди НПФ. Это выразилось, в частности, в сокращении числа НПФ при одновременном приросте стоимости их инвестиционных портфелей. С 2008 г., когда началась тенденция сокращения НПФ в ОПС, их количество сократилось в три раза (со 106 в 2008 г. до 38 в 2017 г.), их совокупный инвестиционный портфель увеличился за этот же период в 75 раз (с 35 млрд руб. в 2005 г. до 2,6 трлн руб. в 2017 г.). С большой долей вероятности возможно прогнозировать на рынке ОПС дальнейшее усиление концентрации [Абрамов, Корищенко, 2016] и процессов слияний и поглощений [Фатхлисламова, 2018].

Изменение конкурентной среды в группе частных УК также связано с действиями регулятора. Как было отмечено, ПФР не пролонгировал договоры с 40% от всего числа действующих на конец 2018 г. частных управляющих компаний.

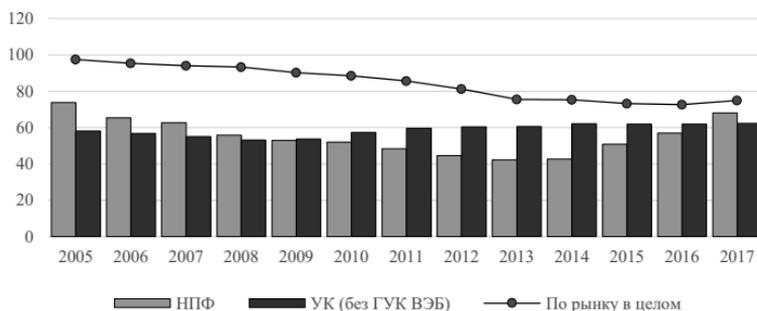
Коэффициенты концентрации

Исследование уровня концентрации рынка с использованием индекса НН обычно дополняется расчетами показателей концентрации: доля рынка трех, пяти и десяти наиболее крупных субъектов рынка соответственно (CR3, CR5, CR10) (рис. 6).

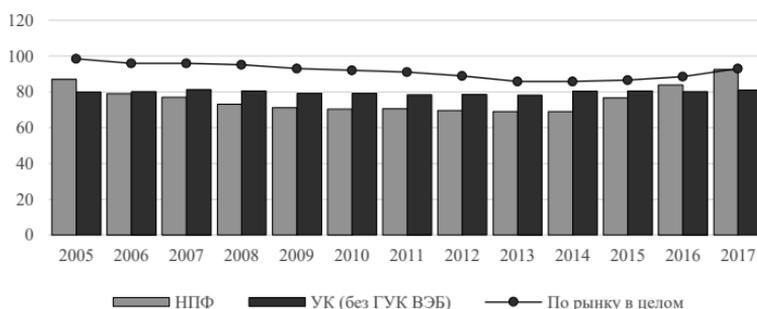
Показатель концентрации CR3

Показатель концентрации CR5

Показатель концентрации CR10

Источник: расчеты автора за 2004–2008 гг. – по данным ФСФР и ПФР; за 2009–2015 гг. – [Фатхлисламова, 2017]; за 2016–2017 гг. – по данным Банка России

Рис. 6. Показатели концентрации в 2005–2017 гг.,%

Представленные показатели демонстрируют, что в период с 2011 по 2015 гг. наблюдалась более высокая степень концентрации среди частных УК по сравнению с НПФ, но ужесточение

регуляторных требований Банка России в отношении НПФ, работающих с пенсионными накоплениями, привели к усилению рыночной власти крупнейших из них.

На рисунке 7 представлено, как в период с 2005 по 2017 гг. менялись рыночная доля и число субъектов, контролирурующих 80% пенсионных накоплений. Если в 2005 г. рыночная доля 10 крупнейших частных УК составляла 18%, то в 2017 г. она выросла до 31%. В группе НПФ рыночная доля крупнейших фондов возросла с 15% в 2005 г. до 18% в 2017 г., при этом их количество в течение периода заметно изменялось, но к 2017 г. достигло уровня 2005-го.

Источник: расчеты автора за 2004–2008 гг. по данным ФСФР и ПФР; за 2009–2015 гг. – [Фатхлисламова, 2017]; за 2016–2017 гг. – по данным Банка России.

Рис. 7. Динамика количества субъектов и удельного веса субъектов, контролирующих совместно 80% активов, в 2005–2017 гг.

Все предыдущие расчеты показывают, что на рынке коллективных инвестиций происходит усиление значения независимых пенсионных фондов, а внутри группы НПФ растет власть нескольких лидеров.

В настоящее время на долю всего трех УК – ООО «ВТБ Капитал Пенсионный резерв», АО «Сбербанк Управление Активами», АО «Управляющая компания УРАЛСИБ» – приходится около 50% всех средств пенсионных накоплений, управляемых частными УК.

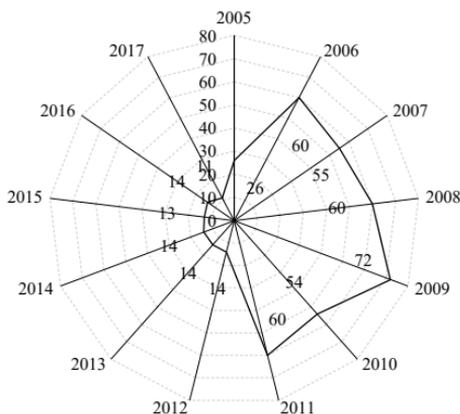
По показателю CR3 среди НПФ за период с 2005 по 2016 гг. одну из лидирующих позиций, наряду с НПФ «Сбербанк» и

«Газфонд» занимал «Лукойл-Гарант». В 2017 г. его место в тройке лидеров занял НПФ «Будущее». На их совместную долю приходится также половина всех пенсионных накоплений НПФ.

Лидерами в обеих группах сегодня являются структуры Сбербанка: НПФ «Сбербанк» (19% от общего объема пенсионных накоплений всех НПФ) и УК «Сбербанк Управление Активами» (20,5% от пенсионных накоплений, управляемых частными УК)¹⁷.

Коэффициент Линда: определение «ядра» и «окраины» рынка. Данный коэффициент позволяет преодолеть недостатки индекса НН и эмпирически выявить «ядерное» число субъектов рынка, которые потенциально обладают возможностью ограничивать конкуренцию путем осуществления согласованных действий.

Как показали расчеты, в сегменте доверительного управления средствами пенсионных накоплений в ядро рынка по итогам 2017 г. вошли 11 из 71 субъектов коллективного инвестирования (рис. 8).

Источник: расчеты автора.

Рис. 8. Динамика численности ядерных субъектов на сегменте коллективного инвестирования средств пенсионных накоплений в 2015–2017 гг., ед.

¹⁷ Подчеркнем, что УК «Сбербанк управление активами» – это частная компания, которая прошла конкурс ПФР для управления пенсионными накоплениями и заключила с ним договор ДУ. Средствами НПФ «Сбербанк» она не управляет, и тот не имеет права привлекать ее к управлению пенсионными накоплениями своих клиентов. По сути, данные УК и НПФ объединяет лишь фигура основного акционера – ПАО «Сбербанк», что и отразилось в их названиях.

При этом на протяжении исследуемого периода это ядро то сужалось, то вновь расширялось (рис. 8). Рассматривая динамику коэффициента Линда, можно выделить несколько этапов в формировании границ «ядра».

I этап (с 2005 по 2011 гг.) – «распыление». Для этого периода характерно большое количество субъектов, составляющих «ядро» сегмента. 99% всех пенсионных накоплений концентрировалось у 26 игроков в 2005 г. и 72 – в 2009 г.

II этап (с 2012 по 2017 гг.) – «сужение». Количество «ядерных субъектов», сосредоточивающих 99% всех пенсионных накоплений, сокращается. В 2012 г. таких было 14, по итогам 2017 г. осталось 11.

При этом в центре ядра все это время находилась ГУК ВЭБ, хотя ее доля постепенно сокращалась, а совокупная доля крупных «ядерных» субъектов увеличивалась (с 3% в 2005 г. до 20% в 2017 г.).

Заключение

Анализ сегмента инвестирования пенсионных накоплений показал, что данный сектор все еще остается высококонцентрированным: хотя уровень концентрации до конца 2016 г. снижался, в 2017 г. усилились процессы консолидации и концентрации. Сопоставив динамику количества субъектов рынка и индекса НН, автор не выявил взаимосвязь данных показателей. Однако была установлена прямая корреляция между рыночной долей ПФР, с одной стороны, и индексом НН, с другой, и обратная – между рыночной долей НПФ и индексом НН. Это свидетельствует о том, что доминирование в сфере инвестирования пенсионных накоплений страховщика в лице ПФР усиливает тенденции концентрации. Сокращение рыночной доли ПФР возможно преимущественно за счет снижения доли ГУК ВЭБ, который концентрирует значительный объем пенсионных накоплений.

В последние годы наметилась отчетливая тенденция к снижению внутригрупповой конкуренции среди однородных субъектов инвестирования. Складывается достаточно парадоксальная ситуация: при снижении степени монополизации сегмента в целом усиливается внутригрупповая концентрация среди частных УК и (особенно) среди НПФ. Этому способствует политика регуляторов (ПФР и ЦБ), ужесточающих требования и вводящих новые

ограничения на инвестирование пенсионных накоплений. И то, и другое является оправданным с точки зрения обеспечения сохранности пенсионных накоплений граждан, но осложняет работу участников рынка и создает невыгодные условия для инвестирования средств. В результате небольшие НПФ вынуждены либо прекращать деятельность, либо консолидироваться с более крупными игроками.

В период с 2005 по 2011 г. структура рынка характеризовалась узким полем «окраины», когда множество субъектов обладали малым рыночным весом (в среднем до 1% от общего объема пенсионных накоплений) и ростом «ядра» рынка (его максимальный состав – 72 участника – пришелся на 2009 г.). С 2012 г. по 2017 г. «ядро» рынка сузилось до 11 субъектов, концентрирующих 90% всех пенсионных накоплений. На практике это означает перераспределение рыночной доли ГУК ВЭБ в пользу крупнейших НПФ, как правило, контролируемых банками с госучастием. По сути, на сегменте инвестирования средств пенсионных накоплений происходит расширение доли субъектов, находящихся под косвенным госконтролем.

Для повышения эффективности управления пенсионными накоплениями регулятору следует больше внимания уделить стимулированию конкуренции на данном сегменте рынка. К сожалению, без проведения адекватного преобразования российской модели пенсионной системы это практически невозможно. Но это уже предмет для отдельного исследования.

Литература

Абрамов А. Е., Корищенко К. Н. Влияние негосударственных пенсионных фондов на экономический рост. Заключительный отчет научно-исследовательской работы / Отв. ред. К. Н. Корищенко. М.: РАНХиГС, 2016.

Князева И. В. Антимонопольная политика в России. 2-е изд., перераб. М.: Омега-Л, 2007. С. 77.

Коцофана Т. В., Стажкова П. С. Сравнительный анализ применения показателей концентрации на примере банковского сектора РФ // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2011. Вып. 4. С. 30–40.

Фатхлисламова Г. Ф. Концентрация на российском рынке инвестирования средств пенсионных накоплений // Современные проблемы мировой экономики и финансов. Сборник статей 15 Межвузовской научно-практической конференции. М.: ИИЦ «АТИСО», 2017. С. 266–271.

Фатхлисламова Г. Ф. Итоги функционирования обязательного пенсионного страхования в России // Вестник университета. 2018. № 11. С. 36–42.

David N. Hyman Modern microeconomics: analysis and applications Irwin, 1993. Ch.11. P. 44–47.

Hirschman Albert O. The Paternity of an Index. The American Economic Review. 1964. Vol. 54. No. 5. P. 761.

Linda R. Competition policies and measures of dominant power // Mainstreams in industrial organization / Ed. by H. de Jong, W. Shepherd. Dordrecht, 1986. Vol. 2.

Waterson M. Economic Theory of Industry. Cambridge University Press, 1984. P. 171.

Статья поступила 03.06.2019.

Для цитирования: *Фатхлисламова Г. Ф.* Конкуренция на сегменте коллективного инвестирования средств пенсионных накоплений // ЭКО. 2019. № 8. С. 31–50. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-31-50.

Summary

Fatkhislamova, G. F., Cand. Sci. (Econ.), Finance and insurance of Academy of Labour and social relations, Moscow

Competition in the Market of Collective Investment of Pension Savings

Abstract. The aim of the article is to assess the level of competition in the segment of collective investment of pension savings. In particular, the characteristics of the market subjects are given, the main parameters of competition are determined according to the criteria of market share, financial product and market barriers, concentration indicators are calculated. The Herfindahl-Hirschman index made it possible to determine that despite the weakening of the level of monopolization, this market segment is still highly concentrated. It has been established that the decrease in the degree of concentration is due to the decrease in the market power of the insurer in the person of the Pension Fund of Russia. It has been proved (based on the application of the Lind coefficient) that a «narrowing» of the market and a concentration of pension savings are taking place in an increasingly limited circle of «core» subjects.

Keywords: *pension savings; collective investment; market concentration; «core» of the market*

References

Abramov, A. E., Korishchenko, K.N. (2016). The impact of non-state pension funds on economic growth. The final report of the research work. / Otv.redaktor K.N. Korishchenko. Moscow, RANKhiGS. (In Russ.).

Knyazeva, I. V. (2007). Antimonopoly policy in Russia: studies. allowance. 2-ye izd., pererab. Moscow, Omega-L Publ., Pp. 77. (In Russ.).

Kotsofana, T.V., Stazhkova, P.S. (2011). Comparative analysis of the use of concentration indicators on the example of the banking sector of the Russian Federation. *Vestnik SPbGU.SPbSU Bulletin*. Ser. 5. Vol. 4. Pp. 30–40. (In Russ.).

Fatkhislamova, G. F. (2017). Concentration on the Russian market of investing pension savings funds. *Sovremennyye problemy mirovoy ekonomiki i finansov*. Modern problems of the world economy and finance collection of articles 15

Interuniversity scientific-practical conference. Moscow. IITS ATISO, Pp. 266–271. (In Russ.).

Fatkhislamova, G. F. (2018). Results of the functioning of compulsory pension insurance in Russia. *Vestnik universiteta. University Bulletin*. No. 11. Pp. 36–42. (In Russ.).

David, N. (1993). Hyman Modern microeconomics: analysis and applications Irwin, Ch.11. Pp. 44–47.

Hirschman, Albert O. (1964). The Paternity of an Index. *The American Economic Review*. Vol. 54. No. 5. P. 761.

Linda, R. (1986). Competition policies and measures of dominant power. *Mainstreams in industrial organization* / Ed. by H. de Jong, W. Shepherd. Dordrecht. Vol. 2.

Waterson, M. (1984). *Economic Theory of Industry*. Cambridge University Press. P. 171.

For citation: Fatkhislamova, G.F. (2019). Competition in the Market of Collective Investment of Pension Savings. *ECO*. No. 8. Pp. 31-50. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-31-50.

Нормативно-правовые риски и стабильность негосударственных пенсионных фондов России

Т.А. ВЛАДИМИРОВА, доктор экономических наук, ФГБОУ ВО Сибирский государственный университет путей сообщения.

E-mail: vladimirovatat@yandex.ru

О.А. ХАЛТУРИНА, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск.

E-mail: olga_andre@mail.ru

Аннотация. В статье оценивается влияние отдельных изменений законодательства России на стабильность функционирования негосударственных пенсионных фондов (НПФ). В ходе исследования авторы заключили, что законодательные новации последних лет негативно воздействуют на рынок негосударственных пенсионных услуг: способствуют уходу с него части игроков, нестабильности функционирования НПФ и уменьшению доверия населения к ним. Кроме того, резкие институциональные изменения (смена мегарегулятора, необходимость акционирования и вступления НПФ в систему гарантирования пенсионных накоплений, повышение требований к размеру уставного капитала) привели к снижению эффективности и краткосрочному ухудшению показателей деятельности негосударственных пенсионных фондов.

Ключевые слова: пенсия; негосударственный пенсионный фонд (НПФ); надежность НПФ; изменения законодательства; Банк России; система обязательного пенсионного страхования; акционирование НПФ; увеличение уставного капитала

Обеспечение высокого уровня благосостояния населения, в том числе пенсионеров, официально признается в числе главных стратегических задач России. Между тем невысокий размер пенсионных пособий¹ все еще остается актуальной проблемой для нашей страны. Увеличить размер пенсионного обеспечения граждан можно несколькими способами. Например, повысив реальную заработную плату, которая служит базой для расчета и начисления пенсионных выплат [Щетинина, 2018] или увеличив пенсионный возраст, что, с одной стороны, позволяет дольше накапливать пенсионные средства, а с другой, – при росте продолжительности жизни, как минимум, не увеличивать срок

---

¹ Здесь и далее под пенсиями, пенсионными пособиями мы рассматриваем исключительно пенсии по старости.

выплаты пенсии. Наконец, можно расширить возможности граждан для увеличения будущих пенсий за счет введения института негосударственных пенсионных фондов (НПФ).

Как ни парадоксально, но при поверхностном взгляде на результаты институциональных преобразований последних лет, представляется, что они привели к негативным последствиям для надежности функционирования негосударственных пенсионных фондов. Проверке этой рабочей гипотезы посвящено наше исследование.

Основные тенденции развития негосударственных пенсионных фондов России

Согласно Руководству по денежно-кредитной и финансовой статистике МВФ, негосударственные пенсионные фонды относятся к подсектору финансовых корпораций. Это же определение принято и в Банке России². В качестве таковых НПФ мобилизуют денежные средства, аккумулируя их и создавая пенсионные резервы (за счет добровольных перечислений граждан для выплаты негосударственной пенсии), и пенсионные накопления, (накопительную часть пенсии, которую можно формировать не только в Пенсионном фонде РФ, но и в НПФ). Таким образом, их клиенты получают возможность накопить сбережения для последующего использования в преклонном возрасте. Высокая социальная значимость НПФ предопределяет строгое регламентирование и контроль их деятельности со стороны государства.

Согласно документам, составляющим нормативную основу функционирования НПФ³, последние должны стимулировать развитие рынка негосударственных пенсионных услуг. Однако эти ожидания не оправдались на практике. В 2005 г., спустя семь лет после появления этого института, П.В. Коршиков отмечал, что «...вопрос доверия/недоверия к НПФ остается открытым, несмотря на то, что законодательно их деятельность давно уже оформлена» [Коршиков, 2005. С. 17]. Спустя еще 14 лет,

---

² Методологический комментарий к Обзору Центрального банка, Обзору кредитных организаций, Обзору банковской системы, Обзору других финансовых организаций, Обзору финансового сектора [Эл. ресурс]. URL: http://www.ebr.ru/statistics/credit_statistics/Comments.pdf (дата обращения: 13.01.2019).

³ Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1077 «О негосударственных пенсионных фондах» и федеральный закон от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах».

по мнению ряда авторов, «вклады в паевые инвестиционные и в негосударственные пенсионные фонды остаются наименее надежными и выгодными вариантами вложений для наших сограждан (не более 1–3%)» [Новиков, Новикова, 2019].

На сегодняшний день негосударственная пенсия, сформированная за счет самостоятельных взносов будущего пенсионера, оказывается менее эффективной, чем вложения в банковский депозит, так как доходность по ней сопоставима со ставками по банковским вкладам, а выплачивается она, как и страховая пенсия, ежемесячно в течение длительного времени, в то время как из банка физическое лицо может изъять свои средства по первому требованию.

Динамика показателей пенсионного обеспечения в России (табл. 1) свидетельствует о том, что за последние шесть лет количество негосударственных пенсионных фондов уменьшилось на 57%. При этом число клиентов НПФ росло в течение всего наблюдаемого периода.

Любопытно, что, несмотря на практически постоянный рост клиентуры, число пенсионеров, получающих пенсию в НПФ, начиная с 2016 г. уменьшается, как и их доля в общем количестве пенсионеров России. Очевидно, это связано с тем, что закрытие НПФ, в котором формировалась пенсия, не всегда влечет переход вкладчиков в другой НПФ, что обусловлено рядом причин. Так, например, будущий пенсионер может сразу не узнать об отзыве лицензии, поскольку никто не обязывает фонд информировать каждого клиента, а в личный кабинет на сайте НПФ будущие пенсионеры заходят не часто. Конечно, НПФ обязаны публиковать информацию о прекращении деятельности в СМИ, но это объявление можно и не увидеть. При этом «по умолчанию» средства вкладчика передаются в Пенсионный фонд России, что подтверждается записью в индивидуальном лицевом счете. Обычно, если срок до выхода на пенсию достаточно небольшой, деньги там и остаются⁴. Впрочем, некоторые клиенты предпочитают оставить

---

⁴ Кстати, в ст. 36.6 п. 5 закона «О негосударственных пенсионных фондах» прямо декларируется, что если до выхода на пенсию осталось менее трех месяцев, заключение договора с другим НПФ не принесет дохода, так как именно этот срок предоставляется НПФ, у которого аннулирована лицензия, для передачи активов в Пенсионный фонд России. Понятно, что в течение этого времени деньги не работают.

все свои средства в ПФР просто из-за утраты доверия к системе негосударственного пенсионного страхования.

Таблица 1. Динамика показателей пенсионного обеспечения в России в 2013–2018 гг., млрд руб.

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Количество НПФ, ед.	120	120	102	74	66	52
Количество пенсионеров, получающих пенсию в НПФ, млн чел.	1,9	2,1	2,1	2	1,9	1,9
Количество пенсионеров, получающих пенсию в ПФР, млн чел.	40,5	41	41,4	42,7	43,1	46,5
Доля пенсионеров, получающих пенсию в НПФ, в общем числе пенсионеров РФ, %	4,7	5,1	5,1	4,7	4,4	4,1
Количество лиц, застрахованных в НПФ, млн чел.	22,2	22,1	26,3	29,8	34,3	37
Пенсионные резервы	831,6	900,0	991,6	1096,8	1184,1	1268,0
Пенсионные накопления (рыночная стоимость)	1088,4	1132,4	1719,5	2129,9	2435,0	2582,3
Количество участников, млн чел.	6,8	6,4	5,8	5,3	6,0	6,1
Выплаты пенсий по ОПС	4,2	3,9	5,9	5,6	8,1	11,5
Выплаты пенсий по НПО	40,9	45,5	49,3	53,4	59,6	60,3

Источник: Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов, Субъекты рынка коллективных инвестиций, Финансовые рынки, официальный сайт Банка России. URL: http://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/#a_14188

Мы видим, что за исследуемый период пенсионные резервы и накопления довольно ощутимо выросли: соответственно на 52% и 137%. Также в долгосрочном периоде увеличились суммы выплат по обязательному пенсионному страхованию (ОПС) и негосударственному пенсионному обеспечению (НПО) – на 173% и 47%. Заметно выросло количество застрахованных лиц, то есть лиц, самостоятельно заключивших договор пенсионного страхования, – на 66%. Однако количество участников (то есть граждан, которым будет выплачиваться негосударственная пенсия, внесенная в их пользу работодателем, либо самостоятельно), имеет тенденцию к снижению. Таким образом, уменьшение количества функционирующих НПФ, по мнению авторов, способствует снижению числа участвующих в них и работает как «антиреклама» для потенциальных участников. Кроме того, введенные в 2014 г. антироссийские санкции, отрицательно сказавшиеся на финансовом состоянии российских предприятий, уменьшили возможность осуществления ими пенсионных программ.

Институциональные факторы функционирования и развития НПФ

Как всякий финансовый институт, НПФ подвержены сильному влиянию институциональных факторов. В частности, как было показано коллегами, нормативно-правовые риски изменения законодательства являются системными, характерными для деятельности всех НПФ, их нельзя избежать либо диверсифицировать [Терешкина, 2018]. Это требует от всей системы и отдельных ее элементов известной гибкости. Л. Д. Медведева подчеркивает, что «... в меняющихся условиях глобальной экономики совокупность связей обеспечивает функциональную устойчивость системы, которая за счет мобилизации системных ресурсов способна переходить в новое устойчивое состояние» [Медведева, 2015]. Действительно, те негосударственные фонды, которые смогли приспособиться к изменениям, продолжают свою деятельность, но почти половина из них ушла с рынка пенсионных услуг.

Между тем, поскольку система негосударственного пенсионного обеспечения – это для России достаточно новое институциональное образование, она то и дело подвергается разного рода регулятивным изменениям и новациям, оказывающим значительное влияние на условия функционирования НПФ. Назовем лишь самые масштабные из этих новаций.

1. Первым из них стала *смена регулятора*. Согласно Указу Президента⁵, с 1 сентября 2013 г. Федеральная служба по финансовым рынкам была упразднена, а ее полномочия по регулированию, надзору и контролю за финансовыми рынками были переданы Банку России. В принципе, это не ужесточило регулятивный режим. В ходе проверок в течение 2014 г. всего у трех НПФ: «Фонд социального обеспечения», «Корабел» и «Индустриальный» новый регулятор обнаружил существенные нарушения, что привело к отзыву у них лицензии. К сожалению, статистика не всегда раскрывает характер этих нарушений.

2. Вторым институциональным изменением, серьезно отразившимся на системе НПФ, было их акционирование. Согласно

---

⁵ Указ президента № 645 от 25 июля 2013 г. «Об упразднении Федеральной службы по финансовым рынкам, изменении и признании утратившими силу некоторых актов президента РФ».

федеральному закону № 410-ФЗ⁶, абсолютно все российские НПФ, существовавшие до 2013 г. как негосударственные некоммерческие организации, должны быть реорганизованы в форме присоединения, преобразования или выделения некоммерческого фонда с одновременным преобразованием в акционерный фонд. В последнем случае фонду передается часть имущества для формирования его уставного капитала в размере не менее 120 млн руб., но не более размера имущества для обеспечения уставной деятельности (ИОУД некоммерческих организаций – аналог акционерного капитала акционерных обществ). На реорганизацию был отведен срок от двух до пяти лет при одновременном введении моратория на получение дивидендов акционерами в течение пяти лет, что значительно ущемляло их права и создавало мотивацию на прекращение членства в НПФ. Новация привела к уходу с рынка части негосударственных фондов.

По закону, если НПФ осуществляет деятельность в качестве страховщика по **обязательному** пенсионному страхованию, то есть работает с накопительной частью пенсии, реорганизацию он должен был пройти до 1 января 2016 года. Так вот, в течение 2015 г. количество НПФ, работающих с пенсионными накоплениями, уменьшилось на 15%, по причине собственного отказа от работы с пенсионными накоплениями.

Если же НПФ работает только с резервами, то есть в рамках негосударственного пенсионного обеспечения, он должен провести реорганизацию до 1 января 2019 г. В конце 2018 г., за период, предоставленный для проведения акционирования начиная с 2014 г., количество таких НПФ уменьшилось до 58, снизившись на 52%.

Отметим, что НПФ до последнего момента проводили реорганизацию. Так, например, НПФ «ГАЗФОНД» только 1 ноября 2018 г. принял решение о реорганизации в форме преобразования в акционерный пенсионный фонд.

К этому добавим, что с момента своего возникновения все НПФ являлись некоммерческими организациями, то есть целью их деятельности не было получение прибыли. Проведение акционирования сразу же ставит НПФ на позицию коммерческой организации, цель которой – получение прибыли и распределение

---

⁶ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 410 – ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О негосударственных пенсионных фондах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ст. 12 п. 12, 16, а также ст. 13 п. 7.

ее между акционерами. По мнению авторов, введение моратория на получение дивидендов в течение первых пяти лет существования НПФ лишает акционеров значительной части доходов и вызывает сомнения в рациональности владения такими акциями.

3. Третьим серьезным изменением стало *формирование системы сохранности пенсионных накоплений НПФ*. В конце 2013 г. в России вводятся гарантии прав застрахованных лиц⁷, по аналогии с практикой многих западных стран и собственной российской практикой страхования банковских вкладов. Нужно отметить, что вопрос об их создании неоднократно поднимался буквально с самых первых лет существования НПФ [Финогенова, 1999; Халтурина, 2011]. С этой целью в стране был создан Фонд гарантирования пенсионных накоплений (ФГПН), в который НПФ, участвующие в системе страхования, ежегодно должны перечислять из собственных средств 0,0125% от расчетной базы⁸, основу которой составляют средства пенсионных накоплений. Размер ФГПН, согласно требованиям закона, после 1 января 2017 г. должен составлять до 1% суммы расчетных баз всех фондов-участников и ПФР. Прибегнуть к помощи ФГПН его участник может в том случае, если он получил отрицательную доходность в отчетном периоде и ему не хватает собственных средств для обеспечения гарантированных выплат клиентам.

Чтобы стать участником этой системы и получить право на работу с пенсионными средствами, НПФ должен акционироваться (законодательно нет ограничений на публичное или непубличное акционерное общество) и удовлетворять нормативам в части достаточности собственных средств (не менее 150 млн руб.) и активов, составляющих средства пенсионных накоплений (они должны превышать обязательства НПФ на 130 млн руб.)⁹.

---

⁷ Федеральный закон от 28.12.2013 № 422-ФЗ «О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации при формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений, установлении и осуществлении выплат за счет средств пенсионных накоплений».

⁸ Расчетной базой для исчисления гарантийных взносов НПФ является сумма средней стоимости чистых активов, привлеченных по договорам ДУ средствами пенсионных накоплений и выплатного резерва за отчетный год и среднего остатка на счете, предназначенном для операций со средствами пенсионных накоплений, за отчетный год, умноженная на 0,975.

⁹ См. Положение Банка России от 24.11.2014 № 441-П «Об оценке соответствия деятельности НПФ требованиям к участию в системе гарантирования прав застрахованных лиц».

Статистика показывает стабильный рост количества фондов-участников и средств Фонда гарантирования пенсионных накоплений (табл. 2).

Таблица 2. Динамика показателей системы страхования вкладов банков и гарантирования пенсионных накоплений в России в 2015–2018 гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018
Количество фондов-участников	33	41	38	35
Размер ФГПН, млрд руб.	Н.Д.	0,64	1,13	2,16

Источник: Годовой отчет за 2018 год государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» Официальный сайт Агентства по страхованию вкладов. URL: http://https://www.asv.org.ru/agency/annual/2018_full/report2018/ru/page2_2_3.html

Вовлечение НПФ в систему гарантирования пенсионных накоплений позволило защитить права и интересы граждан в системе обязательного пенсионного страхования. Для самих же НПФ это обернулось, с одной стороны, возможностью работать с пенсионными накоплениями, а с другой – затратами на уплату гарантийных взносов.

4. Четвертым институциональным моментом является регулярное *ужесточение требований к размеру уставного капитала НПФ*. Если на 1 января 2005 г. требуемая величина оценки имущества для обеспечения уставной деятельности составляла всего 30 млн руб., то с 1 июля 2009 г. она была увеличена до 50 млн руб. (это привело к уходу с рынка 63 НПФ, которые не смогли вовремя выполнить требования) [Желобанов, 2009]. С 1 января 2015 г. минимальный размер уставного капитала (УК) НПФ поднялся до 120 млн руб., а с 1 января 2020 г. должен вырасти до 150 млн руб.¹⁰

Невозможность увеличения собственных средств по тем или иным причинам, изменение меры ответственности¹¹, пятилетний мораторий на получение дивидендов акционерами – все эти сдвиги в институциональной среде оказали негативное воздействие на систему НПФ. Так, только в течение 2015 г., когда вступили в силу очередные новации, прекратил свою деятельность 21 фонд.

¹⁰ Федеральный закон от 07.05.1998 № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах», ст. 6.1

¹¹ Введение предписаний на запрет фонду на проведение всех или части операций.

Таким образом, государство, постоянно изменяя правила игры для НПФ, подталкивает часть игроков к уходу с рынка, провоцирует нестабильность функционирования системы в целом, что не может способствовать росту доверия населения к этому финансовому институту. Кроме того, ряд экспертов утверждают, что избыточность административного бремени и нестабильность правил игры являются сдерживающим фактором роста страховой и пенсионной отраслей. Это приводит к доминированию на финансовом рынке России банковского сектора и оттоку капитала из страхового и пенсионного бизнеса. Так, доля небанковских в суммарном объеме активов всех финансовых организаций составляет всего 8,5%, что в 9,7 раза меньше, чем в США [Данилов и др., 2017].

Динамика показателей деятельности НПФ России в результате институциональных преобразований

Наибольшие изменения законодательных норм для НПФ России принес 2013 г.: смена мегарегулятора, необходимость акционирования и вступления в систему гарантирования пенсионных накоплений, существенное увеличение уставного капитала, что привело к снижению общего количества НПФ и краткосрочному ухудшению показателей их деятельности (табл. 3).

Таблица 3. Ликвидационные процедуры в отношении НПФ России в 2012–2018 гг., ед.

Основания аннулирования лицензии/ Текущий статус	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Нарушения	3	1	3	21	17	2	1
Заявление об отказе от лицензии						1	9
Банкротство	3	1	2	16	8		
Ликвидация			1	5	9	3	10

Источник: Информация о ходе ликвидационных процедур в отношении негосударственных пенсионных фондов по состоянию на 01.03.2019, Ликвидация негосударственных пенсионных фондов в связи с аннулированием лицензии, Субъекты рынка коллективных инвестиций, Финансовые рынки, официальный сайт Банка России. URL: http://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/

Начиная с 2014 г. ликвидационные процедуры в отношении НПФ предпринимались по причине обнаруженных нарушений, а с 2017 г. в большинстве случаев основанием для отзыва лицензии явилось заявление фонда об отказе от нее.

Главной причиной отказов от лицензии со стороны НПФ и их последующей ликвидацией стали увеличение расходов НПФ и его акционеров, связанные с затратами на акционирование и внесением страховых взносов в систему гарантирования пенсионных накоплений. Кроме того, те НПФ, которые не вступили в систему гарантирования, потеряли право работы с пенсионными накоплениями и, как следствие, лишились части доходов.

В таблице 4 представлены показатели деятельности российских НПФ, подавших заявление об отказе от лицензии и находящихся в статусе ликвидации в 2018 г.

К моменту своей добровольной ликвидации в 2018 г. семь из десяти НПФ не работали со средствами пенсионных накоплений, один из них (Муниципальный) – со средствами пенсионных резервов. Он же, единственный из всех, не имел активов к моменту ликвидации, так как они были использованы для погашения обязательств по выплате негосударственной и накопительной пенсии. Девять фондов имели достаточную сумму активов, превышающую в совокупности сумму пенсионных резервов и накоплений, но шесть из них не имели акционерного капитала и отказались от процедуры акционирования.

Таблица 4. Показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов за 6 месяцев 2018 г., тыс. руб.

НПФ	Мес. и год аннулирования лицензии	Активы	Капитал	ПН	ПР	Город
Муниципальный	04. 2018	0	0	0	0	Тольятти
Межрегиональный	08. 2018	203569	202023	0	423	Новосибирск
«Социальный мир»	08. 2018	241537	241154	0	9147	Челябинск
«Сибирский сберегательный»	08. 2018	186140	184169	0	3839	Новосибирск
«Достоинство»	07. 2018	3643979	0	0	875	Санкт-Петербург
«Поддержка»	07. 2018	268644	0	0	61277	Москва
«ВНИИЭФ-ГАРАНТ»	11. 2018	634714	633820	0	410143	Саратов
«Титан»	12. 2018	124034	0	61261	56271	Тольятти
«НЕФТЕГАРАНТ»	12. 2018	6548999	0	5340743	837	Москва
«Империя»	11. 2018	88357	0	69496	4842	Волгоград

Источник: Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов, Субъекты рынка коллективных инвестиций, Финансовые рынки, официальный сайт Банка России. URL: http://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/

Очевидно, что основной причиной ухода с рынка многих НПФ стала именно их неготовность по тем или иным причинам выполнить требования регулятора. При этом подавляющее большинство из них (80%) – это небольшие региональные фонды.

В качестве примера рассмотрим ситуацию с одним из региональных НПФ, покинувших рынок в 2018 г. Негосударственный пенсионный фонд «Сибирский сберегательный» (Акционерное общество, РНПФ «Сибирский Сберфонд», АО) был создан в 1995 г. в Новосибирске как некоммерческая организация социального обеспечения. В 2010 г. его учредителями являлись новосибирские финансовые организации и промышленные предприятия. По состоянию на 1 января 2010 г. их совокупный вклад составлял 51,9 млн руб., а величина имущества для обеспечения уставной деятельности – 53 млн руб., что соответствовало требованиям законодательства на тот момент. Лицензия без ограничения срока действия № 42/2 от 10 июля 2007 г. была выдана на осуществление деятельности по пенсионному обеспечению и пенсионному страхованию.

Спустя пять лет (к 31 марта 2015 г.) совокупный вклад учредителей «Сибирского сберфонда» увеличился почти до 378,3 млн руб., а 21 сентября 2015 г. фонд был реорганизован в акционерный пенсионный фонд (непубличное акционерное общество) с уставным капиталом 150 млн руб., что также соответствовало требованиям законодательства.

Проведенное акционирование предполагало возможность вступления в систему гарантирования прав застрахованных лиц. Однако нежелание акционеров нести дополнительные расходы на взносы в гарантийный фонд обусловило их решение о прекращении работы с пенсионными накоплениями, которые были переданы в Пенсионный фонд РФ и зачислены на индивидуальные лицевые счета граждан. С 16 июня 2016 г. Банк России ввёл запрет на осуществление операций Фонда по обязательному пенсионному страхованию в соответствии с требованиями ст. 21 закона № 422-ФЗ (поскольку Фонд не является участником системы гарантирования прав застрахованных лиц), и в результате показатели Фонда резко изменились (табл. 5).

Необходимо пояснить, что в любом пенсионном фонде сумма пенсионных резервов, как правило, в 2–4 раза меньше суммы

накоплений, размещение которых приносит доходы. После того, как «Сибирский сберфонд» утратил возможность работать с накоплениями, он, естественно, лишился значительной части доходов.

Таблица 5. Динамика пенсионных резервов и пенсионных накоплений РНПФ «Сибирский сберфонд» (АО) в 2011–2018 гг., млн руб.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	9 мес. 2018
Пенсионные резервы (ПР)	30,1	32,6	35,7	33,6	38,0	37,7	34,8	3,8
Пенсионные накопления (ПН)	66,5	113,1	199,3	194,6	184,4	-	-	-

Источник: Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов, Субъекты рынка коллективных инвестиций, Финансовые рынки, официальный сайт Банка России. URL: http://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/#a_14188

При этом наложение моратория на выплаты дивидендов после акционирования привело и к снижению доходов собственников. Последние решили, что поддерживать деятельность НПФ больше нецелесообразно. 13 февраля 2018 г. фонд проинформировал своих вкладчиков и участников о намерении добровольно прекратить уставную деятельность с последующей ликвидацией его как юридического лица. К концу 2018 г. обязательства перед вкладчиками и участниками в связи с предстоящей ликвидацией были выполнены и Фонд был исключен из реестра действующих негосударственных пенсионных фондов России.

Подчеркнем, что за 23 года работы РНПФ «Сибирский сберфонд» ни разу не допустил задержек выплат, а доходность пенсионных резервов и накоплений по большей части не вызвала беспокойства (табл. 6). Отрицательная доходность за 2014 г. стала следствием общего финансового кризиса, и это был далеко не худший результат среди других российских НПФ¹².

Таким образом, фильтрация, проведенная Банком России посредством нормативного регулирования, привела к уходу с рынка пенсионного обеспечения многих мелких региональных игроков, оставив небольшое число крупнейших, основная масса из которых имеют столичную «прописку».

¹² Так, например, по данным Банка России, в 2014 г. доходность от размещения пенсионных резервов у НПФ «Защита будущего» и НПФ «Адекта – Пенсия» составила –100,37 и – 61,86% соответственно. Отрицательная доходность по пенсионным накоплениям у НПФ «Тихий Дон» составила – 4,72%.

Таблица 6. Доходность размещения средств пенсионных накоплений и пенсионных резервов РНПФ «Сибирский сберфонд» (АО) в 2009–2016 гг., %

Доходность	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Доходность ПР	14,55	62,64	Н.д.	Н.д.	5,96	-0,42	18,9	7,76
Доходность ПН	13,69	75,89	Н.д.	Н.д.	0,11	-3,6	14,36	6,05

Источник: Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов, Субъекты рынка коллективных инвестиций, Финансовые рынки, официальный сайт Банка России. URL: http://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/#a_14188

Заключение

Очень многие страны мира в последние годы сталкиваются с необходимостью реформирования своих пенсионных систем. Население стареет, демографическая нагрузка на работающих растет, жизнь дорожает, капиталы обесцениваются. Традиционные пенсионные системы, созданные в совершенно иных экономических, демографических условиях, перестают справляться с этими вызовами.

Пути решения этих общих для большинства развитых стран проблем могут быть различны. Одни от распределительной пенсионной системы перешли к накопительной, другие увеличили пенсионный возраст, третьи сделали ставку на самостоятельное финансирование населением будущих пенсий через систему частных пенсионных фондов, очень многие, включая Россию, пытаются комбинировать различные инструменты.

По этому пути приходится идти почти вслепую – методом «проб и ошибок», поэтому частые изменения пенсионного законодательства, наверное, следует признать неизбежным злом. Однако без разработки адекватных механизмов учета нормативно-правовых рисков правовые новации порой приводят к совершенно нежелательным результатам.

Резюмируя основные выводы статьи, можно утверждать, что плохо продуманные решения оборачиваются для системы негосударственного пенсионного обеспечения выводом мобилизованных денежных средств, потерей игроков пенсионного рынка и клиентов. Для последних же все это чревато снижением их уровня благосостояния.

Литература

Данилов Ю. А., Абрамов А. Е., Буклемишев О. В. Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора. М., 2017.

Желобанов Д. Копить на пенсии стало сложнее // Ведомости. 2009. 11 сен.

Коршиков П. В. Страхование пенсий в условиях реформирования социальной системы государства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2005. – 24 с.

Медведева Л. Д. Создание модели интегрированной подготовки экономистов на основе кластерного подхода // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (158). С. 229–233.

Новиков А. В., Новикова И. Я. Экономический рост и инвестиционная деятельность в России: прогнозы и реальность // ЭКО. 2019. № 2. С. 104–122.

Терешкина Н. Е. Риски при формировании финансовых механизмов реализации инновационной стратегии региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2018. № 3 (70). С. 273–280.

Финогенова Ю. Гарантии сохранности пенсионных активов // Финансовая газета. 1999. № 22.

Халтурина О. А. Оценка надежности негосударственных пенсионных фондов как социально-экономических систем: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2011. 25 с.

Щетинина И. В. Увеличение пенсионного возраста: аргументы «за» и «против» // ЭКО. 2018. № 11. С. 96–115.

Для цитирования: Владимирова Т.А., Халтурина О.А. Нормативно-правовые риски стабильность негосударственных пенсионных фондов России // ЭКО. № 8. С. 51-65. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-51-65

Статья поступила 25.02.2019.

Summary

Vladimirova, T.A., Doct. Sci. (Econ.), Siberian State University of Communications,

Khalturina, O.A., Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

Regulatory and Legal Risks and Stability of Non-State Pension Funds in Russia

Abstract. The article assesses the impact of changes in Russian legislation that determine regulatory risks of economic entities on operational stability of non-state pension funds. The results of the study suggest a negative impact of the changes in Russian legislation on performance and development of non-state pension funds. The changes in Russian legislation contributed to withdrawal of some players from the pension services market. The instability of non-state pension funds operation reduced public confidence in them. Drastic institutional changes (change of the mega-regulator, the need for the incorporation and entry of non-state pension funds into the pension savings guarantee system, a significant increase in authorized capital) led to a decline in the non-state pension sector and short-term deterioration in performance of non-state pension funds.

Keywords: *pension; non-state pension fund (NPF); NPF reliability; changes in legislation; Bank of Russia; mandatory pension insurance system; shareholding of NPF; increase the authorized capital*

References

Danilov, Yu. A., Abramov, A. E., Buklemishev, O. V. (2017). *Reform of financial markets and non-banking financial sector*. Moscow. (In Russ.).

Zhelobanov, D. (2009). Saving for retirement became more difficult. *Vedomosti Sheets*. 11 sep. (In Russ.).

Korshikov, P.V. (2005). Insurance of pensions in the conditions of reforming the social system of the state. *Avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk [Abstract of Ph. D. thesis]*. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Medvedeva, L.D. (2015). Creating a model of integrated training of economists based on the cluster approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. No. 5 (158). Pp. 229–233. (In Russ.).

Novikov, A.V., Novikova, I.Yu. (2019). Economic growth and investment activity in Russia: forecasts and reality. *ECO*. No. 2. Pp. 104–122. (In Russ.).

Tereshkina, N. E. (2018). Risks in forming financial mechanisms for implementation of the innovation strategy of the region. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ehkonomiki i prava. Bulletin of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. No.3 (70). Pp. 273–280. (In Russ.).

Finogenova, Yu. (1999). The security of pension assets. *Finansovaya gazeta Financial newspaper*. No. 22. (In Russ.).

Khalturina, O. A. (2011). Assessment of the reliability of non-state pension funds as socio-economic systems. *Avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk [Abstract of Ph. D. thesis]*. Novosibirsk. 25 p. (In Russ.).

Shchetinina, I. V. (2018). Increasing the retirement age: the pros and cons. *ECO*. No. 11. Pp. 96–115. (In Russ.).

For citation: Vladimirova, T.A., Khalturina, O.A. (2019). Regulatory and legal risks and stability of non- state pension funds in Russia. *ECO*. No. 8. Pp. 51-65. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-51-65

Экономические причины эйджизма на рынке труда

Б.Ж. ТАГАРОВ, кандидат экономических наук,
Байкальский государственный университет, Иркутск.
E-mail: batot@rambler.ru

Аннотация. В статье проводится анализ причин дискриминации на рынке труда по возрастному признаку. Методологической основой послужили исследования в области статистической и ценовой дискриминации. Автор выделил ключевые источники статистической дискриминации в отношении пожилых людей, показав их информационную природу. В частности, проведен анализ дискриминации, вызванной различиями в среднегрупповых показателях и разницей в разбросе показателей внутри группы, рассмотрена монополистическая дискриминация и проанализированы факторы, влияющие на монополистическую власть работодателя над работниками старшей возрастной группы. Рассмотрено влияние статистической дискриминации на монополистическую. Показана взаимосвязь между уровнем специфичности человеческого капитала пожилого работника и степенью монополии работодателя. Сделан вывод об усилении статистической дискриминации пожилых работников из-за введения административных мер по борьбе с дискриминацией.

Ключевые слова: статистическая дискриминация; рынок труда; эйджизм; монополистическая дискриминация; пенсионный возраст

Введение

Средний возраст населения растет практически во всех странах мира, что является следствием повышения качества жизни, совершенствования систем здравоохранения и образования и прочих факторов, связанных с экономическим ростом и социальным развитием. Согласно последнему изданию отчета ООН «Мировые демографические перспективы»¹, на конец 2017 г. 13% мирового населения (962 млн чел.) составляли люди в возрасте 60 лет и выше. Авторы отчета прогнозируют рост численности населения данной возрастной категории до 1,4 млрд чел. к 2030 г. Число людей старше 80 лет к 2018 г. достигло 137 млн чел., а к 2020 г. их количество вырастет до 425 млн чел.

Данная тенденция не обошла и Россию (табл. 1).

---

¹ ООН: Отчет «Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2017 года». URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (дата обращения: 16.05.2019).

Таблица 1. Возрастная структура населения России (1989–2018 гг.)

Население	1989	2002	2010	2014	2018
Всего, тыс. чел.	147022	145167	142857	143667	146880
В том числе в возрасте, лет:					
0–24	53707	48013	42227	40311	39970
25–44	44767	43211	42375	44546	45764
45–59	25947	27024	32177	31005	29920
60 и более	22516	26797	26044	27805	31226
Численность населения моложе трудоспособного возраста (лица в возрасте 0–15 лет), тыс. чел.	35995	26327	23126	24717	27254
Численность населения в трудоспособном возрасте (мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины – 16–54 года), тыс. чел.	83746	88942	87983	85162	82264
Численность населения старше трудоспособного возраста (мужчины в возрасте 60 лет и старше, женщины в возрасте 55 лет и старше), тыс. чел.	27196	29778	31714	33788	37362
Доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения, %	18	21	22	24	25
Доля лиц в трудоспособном возрасте в общей численности населения, %	57	61	62	59	56
Доля лиц моложе трудоспособного возраста, %	24	18	16	17	19

Источник: составлено автором по данным Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 16.05.2019).

Как видим, доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения страны за 1989–2017 гг. выросла с 18,5% до 25,4%. При этом доля потенциальной рабочей силы (то есть лиц, не достигших трудоспособного возраста) сократилась с 24,5% до 18,5%. Такие изменения возрастной структуры вызваны снижением рождаемости в России в 1990-х гг., а также вступлением в пожилой возраст относительно многочисленных первых послевоенных поколений. Это означает, что доля пожилых людей будет расти и дальше, а доля лиц в трудоспособном возрасте продолжит сокращаться (с 2002 г. по 2017 г. она снизилась на 5 п.п.).

Указанные тенденции, а также повышение пенсионного возраста в России² обострили проблему дискриминации на рынке труда по возрастному признаку. Необходимость совершенствования

² С 01.01.2019 г., согласно федеральному закону от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» началось поэтапное повышение пенсионного возраста в России.

методов борьбы с данным явлением повышает актуальность изучения его характера и причин возникновения.

Рассмотрим влияние возрастного фактора на уровень занятости и заработную плату, проанализируем экономические причины возрастной дискриминации и монопольной власти работодателя.

Влияние возрастного фактора на заработную плату

Рост среднего возраста населения вызвал изменение структуры занятости: среди работающего населения увеличилась доля пожилых граждан, в том числе преодолевших порог установленного пенсионного возраста. Это вызвано не только демографическими факторами и дефицитом «молодой» рабочей силы. Автоматизация производства, повышение доли интеллектуального труда, рост сферы услуг и прочие «постиндустриальные» тенденции, наблюдающиеся в современной экономике, увеличивают продолжительность трудовой жизни людей. С другой стороны, этому способствует повышение величины человеческого капитала возрастных работников: улучшение здоровья, повышение уровня образования и пр. Так, например, доля людей, имеющих высшее образование, среди лиц старше 55 лет в 2012 г. составила 21%, тогда как в 1994 г. – всего 11%, а доля людей, оценивающих свое состояние здоровья как плохое, с 1994 г. по 2012 г. сократилась с 40% до 30% [Колосницына, Герасимова, 2014].

Данные об изменении доли пожилых людей в работающем населении в течение 2011–2017 гг. представлены в таблице 2.

Таблица 2. Доля пожилых людей в общем числе занятых (2011–2017 гг.), %

Год	От 55 до 59 лет		От 60–72 лет	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2011	8,8	8,2	4,5	4,6
2013	9	8,6	4,6	4,8
2015	9,5	9	4,9	5,3
2017	10	9,2	5,2	5,5

Источник табл. 2, 3: составлено автором по данным Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 16.05.2019).

Как видим, доля работников старше 55 лет в структуре занятости растет. Но оценка уровня занятости в соответствующей

возрастной группе (табл. 3) показывает, что трудовая активность пожилых за эти годы на самом деле не выросла.

Таблица 3. Уровень занятости населения в возрасте 55–72 лет, % от численности населения соответствующей возрастной группы

Год	От 55 до 59 лет		От 60–72 лет		Уровень занятости в целом	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2011	72,7	49,9	26,3	16,3	69,2	59,2
2013	73,9	52	27	17,1	70,4	59,8
2015	74,6	52,3	27,6	18,5	71,1	60,1
2017	75,5	52	26,5	17,3	71,5	60,1

Из-за того, что количество пожилых людей растет несколько быстрее, чем их занятость, доля занятых среди лиц пенсионного возраста снижается – как у мужчин, так и у женщин.

По данным Росстата, уровень занятости среди населения старше трудоспособного возраста снизился с 30,1% в 2015 г. до 28,8% в 2017-м. При этом уровень безработицы³ в этой же возрастной группе увеличился с 3% до 3,3%. Причин у этого феномена может быть много, но, несомненно, свою лепту вносит и дискриминация на рынке труда по возрастному признаку, или геронтологический эйджизм⁴.

Существует множество аспектов трудовой деятельности, в которых может проявиться гендерная или возрастная дискриминация: условия труда, продвижение по карьерной лестнице, принятие решения при найме и пр., но наиболее явный из них – дифференциация заработной платы, что отчетливо видно по данным таблицы 4.

Из данных таблицы видно, что отношение заработной платы пожилых к средней по экономике уменьшается с 2015 г. Согласно классификации Е. А. Трофимова [Трофимов, Трофимова, 2018], средняя заработная плата работников старше 65 лет приближает их к критической зоне рынка труда⁵.

³ Безработными граждане пенсионного возраста признаются в том случае, если они занимаются поиском работы и готовы приступить к ней.

⁴ В 1969 г. американский социолог Р. Батлер предложил для обозначения возрастной дискриминации использовать понятие эйджизм [Butler, 1969].

⁵ Из работы Е.А. Трофимова: «Критическая зона рынка труда охватывает ту часть населения, которая находится в сложном материальном положении из-за ... частичного отсутствия работы или низкого уровня ее оплаты».

Таблица 4. Номинальная начисленная заработная плата в России в 2011–2017 гг., руб.

Год	От 55 до 59 лет		От 60 до 64 лет		От 65 и старше		Средняя заработная плата в экономике в целом	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
2011	25312	17727	23722	16916	23632	16609	30005	19219
2013	29746	23238	28532	21906	29366	21712	33301	24721
2015	33773	26273	32269	24864	33891	26255	38605	28021
2017	38622	30465	36304	28269	37102	28148	45557	32658
<i>Отношение средней заработной платы в возрастной группе к средней заработной плате по экономике, %</i>								
2011	84	92	79	88	79	86	100	100
2013	89	94	86	89	88	88	100	100
2015	87	94	84	89	88	94	100	100
2017	84	93	80	86	81	8	100	100

Источник: составлено автором по данным Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения: 16.05.2019).

Такое относительное снижение зарплаты пожилых работников можно было бы связать с ухудшением ситуации на рынке труда из-за кризиса 2014 г., но, как свидетельствуют данные таблицы 3, уровень занятости в экономике все эти годы только рос, так что скорее всего мы имеем здесь дело с проявлением дискриминации.

Е. А. Клепикова и М. Г. Колосницына, проанализировав данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ⁶, попытались разделить различия в средней заработной плате разных возрастных групп на те, что вызваны дискриминацией, и те, в основе которых лежит объективная разница в производительности труда [Клепикова, Колосницына, 2017]. Их исследование показало, что «вклад» дискриминации в снижение среднего заработка в возрастной группе 55–64 года относительно зарплаты у 45–54-летних составляет 22% у мужчин и 16% у женщин. В данной работе также отмечается, что в России максимальный уровень зарплаты приходится на возрастную группу 25–44 года, тогда как в развитых

⁶ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины (Чапел-Хилл, США) и Института социологии РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 16.05.2019).

странах – на специалистов в возрасте 45–59 лет. И хотя этот разрыв может быть объяснен объективными факторами, такими как структура экономики, средняя продолжительность жизни и качество системы здравоохранения, уровень автоматизации производства и разделения труда в фирмах [Анохов, 2016], вклад в него дискриминации тоже довольно значителен.

Экономические причины эйджизма на рынке труда

Работодатель может отказываться от найма пожилых работников не только по экономическим причинам, но и из-за личных психологических проблем (например, геронтофобии⁷), или же социально-обусловленной неприязни. Такого рода дискриминация на рынке труда была подробно исследована Г. Беккером, который показал, что она приводит к потерям не только у дискриминируемой социальной группы, но и у работодателя [Becker, 1957]. Действительно, последний, ущемляя пожилых соискателей, вне связи с их трудовыми навыками и качеством работы, платит повышенную заработную плату более молодым работникам, не получая от этого реальной отдачи. Если рынок, на котором действует его фирма, является конкурентным, подобное поведение может привести к потере ее конкурентоспособности. Причиной этого, согласно Беккеру, будет появление компаний, готовых принять на работу более опытных, но дискриминируемых по неэкономическим признакам работников, готовых работать за меньшее вознаграждение.

Впрочем, в наши дни подобного рода эйджизм, основанный на предрассудках, играет все меньшую роль. Поэтому в данной работе мы уделим внимание экономическим причинам дискриминации, связанным с желанием работодателя максимизировать отдачу от использования рабочей силы. К ним можно отнести негативные стереотипы, статистическую и монополистическую дискриминацию.

Негативные стереотипы восприятия пожилых людей

Под стереотипом восприятия в контексте данной работы понимается устоявшееся в обществе мнение относительно

---

⁷ В медицине данный термин обозначает разновидность психических заболеваний, выражающихся в страхе или ненависти перед контактами с пожилыми людьми и/или собственным старением.

определенных профессиональных качеств работника, влияющих на его эффективность.

Многочисленные зарубежные и отечественные исследования показали, что в обществе сложились стереотипы относительно пожилых людей, которые негативно влияют на оценку их профессионализма и деловых качеств и могут оказать решающее воздействие на решение работодателя о найме и определении условий труда для возрастных соискателей. Причем, очень часто люди сами не осознают этой предубежденности. Например, Дж. Арбакл и Б. Вильямс провели эксперимент, попросив студентов оценить качество лекции, показанной им с использованием слайдов [Arbuckle, Williams, 2003]. При этом, что в обоих случаях текст был один и тот же, если на фото был изображен молодой преподаватель, студенты давали более высокую оценку, чем в случае, когда на слайдах фигурировал портрет пожилого человека.

Многочисленные опросы показывают, что пожилые люди в целом ассоциируются у общества со слабой тягой и низкими возможностями к познанию нового, склонностью к духовным, а не материальным ценностям, негибкостью, нежеланием выходить из зоны комфорта и пр. [Лемиш, 2015]. В России на вопрос ВЦИОМ «Какие чувства Вы обычно испытываете, когда видите пожилого человека?» 38% респондентов ответили – жалость [Хоткина, 2013].

При этом не все негативные стереотипы связаны с трудовыми навыками пожилых работников. Многие руководители считают, что большая разница в возрасте может стать источником дискомфорта и разлада в коллективе, особенно при работе в совместных проектах [Thatcher, Patel, 2011].

Существующие стереотипы относительно пожилых людей породили другой стереотип – неформальную классификацию рабочих мест по критерию возраста работников, подходящих для них наилучшим образом [Gordon, Arvey, 1986]. Например, часть работодателей полагают, что для пожилых людей подходят в первую очередь руководящие должности, тогда как их нахождение на рядовых позициях неизбежно приведет к конфликтам с более молодым начальником.

Заметим, что ряд исследований показали несправедливость многих подобных предубеждений. Например, Р. Постума и М. Кампион [Posthuma, Campion, 2009] пришли к выводу, что такие стереотипы,

как снижение производительности труда или неспособность к восприятию новых знаний у пожилых работников, в подавляющем большинстве случаев не соответствуют действительности. А С. Биггс с коллегами развенчали миф о негативном влиянии уровня здоровья на качество работы пожилых людей [Biggs et al., 2012].

Статистическая дискриминация

Негативные стереотипы восприятия пожилых людей, основанные на предубеждениях, дополненные неверной интерпретацией статистических данных, порождают статистическую дискриминацию, опирающуюся на якобы объективную информацию о средней производительности труда в разных возрастных группах. Подробный анализ статистической дискриминации был впервые проведен Е. Фелпсом, который рассмотрел ее расовую и гендерную разновидности [Phelps, 1972]. Мы постараемся применить анализ Фелпса к проблеме эйджизма.

В первой ситуации имеются две социальные группы с разной средней производительностью труда. Работодатель имеет статистические данные о среднем качестве работников в каждой из групп, но не может оценить производительность каждого конкретного работника без дополнительных затрат. Нежелание нести эти дополнительные издержки побуждает его принимать решения о найме и вознаграждении работников исходя из усредненных групповых характеристик. Такой подход поставит любого представителя более производительной группы в лучшее положение относительно его коллег из другой группы вне зависимости от реальных трудовых навыков.

По аналогии, работодатель, имея негативные данные относительно пожилых людей как работников в целом, будет дискриминировать конкретного пожилого работника, если при их взаимодействии будет иметь место асимметрия информации, а издержки на ее преодоление будут сравнительно велики. Однако если производительность труда конкретного работника данной возрастной группы будет полностью видна работодателю, статистическая дискриминация не возникнет.

Приведем конкретные наглядные примеры. В основе статистической дискриминации пожилого работника может лежать, к примеру, высокий уровень асимметрии информации относительно его планов по саморазвитию. Как бы ни было велико пикальное

желание работника учиться, на этапе собеседования проверить это практически невозможно, а стереотипы утверждают, что мотивация к получению новых знаний у пожилых людей в среднем ниже. Поэтому в большинстве случаев работодатель, руководствуясь общепринятой точкой зрения, будет дискриминировать работника. В противоположность этому уровень владения информационными технологиями, как легкопроверяемый признак, как правило, не является основой для статистической дискриминации.

Бывает и так, что среднее качество работников в обеих группах имеет одинаковый уровень, но стоимость получения информации о реальной производительности труда каждого конкретного работника из первой группы ниже, чем из второй. В такой ситуации представитель первой группы получит преимущество, так как его найм будет связан с меньшими затратами.

Применительно к дискриминации по возрасту это означает, что работодатель предпочтет того соискателя, о трудовых навыках и производительности которого ему будет дешевле (проще) получить информацию. Здесь ситуация может быть двоякой. С одной стороны, квалифицированные пожилые работники, имеющие солидный профессиональный опыт, могут предоставить о себе больше информации, чем их менее опытные коллеги, и получить преимущество при трудоустройстве. С другой стороны, качество информационного сигнала, исходящего от молодых, может оказаться более высоким (например, в их дипломе почти наверняка будет указана более актуальная специальность, чем у возрастных работников, получивших образование раньше).

Статистическая дискриминация пожилых людей может быть связана также с представлением работодателя о разбросе производительности труда в разных возрастных группах. Некоторые исследования [Dickinson, Oaxaca, 2009] показывают, что при равной средней производительности труда, работодатель, несклонный к риску, обычно предпочтет нанять представителя социальной группы с меньшей дисперсией по данному показателю.

Дискриминация, основанная на среднегрупповых признаках, в определенных условиях может привести к «порочному кругу», демотивируя представителей ущемленных групп к саморазвитию. К. Эрроу, один из основоположников данной теории, рассмотрев последствия дискриминации ряда социальных групп, показал, что у их представителей уменьшается стремление к улучшению

трудовых навыков, поскольку затраты на повышение производительности труда не приносят соответствующей отдачи [Atgow, 1973]. Особенно плохо обстоят дела, если сами работники не в состоянии изменить признак, на основе которого проводится дискриминация. Нежелание таких людей инвестировать в собственный человеческий капитал снижает среднегрупповые показатели и еще больше подрывает шансы на исправление ситуации. В результате предубежденность работодателей к представителям данной группы оказывается «оправданной», дискриминация усиливается, мотивация к развитию снижается еще больше. Этот феномен Эрроу назвал «самосбывающимся пророчеством».

Его теория применима и к объяснению некоторых аспектов эйджизма. Пожилые люди, сталкиваясь с дискриминацией на рынке труда и не получая отдачи от поисков и выполнения работы, теряют мотивацию к совершенствованию своих трудовых качеств и больше внимания начинают уделять семье, отдыху, заботе о здоровье, духовным ценностям и т.п. [Крутикова, 2016]. Теория Эрроу говорит о том, что такая смена жизненных приоритетов во многом порождена снижением доходности трудового капитала пожилых. Это, в свою очередь, вызывает усиление негативных стереотипов у работодателей и у самих людей пенсионного и предпенсионного возраста, демотивируя их к продолжению карьеры.

Сомнения относительно собственной ценности и ущемление со стороны работодателей приводят к неуверенности пожилых работников в своем будущем. Так, согласно опросу, проведенному ВНИИ труда Минтруда России [Забелина, 2018], 46% занятых старше 50 лет считают, что не смогут найти другую работу в случае увольнения, 32% опрошенных полагают, что найдут новое рабочее место, но с большим трудом. Вкупе с занижением самооценки и низкими зарплатными ожиданиями подобный пессимизм заставляет людей пенсионного и предпенсионного возраста соглашаться на дискриминационные условия, что лишь убеждает работодателей в правильности собственной позиции и затрудняет выход из «порочного круга».

Моносоническая дискриминация

Теория ценовой дискриминации была разработана Ж. Дюпюи [Дюпюи, 1993] и Д. Ларднером (цит. по [Hooks, 1971]), положившими в ее основу идею о различии полезности товара для разных

покупателей и постулат о стремлении монополий к максимизации прибыли. В свою очередь А. Пигу [Пигу, 1985], развив эту теорию, определил условия, при которых ценовая дискриминация возможна, и выделил ее основные виды.

На рынке труда ценовая дискриминация проявляется в форме монопсонической дискриминации. Работодатель, обладающий монопольной властью над работниками, может дифференцировать заработную плату и условия труда в зависимости от степени эластичности их предложения. Относительная неэластичность предложения пожилых работников может быть вызвана следующими факторами.

1. Низкая вероятность найти другую работу с таким же уровнем заработной платы из-за статистической дискриминации.

Причины возникновения этой проблемы были исследованы Б. Гринвальдом [Greenwald, 1986]. В отношении пожилых работников с большим стажем работы она проявляется особенно остро. Информация о производительности труда работника, достаточно долго проработавшего в компании, как правило, не составляет секрета для его нынешнего работодателя. В случае, если качество такого работника выше среднего по его социальной группе, работодатель обычно проявляет готовность выплачивать ему повышенное вознаграждение, но... не достигающее уровня его предельного продукта. При этом другие работодатели, не знающие о реальных достоинствах работника, скорее всего, будут оценивать его по среднестатистическим показателям дискриминируемой группы и предложат ему соответствующую заработную плату. Таким образом, работник оказывается привязан к существующему рабочему месту, ведь в случае смены работы его неизбежно ждет резкое снижение заработной платы.

2. Меньшая информированность о ситуации на рынке труда по сравнению с более молодыми работниками.

Это может быть связано с двумя причинами. Во-первых, с увеличением возраста, как было отмечено, снижается мотивация к смене места работы, а вместе с ней – и к постоянному мониторингу рынка труда. К тому же долгое нахождение в одной организации приводит к потере навыков поиска работы. Во-вторых, между представителями разных возрастных групп имеет место информационное неравенство с точки зрения использования современных информационно-коммуникационных технологий,

которые становятся все более важным инструментом поиска вакансий и взаимодействия с потенциальным работодателем. Например, на начало 2018 г. среди жителей России 16–29 лет 98% были пользователями Интернета. Среди лиц в возрасте 30–54 года таковых было 82%, а старше 55 лет – лишь 36%⁸. Что касается доступа к Интернету с помощью смартфонов, разрыв между указанными возрастными группами еще более заметен: 83%, 58% и 14% соответственно. Все это усиливает монопольную власть работодателя над пожилыми работниками, поскольку высокие затраты на поиск новой работы привязывают их к существующему рабочему месту.

3. Накопленный специфический социальный и человеческий капитал.

Чем солиднее трудовой стаж работника в конкретной организации, тем больше специфических профессиональных навыков он приобретает, что повышает его ценность для данной компании по сравнению с другими, где ему пришлось бы начинать «с нуля»⁹. К тому же за время работы сотрудник накапливает и позитивный социальный капитал – хорошие отношения с членами коллектива, деловую репутацию и другие социальные активы, делающие его трудовую жизнь более комфортной. Данные ресурсы создают барьеры для смены рабочего места, особенно высокие для пожилых работников, которые, ко всему прочему, не склонны менять коллектив и по психологическим причинам.

4. Наличие альтернативных источников дохода и относительно низкие расходы.

Трудовая пенсия по старости и помощь со стороны семьи дают возможность работникам пенсионного возраста покинуть работу в случае, если условия труда их не устраивают. Кроме того, в большинстве случаев пожилые люди имеют меньше постоянных расходов, чем их молодые коллеги: кредиты в основном выплачены¹⁰,

---

⁸ Исследование GfK: Проникновение Интернета в России. URL: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii/> (дата обращения: 16.05.2019).

⁹ Подробный анализ специфического человеческого капитала и специфических ресурсов был проведен Г. Беккером [Becker, 1962] и О. Уильямсоном [Уильямсон, 1996].

¹⁰ Например, по данным Национального бюро кредитных историй, средний размер ипотечного кредита в России в 1 квартале 2018 г. у лиц в возрасте 40–49 лет составлял 2,12 млн руб., а у людей в возрасте 60–65 лет – 1,18 млн руб. URL: <https://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=21715> (дата обращения: 16.05.2019).

дети встали на ноги, появились права на разного рода льготы и субсидии. С одной стороны, все это снижает возможность работодателя дискриминировать пожилых работников, так как сокращается их зависимость от трудового дохода¹¹, но с другой – влияет и на цену предложения труда. Для лиц пенсионного возраста увеличивается нематериальная значимость работы, а размер заработной платы отходит на второй план. Работодатель, понимая это, получает стимул занижать зарплату работающим пенсионерам, ведь они все равно не уволятся.

Все указанные факторы монопоноической дискриминации связаны с более низкой мобильностью пожилых работников по сравнению с молодыми. И хотя в целом на трудовую мобильность, как указывает В.Г. Былков, влияет довольно много случайных факторов [Былков, Самарина, 2018], возрастной критерий является здесь объективной причиной. Отметим, что снижение трудовой мобильности и, как следствие, увеличение дискриминации, касается в первую очередь пожилых работников с относительно высокой производительностью труда и высоким уровнем социального и человеческого капитала.

Выводы

Актуальность проблемы дискриминации по возрастному признаку побуждает принимать специальные меры по борьбе с ней как отдельные государства, так и международные организации. В рекомендации МОТ от 1980 г. № 162 указано, что пожилые работники должны иметь равенство возможностей и обращения относительно всех других трудящихся, с учетом их индивидуальных способностей, опыта и квалификации. Протокол № 1 Европейской социальной хартии предписывает государствам принятие мер по обеспечению возможности пожилым людям вести независимое существование и оставаться полноценными членами общества. В России запрет на дискриминацию закреплен в статье 3 Трудового кодекса РФ. В Кодекс об административных правонарушениях несколько лет назад введена статья 13.11.1, запрещающая «распространение информации о вакантных рабочих местах (должностях), содержащей

---

¹¹ Согласно В.Г. Былкову [Былков, 2017], это усиливает эффект дохода, что приводит к снижению индивидуального предложения труда

ограничения дискриминационного характера». В ноябре 2018 г. был принят федеральный закон № 352-ФЗ, который добавил в Уголовный кодекс РФ статью 144.1, предусматривающую ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лиц, достигших предпенсионного возраста.

С точки зрения рассматриваемых в данной работе причин дискриминации по возрасту в сфере трудовых отношений, эти меры, ограничивающие работодателя в принятии решений относительно пожилых работников, влияют на эйджизм неоднозначно. Монопсоническая дискриминация снижается вслед за уменьшением возможностей для работодателя по дифференциации заработной платы и условий труда. Не случайно в бюджетных учреждениях, например, в вузах, где большую роль играют формальные признаки, дискриминации пожилых людей практически не наблюдается [Озерникова, 2018]. Статистическая дискриминация, напротив, увеличивается, потому что действия государства, повышающие потенциальные издержки работодателя, связанные с наймом пожилых работников, еще больше снижают для него и без того невысокую привлекательность данной социальной группы.

Литература

Анохов И. В. Разделение труда и эволюция фирмы // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2016. Т. 15. № 1. С. 135–151.

Былков В. Г. Предложение на рынке труда: методология, природа формирования // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4. doi: 10.17150/2411–6262.2017.8(4).1. [Эл. ресурс]. URL: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=21889> (дата обращения: 16.05.2019).

Былков В. Г., Самарина М. В. Видовые и качественные изменения спроса на рабочую силу под воздействием трудовой мобильности // Труд и социальные отношения. 2018. № 3. С. 27–38. doi: 10.20410/2073–7815–2018–29–3–27–38.

Дююю Ж. О мере полезности гражданских сооружений // Вехи экономической мысли. 2000. Т. 1. С. 28–66.

Забелина О. В. Особенности занятости и проблемы трудоустройства лиц старших возрастных групп на российском рынке труда // Экономика труда. 2018. Т. 5, № 1. С. 165–176. doi: 10.18334/et.5.1.38874.

Клепикова Е. А., Колосницына М. Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15, № 1. С. 69–88.

Колосницына М. Г., Герасименко М. А. Экономическая активность в пожилом возрасте и политика государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 47–68.

Крутикова В. В. Трудовой ресурс пожилых людей в России // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 3. С. 77–82.

Лемми В. В. Образ пожилого и старого человека в представлениях взрослых 20–39 лет // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1, № 3–1(87). С. 64–69.

Озерникова Т. Г. Кадровые риски российских университетов // Труд и социальные отношения. 2018. № 3. С. 81–92. doi: 10.20410/2073–7815–2018–29–3–81–92.

Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985.

Трофимов Е. А., Трофимова Т. И. К вопросу о дискриминации на российском рынке труда // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28, № 3. С. 419–425. doi: 10.17150/2500–2759.2018.28(3).419–425

Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат; CEV Press. 1996.

Хоткина З. А. «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народонаселение. 2013. № 3. С. 27–37.

Arbuckle J., Williams B. D. Students' perceptions of expressiveness: age and gender effects on teacher evaluations // Sex Roles. 2003. Vol. 49, № 9/10. Pp. 507–517.

Arrow K. J. The Theory of Discrimination. In: Ashenfelter, O., Rees, A. (eds.). Discrimination in Labor Markets. Princeton University Press. 1973. Pp. 3–33.

Becker G. S. The Economics of Discrimination. Chicago: Chicago University Press. 1957.

Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, № 5. Pp. 9–49.

Biggs S., Carstensen L., Hogan P. Social capital, lifelong learning and social innovation. In: Beard J. L., Biggs S., Bloom D. E., Fried L. P., Kalache A., Olshansky S. J. (eds.). Global Population Ageing: Peril or Promise? World Economic Forum: Geneva. 2012. Pp. 39–41.

Butler R. N. Ageism: Another form of bigotry // The Gerontologist. Vol. 9, 1969. Pp. 243–246.

Dickinson D., Oaxaca R. Statistical Discrimination in Labor Markets: An Experimental Analysis // Southern Economic Journal. 2009. Vol. 76, № 1. Pp. 16–31.

Gordon R. A., Arvey R. D. Perceived and actual ages of workers // Journal of Vocational Behavior. 1986. № 28. Pp. 21–28.

Greenwald B. C. Adverse selection in the labor market // Review of Economic Studies. 1986. Vol. 53, № 3. Pp. 325–347.

Hooks D. Monopoly Price Discrimination in 1850: Dionysius Lardner // History of Political Economy. 1971. Vol. 3, № 1. Pp. 208–223.

Phelps E. S. The Statistical Theory of Racism and Sexism // The American Economic Review. 1972. Vol. 62, № 4. Pp. 659–661.

Posthuma R. A., Campion M. A. Age stereotypes in the workplace: Common stereotypes, moderators, and future research directions // Journal of Management. 2009. № 35. Pp. 158–188.

Thatcher S. M. B., Patel P. C. Demographic faultlines: a meta-analysis of the literature // Journal of Applied Psychology. 2011. № 96. Pp. 1119–1139.

Для цитирования: Тагаров Б. Ж. Экономические принципы эйджизма на рынке труда// ЭКО. 2019. № 8. С. 66-82. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-66-82.

Summary

Tagarov, B. Zh., *Cand. Sci. (Econ.), Baikal State University, Irkutsk*
Economic Causes of Ageism in the Labour Market

Abstract. The article analyzes the causes of discrimination in the labor market on the basis of age. The methodological basis of the article is research in the field of statistical discrimination and price discrimination. The author identified the main sources of statistical discrimination against older people, showing their informational nature. In particular, the analysis of discrimination caused by differences in the average group indicators and discrimination relates to differences in the spread of indicators within the group. The paper considers monopsonic discrimination and analyzes factors affecting the monopoly power of the employer over employees of the older age group. The influence of statistical discrimination on monopsonic discrimination is considered. The relationship between the level of specificity of the human capital of an elderly employee and the level of monopoly power of the employer is shown. It is concluded that discrimination against older workers is statistically increasing due to introduction of administrative measures to combat discrimination.

Keywords: *statistical discrimination; labor market; ageism; monopsonic discrimination; retirement age*

References

- Anohov, I.V. (2016). Division of labor and evolution of the company. *Vestnik UrFU. Seriya ehkonomika i upravlenie. Bulletin of UrFU. Economics and management*. Vol. 15. No. 1. Pp. 135–151. (In Russ.).
- Arbuckle, J., Williams, B.D. (2003). Students' perceptions of expressiveness: age and gender effects on teacher evaluations. *Sex Roles*. Vol. 49. No. 9/10. Pp. 507–517.
- Arrow, K.J. (1973). The Theory of Discrimination. In: Ashenfelter, O., Rees, A. (eds.). *Discrimination in Labor Markets*. Princeton University Press. Pp. 3–33.
- Becker, G.S. (1957). *The Economics of Discrimination*. Chicago: Chicago University Press.
- Becker, G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*, Vol. 70. No. 5. Pp. 9–49.
- Biggs, S., Carstensen, L., Hogan, P. (2012). Social capital, lifelong learning and social innovation. In: Beard J.L., Biggs S., Bloom D.E., Fried L.P., Kalache A., Olshansky S.J. (eds.). *Global Population Ageing: Peril or Promise? World Economic Forum: Geneva*. Pp. 39–41.
- Butler, R.N. (1969). Ageism: Another form of bigotry. *The Gerontologist*, Vol. 9. Pp. 243–246.
- Bylkov, V.G. (2017). Offer on the labour market: methodology, the nature of formation. *Baikal Research Journal. Baikal Research Journal*. Vol. 8. No. 4. doi: 10.17150/2411–6262.2017.8(4).1. (In Russ.).
- Bylkov, V.G., Samarina, M.V. (2018). Specific and qualitative changes in the demand for labour under the influence of labour mobility. *Trud i socialnye otnosheniya. Labour and social relations*. No. 3. Pp. 27–38. doi: 10.20410/2073–7815–2018–29–3–27–38. (In Russ.).

- Dickinson, D., Oaxaca, R. (2009). Statistical Discrimination in Labor Markets: An Experimental Analysis. *Southern Economic Journal*, Vol. 76. No. 1. Pp. 16–31.
- Dupuit, J. (2000). On the measure of the usefulness of civil structures. *Vekhi ehkonomicheskoy mysli. Milestones of economic thought*. Vol. 1. Pp. 28–66. (In Russ.).
- Gordon, R.A., Arvey, R.D. (1986). Perceived and actual ages of workers. *Journal of Vocational Behavior*. No. 28. Pp. 21–28.
- Greenwald, B.C. (1986). Adverse selection in the labor market. Review of Economic Studies, Vol. 53. No. 3. Pp. 325–347.
- Hooks, D. (1971). Monopoly Price Discrimination in 1850: Dionysius Lardner. *History of Political Economy*, Vol. 3, No.1. Pp. 208–223.
- Hotkina, Z.A. (2013). “Normal work potential” and age discrimination. *Narodonaselenie. Population*. No. 3. Pp. 27–37. (In Russ.).
- Klepikova, E.A., Kolosnicyna, M.G. (2017). Ageism in the Russian labour market: wage discrimination. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta. Russian management journal*. Vol. 15. No. 1. Pp. 69–88. (In Russ.).
- Kolosnicyna, M.G., Gerasimenko, M.A. (2014). Economic activity in old age and state policy. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya. Issues of state and municipal management*. No. 4. Pp. 47–68. (In Russ.).
- Krutikova, V.V. (2016). Labor resource of elderly people in Russia. *Socialno-ehkonomicheskie yavleniya i processi. Social economic phenomena and processes*. Vol. 11. No. 3. Pp. 77–82. (In Russ.).
- Lemish, V.V. (2015). The image of the elderly and the old man in the views of adults 20–39 years. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of Altai state University*. Vol. 1. No. 3–1(87). Pp. 64–69. (In Russ.).
- Ozernikova, T.G. (2018). Personnel risks of Russian universities. *Trud i socialnye otnosheniya. Labour and social relations*. No. 3. Pp. 81–92. doi: 10.20410/2073–7815–2018–29–3–81–92. (In Russ.).
- Phelps, E.S. (1972). The Statistical Theory of Racism and Sexism. *The American Economic Review*. Vol. 62. No. 4. Pp. 659–661.
- Pigou, A. (1985). *The Economics of Welfare*. Moscow. Progress Publ. (In Russ.).
- Posthuma, R.A., Campion, M.A. (2009). Age stereotypes in the workplace: Common stereotypes, moderators, and future research directions. *Journal of Management*. No. 35. Pp. 158–188.
- Thatcher, S.M.B., Patel, P.C. (2011). Demographic faultlines: a meta-analysis of the literature. *Journal of Applied Psychology*. No. 96. Pp. 1119–1139.
- Trofimov, E.A. Trofimova, T.I. (2018). To a question of discrimination in the Russian labor market. *Izvestiya Bajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of Baikal State University*. Vol. 28, No. 3. Pp. 419–425. (In Russ.). doi: 10.17150/2500–2759.2018.28(3).419–425.
- Williamson, O. (1996). Ekonomicheskij instituty kapitalizma. *The Economic Institutions of Capitalism*. SPb. Lenizdat Publ. CEV Press. (In Russ.).
- Zabelina, O.V. (2018). Features of employment and problems of employment of persons of older age groups in the Russian labor market. *Ekonomika truda. Labour economics*. Vol. 5, No. 1. Pp. 165–176. doi: 10.18334/et.5.1.38874. (In Russ.).
- For citation:** Tagarov, B. Zh. (2019). Economic Causes of Ageism in the Labour Market. *ECO*. No. 8. Pp. 66–82. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-66-82.

Формирование современной системы регионального и муниципального управления¹

А.С. НОВОСЕЛОВ, доктор экономических наук, E-mail: asnov@ieie.nsc.ru

А.С. МАРШАЛОВА, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: marnov@ieie.nsc.ru

Аннотация. В статье проводится анализ действующей системы регионального и муниципального управления с целью выявления проблем, которые она не в состоянии решить или решает не в полной мере. Отмечается, что современное социально-экономическое развитие России сопровождается высокой пространственной дифференциацией регионов и муниципальных образований, при этом региональная экономическая политика и институциональные механизмы её реализации не учитывают региональных особенностей, многоукладности экономики и особой роли пространственного фактора в достижении высоких темпов социально-экономического развития. Показано, что на протяжении многих лет система управления демонстрирует свою неспособность обеспечить реализацию периодически формулируемых стратегических целей развития экономики и региональной политики. Доказательством неэффективности этой системы является невыполнение намеченных планов и приоритетов. Предложены меры по совершенствованию институциональной системы управления, направленные на улучшение инвестиционного климата, модернизацию экономики, рост уровня жизни населения регионов и муниципальных образований и повышение эффективности регионального и муниципального управления.

Ключевые слова: региональное и муниципальное управление; институциональная система управления; пространственная дифференциация; региональная экономическая политика; экономический механизм; эффективность управления

Наряду с сырьевой ориентацией, технологической отсталостью и крайне низкой долей наукоемкого производства, к наиболее трудно разрешимым проблемам российской экономики относится чрезвычайно высокая региональная дифференциация социально-экономического развития [Лексин, 2017; Минакир, 2018].

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания по проекту XI.173.1.2. «Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием: концепция и принципы реализации» № АААА-А17-117022250118-6.

Нельзя не учитывать, что проблемы пространственного развития России в значительной степени порождены объективными обстоятельствами:

- страна занимает первое место в мире по территории, при этом значительная ее часть находится за полярным кругом;
- динамика численности населения и других демографических факторов не соответствует территориальным масштабам страны;
- исторически сложившаяся структура расселения отличается неравномерностью; в Сибири и на Дальнем Востоке – крайне низкая плотность населения;
- сложившиеся в последние годы отчетливые тенденции центростремительной миграции, интенсивной урбанизации еще больше осложняют поддержание целостности экономического пространства.

Эффективная региональная политика призвана сглаживать эти противоречия, обеспечивая равные возможности и доступ к основным благам всем жителям страны. Но в России пока это удается плохо, о чем красноречиво свидетельствуют данные таблицы, в которой приведены индексы дифференциации некоторых макроэкономических показателей по субъектам Федерации. Каждый федеральный округ представлен в ней двумя регионами, максимально различающимися по удельному ВРП (для большей наглядности). Интегральным индикатором уровня социально-экономического развития регионов может служить темп роста численности населения: в относительно благополучных регионах численность растет (или, по крайней мере, не падает), в депрессивных – сокращается. Исключение составляют республики Северо-Кавказского федерального округа, для которых характерна высокая рождаемость.

Расчетные индексы свидетельствуют о том, что среднедушевой ВРП в Москве в 2,43 раза превышает общероссийский показатель, а в соседней Ивановской области составляет всего 0,36 от среднего по стране. Среднедушевые доходы в Москве почти вдвое выше среднероссийских, в Ивановской области – всего 0,77. Сравнительный индекс среднемесячной зарплаты в Москве (1,84) в 3,1 раза превышает этот же показатель в Ивановской

области (0,60), при этом прожиточный минимум в этих регионах различается всего лишь в 1,6 раза².

Сравнительный уровень некоторых основных макроэкономических показателей по регионам России в 2017 г. (в расчете на душу населения), ед.

Субъект РФ	ВРП	Среднедушевые доходы	Средне-месячная зарплата	Инвестиции	Изменение численности населения за 2006–2017 гг.
Российская Федерация	1,00	1,00	1,00	1,00	1,03
Москва	2,43	1,92	1,84	1,20	1,38
Санкт-Петербург	1,28	1,34	1,33	0,88	1,11
Ивановская область	0,36	0,77	0,60	0,25	0,93
Московская область	0,93	1,31	1,13	0,81	1,09
Псковская область	0,43	0,72	0,61	0,49	0,89
Республика Калмыкия	0,37	0,47	0,58	0,54	0,95
Краснодарский край	0,78	1,07	0,78	1,43	1,09
Республика Дагестан	0,48	0,92	0,61	0,65	1,13
Республика Ингушетия	0,21	0,49	0,56	0,36	1,15
Республика Мордовия	0,53	0,58	0,35	0,72	0,94
Самарская область	0,85	0,87	0,77	0,88	0,99
Курганская область	0,46	0,66	0,64	0,41	0,88
Ямало-Ненецкий округ	7,44	2,19	2,27	1,46	1,04
Республика Тыва	0,33	0,48	0,81	0,40	1,04
Новосибирская область	0,76	0,83	0,82	0,69	1,04
Еврейская автономная область	0,59	0,77	0,96	0,31	0,90
Чукотский автономный округ	3,73	2,08	2,36	1,31	0,96

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

Сохраняющаяся дифференциация по индексу среднедушевых инвестиций (за 2010–2017 гг. в Москве этот показатель в 1,2 раза превысил общероссийский уровень, а в Республике Ингушетия составил лишь 0,36) только усугубляет негативные тенденции. Причем, неравномерность в пространственном распределении отмечается даже для государственных инвестиций: в общей величине капвложений доля бюджетных средств, которые приходятся только на три субъекта Федерации – Москву, Санкт-Петербург

² URL: <https://prozhitochnyj-minimum.ru/>

и Московскую область, составляет 27%³. То есть почти треть своих инвестиций государство направляет в те регионы, которые, в отличие от многих других, способны привлекать частный капитал. Вряд ли такой подход может способствовать выравниванию пространственных различий.

Проведенные исследования показывают, что сохранение сложившихся тенденций отрицательно скажется на общем экономическом развитии страны и ее социальной стабильности [Минакир, 2018; Стратегическое управление..., 2018].

Достоверность статистики, безусловно, является необходимым элементом объективной оценки текущего состояния социально-экономического развития страны и ее регионов, так как именно институт статистической службы создает информационную основу для принятия планово-прогнозных решений [Кисельников, 2017]. К сожалению, содержательный анализ ряда статистических показателей свидетельствует о том, что они могут служить основанием лишь для иллюзорной картины пространственного развития.

Так, например, высокий душевой ВРП в Москве дает повод столичным чиновникам, включая главу города С. Собянина, утверждать, что и производительность труда в Москве в два раза выше, чем в других регионах. Более того, на этом основании мэр даже делает вывод о перенаселенности Подмосковья, по какой-то причине упуская из виду, что значительная часть его жителей работает в столице, своим трудом наполняя ее бюджет. При этом известно, что в структуре занятости Москвы, как и любого мегаполиса, около 70% составляют служащие госуправления, финансово-кредитной системы, сферы операций с недвижимостью, торговли, транспорта, гостиничного и коммунального хозяйства; в реальном секторе экономики – в промышленности и строительстве – занято не более 24% работающих (по состоянию на 2016 г.). На самом деле высокие показатели «производительности» объясняются тем, что в Москве зарегистрирована

---

³ Тенденция стягивания государственных инвестиций на территорию, прилегающую к Москве, продолжается: еще в 2014 г. Правительство РФ приняло решение о выделении значительных государственных средств на строительство третьего транспортного кольца. Между тем московская агломерация имеет наиболее благоприятный инвестиционный климат и более привлекательна для частных инвестиций по сравнению с большинством других регионов России. Поэтому, с точки зрения интересов государства, вместо того, чтобы использовать бюджетные ресурсы, было бы целесообразно и вполне реально привлечь к этому строительству частных инвесторов.

подавляющая часть головных офисов крупнейших государственных корпораций, сосредоточены активы почти всей банковской сферы России.

Как показывает практика, простая территориальная перерегистрация крупной госкорпорации в другом регионе вызывает радикальные пространственные изменения в формировании бюджетной системы страны⁴. При этом в ее экономике ровным счетом ничего не меняется.

Если верить российской статистике, Москва обеспечивает 60% всего российского экспорта топливно-энергетических ресурсов, тогда как совместный вклад Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов составляет только 5,8%. Этот экспорт и вошел в валовой региональный продукт Москвы как продукция «Газпрома», «Роснефти» и других топливно-энергетических компаний со столичной пропиской. При таком «достоверном» отражении экономики главной информационно-статистической системой России дать реальную оценку пространственного развития страны, экономической структуры и эффективности ее регионов не представляется возможным.

Известно, что решением проблем пространственного развития СССР в условиях планово-распределительной системы занимался Совет по развитию производительных сил (СОПС). В основе пространственной политики страны лежали такие факторы, как размещение сырьевой базы, потребности в продукции отраслей и др. Анализ этих факторов, а также оценка всей совокупности экономико-географических и социальных условий определяли Схему развития и размещения производительных сил страны и, соответственно, специализацию регионов, структуру их экономики и общие параметры развития.

Одним из важнейших принципов государственной пространственной политики было продвижение производительных сил на Восток. Ее зримыми результатами стало создание в Восточной Сибири мощной гидроэнергетики и развитие энергоемких производств, формирование крупнейшего Западносибирского

---

⁴ Очевидным абсурдом действующего законодательства является возможность регистрации головного офиса компании на территории, не имеющей ни малейшего отношения к ее производственной деятельности. Учитывая объективно необоснованную практику, по-видимому, было бы целесообразно закрепить налог на прибыль крупных государственных компаний полностью за федеральным уровнем. В этом случае у них не возникнет желания к перемене места регистрации, и, соответственно, не возникнет угроза для устойчивости региональных бюджетов.

нефтегазового комплекса. При этом следует отметить, что и в советские времена для регионов страны были характерны серьезные различия в уровне социально-экономического развития [Гранберг, 2009].

Формирование институциональной системы управления пространственным развитием

Сегодня гипертрофированная дифференциация в уровне социально-экономического развития российских регионов настолько бросается в глаза, что игнорировать ее становится невозможно. Пространственные различия подрывают идею единого социально-экономического пространства страны и создают реальную угрозу национальной безопасности. Полагать, что эти проблемы могут решаться с помощью только рыночных механизмов, было бы наивно⁵. Рациональное пространственное развитие страны как фактор национальной безопасности является непосредственной функцией государственного управления.

Наличие комплекса нерешенных проблем в социально-экономическом развитии регионов и муниципальных образований нашей страны красноречиво свидетельствует о неэффективности действующей системы управления на всех ее уровнях – от федерального до муниципального. А поступательное нарастание этих проблем требует скорейших изменений этой системы и формирования таких институциональных структур, которые бы адекватно отражали цели социально-экономического развития регионов и муниципальных образований и были бы способны обеспечить их реализацию.

Нельзя сказать, что федеральные власти не понимают актуальности этой задачи, но пока их попытки создания новых институтов управления, способных активизировать экономическое развитие регионов, трудно назвать удачными. Здесь следует отметить двуединую функцию государства в условиях господства рыночных отношений: с одной стороны, она состоит

---

⁵ Анализ опыта пространственного развития зарубежных стран показывает, что ориентация экономики исключительно на рыночные силы приводила к неравномерности размещения населения и производства и возникновению региональных диспропорций. Поэтому экономические механизмы управления развитых стран все больше дополняются специальными административными инструментами (предварительная государственная экспертиза инвестиционных проектов, перераспределение доходов регионов через механизм государственного бюджета и т.д.), направленных на сглаживание пространственных различий [Казакова, Климанов, 2018, Bennett, 2012, McGrath, 2013, Seltzer, Carbonell, 2011, Wolfe, 2013].

в поддержке конкурентной среды и, следовательно, в широком использовании рыночных механизмов. С другой – заключается в ограничении этих механизмов в целом ряде сфер деятельности, к числу которых относятся, например, сохранение национальной безопасности, социальной стабильности, а также гармоничное пространственное развитие страны.

К сожалению, создание новых федеральных структур, призванных представлять интересы государственного управления на территориях, зачастую носит бессистемный рефлексивный характер. Первыми, как известно, были федеральные округа и институт полномочных представителей Президента в этих округах⁶. Затем последовала череда формального упразднения отдельных министерств и их возрождение под новым названием. Так, Министерство РФ по делам Федерации и национальностей было сначала преобразовано в Министерство региональной политики, затем в Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики, а впоследствии – в Министерство регионального развития РФ. Никакого ощутимого влияния на региональное развитие ни одна из этих структур не оказала из-за отсутствия у них финансовых средств: основные бюджетные ресурсы концентрируются в Министерстве финансов РФ и Министерстве экономического развития РФ, которые крайне неохотно делятся своими полномочиями. Более того, дублирование полномочий и функций реализации государственной пространственной политики, сосредоточенных в Минфине РФ, Минэкономразвития РФ и других, нередко вызывает межведомственные противоречия, неопределенность приоритетов и приводит к неэффективному использованию бюджетных средств. [Климанов и др., 2017].

Начиная с 2014 г. появилась практика создания специальных институтов управления развитием отдельных территорий. Были сформированы федеральные министерства по делам развития Дальнего Востока, Северного Кавказа, Крыма и Севастополя,

---

⁶ В 2000 г. было сформировано семь федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный, в 2010 г. из их состава был выделен восьмой – Северо-Кавказский ФО. В 2018 г. два субъекта Федерации (Республика Бурятия и Забайкальский край) были выведены из состава Сибири и вошли в состав Дальневосточного ФО. Основные управленческие функции полпредов – координация деятельности федеральных органов исполнительной власти в соответствующем округе, организация их взаимодействия с органами власти регионов и органами местного самоуправления; разработка программ и стратегий социально-экономического развития территорий в пределах федерального округа и др.

государственная комиссия по вопросам развития Арктики, органы управления особыми экономическими зонами, территориями опережающего развития. На них возлагались задачи, связанные с развитием экономики территорий, сокращения региональной дифференциации в уровне и качестве жизни, повышения эффективности использования ресурсного потенциала регионов и реализации их конкурентных преимуществ. К сожалению, поставленные задачи не были подкреплены соответствующими бюджетными ресурсами.

Апофеозом многолетних поисков новых институциональных управленческих решений и путей решения проблем пространственного развития страны стала бесплатная раздача дальневосточного гектара всем желающим.

Такие бессистемные поиски и административные реформы могут продолжаться еще долго [Клименко, 2014]. Между тем мировой опыт показывает, что для успеха такого рода преобразований необходимо прежде всего решить фундаментальные вопросы и обосновать методологические принципы управления: что должна представлять собой новая модель пространственного развития страны, какова должна быть роль государства в экономике регионов и как должны распределяться полномочия между различными уровнями системы управления (федеральным, региональным, муниципальным)? И далее – каковы принципы формирования финансово-бюджетных потоков и их соответствие полномочиям и ответственности каждого уровня системы управления?

Планово-прогнозные разработки как основа управления и необходимость повышения их качества (несколько примеров)

На начальном этапе становления новой модели экономического развития страны наивно полагалось, что все сложнейшие процессы в экономике будут регулироваться рынком, который лучше «знает», что и где производить. Полная деградация экономики и социальной сферы заставила отказаться от столь примитивных представлений и попытаться адаптировать к закономерностям развития многоукладной экономики прежнюю планово-прогнозную систему. Переход к индикативному планированию стал первым

прорывом в этом направлении⁷. Было признано, что макроэкономические индексы, как сигнальные лампочки, подтверждают движение социально-экономических процессов в нужном направлении. При этом генеральным целевым показателем был провозглашен индекс инфляции⁸.

Важными элементами системы институционального управления являются законодательно-правовые нормы и планово-прогнозные документы, в которых рассматриваются стратегические направления развития регионов и управленческие механизмы, обеспечивающие их реализацию.

В 2014 г. был принят федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании...», направленный на повышение эффективности всех уровней системы управления, который уже на этапе обсуждения его научно-экспертным сообществом обнаружил ряд разночтений и несоответствий с ранее утвержденными нормативными актами⁹.

К сожалению, диспут вокруг законопроекта связан главным образом с правовыми несоответствиями и не отражает содержательные социально-экономические аспекты регулируемых им стратегических планово-прогнозных документов. Между тем конкретное наполнение этих документов заслуживает самого пристального внимания и обсуждения.

Например, в части разработки стратегий развития муниципальных образований необходимо четко определить, для каких муниципальных образований она целесообразна, кто должен ею заниматься (представители местных сообществ или субъектов Федерации), какова должна быть информационная база для оценки конкурентных преимуществ территории. Не получили

---

⁷ Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ; Постановление Правительства РФ «О порядке разработки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации» от 22 июля 2009 г. № 596.

⁸ В настоящее время в экспертном сообществе нет единства в понимании того, насколько адекватно показатель уровня инфляции интегрирует в себе цели, ограничения и возможности развития экономики. Тем не менее в сценариях долгосрочного развития России, разработанных Минэкономразвития РФ, снижение уровня инфляции, сокращение государственных бюджетных расходов сохраняются в качестве базовых ориентиров.

⁹ Подробный перечень вопросов и расхождений, возникающих в связи с применением ФЗ «О стратегическом планировании...», был сформирован участниками XIII Общероссийского Форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России: обновление стратегий, обновление смыслов» (2014 г.). Замечания варьировали от серьезных опасений по поводу негативных последствий его применения, сформулированных Мау В. А., до предложения Городецкого В. Ф. начать работать по Закону, а корректировки вносить в процессе практической реализации [Победин, 2014].

должного внимания в планово-прогнозных разработках и многие концептуальные вопросы планирования и управления социально-экономическим развитием на региональном уровне, хотя в экономической литературе по ним не раз высказывались конкретные предложения [Климанов, Сафина, 2017].

Для создания основы практического использования закона 172-ФЗ в 2017 г. был принят Указ Президента «Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года», в котором были определены правовые принципы государственной политики регионального развития. Они включают в себя обеспечение территориальной целостности, единство правового и экономического пространства России, равных возможностей для реализации прав и свобод граждан, разграничение полномочий между территориальными уровнями власти.

Кроме того, в соответствии с названным законом в 2018 г. была разработана *Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г.*¹⁰ В констатирующей части документа вполне справедливо отмечается, что изменения в схеме расселения граждан РФ отражают общемировые тенденции роста крупных и крупнейших агломераций. Однако это сходство не должно никого успокаивать. Нужно учитывать, что Россия обладает самой большой в мире территорией с самым большим количеством пахотных земель и самой протяженной сухопутной границей. Кроме того, главной причиной центростремительного оттока населения из российских регионов является крайне высокая дифференциация в уровне и качестве жизни. Она же таит в себе серьезную угрозу социального взрыва, который пока не происходит во многом «благодаря» действию внешнеполитических факторов и продолжающимся санкциям.

Некоторые оптимистичные выводы Стратегии о сокращении региональных диспропорций вызывают большие сомнения, как и вышеупомянутые показатели официальной статистики, которые

---

¹⁰ Периодически государственные ведомства формулировали основные направления государственной региональной политики и стратегии развития – ее цели, приоритеты и задачи. Так, еще в 2007 г. была принята «Концепция стратегии социально-экономического развития регионов РФ», разработанная Минрегионразвития РФ. Ее главными приоритетами были формирование из «регионов – локомотивов роста» нового опорного каркаса страны; создание условий для развития конкурентоспособных производственных (территориальных) кластеров и др. Одним из приоритетов новой Стратегии пространственного развития называется сокращение чрезмерной дифференциации в уровне социально-экономического развития регионов. Вместе с тем анализ практики и результатов реализации региональной политики в нашей стране свидетельствует о том, что ни одна из вышеуказанных концепций не находит своего практического воплощения.

должны использоваться в прогнозировании и давать объективную оценку современного состояния уровня социально-экономического развития регионов. Складывается впечатление, что авторы документа не знакомы с реальной ситуацией в регионах России.

По сути, факт региональной дифференциации лишь констатируется как одна из особенностей пространственного развития, характерная для многих развитых стран¹¹, при этом о разнице в уровне инвестиций, финансовых, бюджетных аспектах региональных различий даже не упоминается. Между тем 90% регионов России – дотационные, у них, по определению, отсутствует бюджет развития, зато (в отличие от Москвы и Санкт-Петербурга) они вынуждены нести тяжелое бремя по финансовой поддержке бюджетов сельских муниципальных образований. Примечательно, что последние, также оставаясь глубоко дотационными, не только кормят население страны, но еще и производят экспортную продовольственную продукцию, объем которой (в 2018 г. – 24,9 млрд долл.)¹² сопоставим со стоимостью экспорта ВПК (15 млрд долл.)¹³.

Говоря в Стратегии о государственно-частном партнерстве, следовало бы четко определить, что имеется в виду. Известно, что финансовые ресурсы в России концентрируются в трех основных центрах – это государственный бюджет, банки и топливно-энергетические корпорации, цели которых имеют мало общего. Так, банки больше всего «заинтересованы» в постоянных колебаниях курса валют, топливно-энергетические корпорации – в высоких ценах на нефть и газ на мировом рынке, государственный бюджет – в соблюдении баланса по доходам и расходам. Никто из них не ставит своим приоритетом, к примеру, развитие современного отечественного машиностроения, высоких технологий, потому что это связано с большими финансовыми рисками.

В Стратегии имеется сильный перекоп в сторону развития крупных городов и агломераций и, на наш взгляд, недостаточно внимания уделено развитию малых городов и сельских районов, а также вопросам сокращения неоправданно высокой

---

¹¹ URL: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/35733/>

¹² Внешняя торговля России в 2018 г. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2018-godu/>

¹³ Россия выполнила план по экспорту оружия на 2018 г. URL: <https://ria.ru/20190128/1550004524.html>

социально-экономической дифференциации между городскими и сельскими территориями.

Механизм реализации Стратегии сводится к общим рекомендациям, источники финансирования предусмотренных мероприятий не названы, то есть документ носит в основном декларативный характер, предпосылок к повышению качества планово-прогнозных документов и совершенствованию системы управления пространственным развитием России в нем не просматривается.

Стратегия устойчивого развития сельских территорий была принята в 2015 г.¹⁴ По замыслу разработчиков, ее реализация должна привести к «...стабильному повышению качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни, что позволит сохранить социальный и экономический потенциал сельских территорий и обеспечит выполнение ими общенациональных функций – производственных, демографических» и др.

К сожалению, и этот стратегический документ отличает формальный, схоластический подход. Его адресат неизвестен, кто и каким образом должен воплотить в жизнь его положения – непонятно. В Стратегии справедливо отмечается высокая дифференциация в уровне и качестве жизни городского и сельского населения, что создает угрозу продовольственной и социальной безопасности. В то же время при характеристике развития социальной инфраструктуры в сельской местности в тексте обнаруживаются внутренние противоречия.

Так, в разделе «Общие положения» речь идет об успехах, достигнутых в сфере развития образовательных и медицинских учреждений, а в разделе «Качество жизни сельского населения» говорится о том, что количество школ сократилось на 12 тыс., а фельдшерско-акушерских пунктов – на 22% (при этом периоды, в течение которых все это происходило, указаны неопределенно).

В разделе «Местное самоуправление» отмечается: «как показывает мировой опыт, наличие института местного самоуправления обеспечивает условия для саморазвития населения», но не упоминается, что российский опыт введения этого

---

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р (ред. от 13.01.2017) «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://government.ru/docs/16757/>

института дискредитирует саму идею самоуправления, так как полномочия, функции и ответственность, которыми законодатели наделили сельские территории, не соответствуют финансово-экономическим возможностям большинства из них. В разделах, посвященных развитию экономики, ничего не говорится о том, что большинство сельских территорий характеризуется неблагоприятным инвестиционным климатом; когда же речь заходит о финансовых ресурсах, все сводится только к доступности кредитных средств (при этом «доступность» понимается в узком смысле – как высокие кредитные ставки; вопросы кредитоспособности потенциальных заемщиков, неготовности банковской системы финансировать низкорентабельные проекты в зоне рискованного земледелия и т.д. не рассматриваются).

В числе проблем, препятствующих устойчивому развитию сельских территорий, в документе перечисляются широко известные и лежащие на поверхности – неразвитость инфраструктуры, недоступность ресурсов развития, неполноценность системы местного самоуправления, низкое качество уровня жизни, утрата традиционных навыков к сельскохозяйственному труду. В то же время глубинные, фундаментальные проблемы, без решения которых не могут быть решены вышеназванные, даже не упоминаются. К числу последних относятся, например, такие как приоритет отраслевого подхода в государственном управлении, нерешенность проблемы сочетания отраслевых (корпоративных) и территориальных интересов.

Набор целевых показателей устойчивого развития сельских территорий, включая их количественные значения, на наш взгляд, носит субъективный, если не случайный характер. В нем, например, отсутствуют такие важные для жителей села показатели, как уровень газификации, обеспеченность качественной питьевой водой и др., но введен критерий «доля жителей, которые самостоятельно занимаются физкультурой». Кто и как будет подсчитывать эти цифры – совершенно неясно.

Можно сказать, что пустое бумаготворчество, которое является нам этот стратегический документ – это вполне безобидно, если бы не создавалась иллюзия, что кто-то успешно трудится, совершенствуется система государственного управления, принимаются серьезные меры, и в результате реализации стратегии все на селе будет в порядке.

***

Преобразования регионального и муниципального уровней управления следует рассматривать в рамках общей системы государственного управления Российской Федерации. Можно констатировать, что ее действующая модель сформировалась к началу 2000-х годов и, несмотря на периодическое реформирование, без принципиальных изменений используется до настоящего времени [Аганбегян, 2018; Глазьев, Архипова, 2018; Гринберг, 2018; Ивантер, 2018].

Высокую оценку проводимым реформам системы управления дают только сами реформаторы, экспертное сообщество и широкая общественность отмечают снижение качества управления и образования, качества и доступности медицинских услуг [Глазьев, 2016; Делягин, 2015; Кудрин и др., 2017]. В начале первого десятилетия XXI века, благодаря высоким мировым ценам на топливно-энергетические ресурсы, в России были достигнуты серьезные положительные результаты в социальной сфере, но на развитии экономики регионов и муниципальных образований это практически не отразилось, подавляющее большинство из них по-прежнему целиком и полностью зависят от федерального бюджета. В этом смысле система управления продемонстрировала свою полную беспомощность. То, что она нуждается в радикальных изменениях на всех уровнях – от федерального до муниципального, не вызывает сомнения.

На взгляд авторов, основные направления предлагаемых изменений должны включать следующие пункты.

Необходимо четко определиться с ролью государства в развитии экономики регионов и реализации пространственной стратегии. Если государство намерено переложить ответственность за это на частный бизнес, оно должно разрешить противоречие между экономической ответственностью бизнеса и концентрацией основных финансовых ресурсов в руках государства (в лице Центробанка, федерального бюджета, государственных банков).

На смену модели управления экономикой, в которой главным целевым индикатором является уровень инфляции, должна прийти модель, в которой главным целевым индикатором станет

рост доходов¹⁵. Это две противоположные модели с разными приоритетами, последствиями и принципами управления. В последние годы для снижения индекса инфляции в первую очередь оптимизируются (снижаются) государственные расходы (читай – расходы на зарплату работников бюджетной сферы), повышается процентная ставка за кредит. И как результат мы имеем снижение потребительского спроса, отсутствие стимулов к росту производства, экономическую стагнацию во многих регионах и муниципальных образованиях. В модели, ориентированной на рост доходов населения, все происходит в точности наоборот [Абрамовских, Бабенко, 2016; Титов, Широ, 2017].

Мировой опыт показывает, что определяющим фактором эффективности экономического развития и качества жизни населения является институциональная система регионально-го и муниципального управления, включающая совокупность законодательно-правовых норм, организационных структур и механизмов взаимодействия экономических субъектов, которые определяют контуры среды принятия управленческих решений и обеспечивают достижение целей и направлений социально-экономического развития регионов Российской Федерации. От того, в какой степени эта система способна представить интересы всех экономических субъектов и насколько адекватно отражает возможности их рационального взаимодействия, зависят непрерывность воспроизводственного процесса и его эффективность – достижение поставленных целей, качество и конкурентоспособность экономики.

Известно, что с переходом к рыночной экономике старая институциональная система, созданная для осуществления директивного управления, не могла выполнять необходимые функции. Вместе с тем, формирование новых управленческих институтов происходит не всегда продуманно, часто они создаются рефлекторно, поэтому через несколько лет, как правило, упраздняются,

---

¹⁵ По данной проблеме в научной экономической литературе существуют различные точки зрения. Академик РАН В. В. Ивантер ключевым индикатором, определяющим рост экономики, считает рост потребительского спроса и инвестиций в реальный сектор экономики, что предполагает стимулирование роста доходов населения и инвестиционной активности [Ивантер и др., 2016]. Эту же точку зрения активно отстаивает академик Р. И. Нигматулин, который на Научно-экспертной сессии «Россия и мир. Российский мировой проект» (26 апреля 2016 г.) выступил с резкой критикой современной экономической политики государства и подчеркнул, что главным фактором роста экономики является потребительский спрос. Следует отметить, что такой подход не нов в мировой экономической науке и практике: именно рост потребительского спроса признается локомотивом роста экономики Китая, Франции и других стран [Научно-экспертная сессия..., 2016].

а на их месте создаются новые институты с новыми названиями. При этом при отсутствии механизма взаимодействия с другими организационными структурами возникает дублирование функций и несогласованность принимаемых решений. Кроме того, не всегда эффективен механизм контроля за использованием бюджетных средств, которые выделяются этим институтам. В связи с этим, наряду с правами и полномочиями институтов регионального управления, должна быть четко определена и их ответственность за результаты деятельности, в противном случае огромные средства государства будут тратиться главным образом на содержание этих институтов.

В современных условиях важную роль в системе регионального и муниципального управления играют планово-прогнозные разработки (концепции, стратегии, программы). Они, прежде всего, отражают разные аспекты экономической политики государства, ее цели, принципы, приоритеты и основные задачи. Проведенный анализ планово-прогнозных разработок на примере стратегии пространственного развития и стратегии устойчивого развития сельских территорий показал, что в этих документах не получили должного внимания многие концептуальные вопросы планирования и управления социально-экономическим развитием на региональном уровне¹⁶.

Многие проблемы экономического и социального развития регионов вызваны недостаточным учетом пространственного фактора, слабостью территориального планирования и управления, отсутствием специальных органов и механизмов управления пространственным развитием, т.е. отсутствием того, что в совокупности должно составлять институциональную систему управления социально-экономическим развитием регионов.

Проведенное авторами исследование свидетельствует о том, что действующая система управления, ее институты и используемые инструменты не в состоянии обеспечить решение основных задач, определяющих эффективность социально-экономического развития регионов и муниципальных образований. Эти задачи включают, прежде всего, формирование спроса на инновационную продукцию, привлечение инвестиций для производства

---

¹⁶ Материал готовился на основе научной экспертизы проектов стратегий, проведенной авторами по просьбе Законодательного собрания Новосибирской области, и вошел в содержание Заключения, подготовленного Законодательным собранием области для Государственной думы РФ.

наукоемкой продукции и модернизации традиционных отраслей экономики, сбалансированное пространственное развитие страны, обеспечивающее эффективное использование ресурсного потенциала. Дальнейшее промедление с решением этих задач ведет к еще большему технологическому отставанию отечественной экономики и сохранению недопустимой зависимости от развития сырьевого сектора и колебаний спроса и цен на сырье на мировом рынке. Поэтому бесспорной становится острая необходимость изменений в системе государственного и муниципального управления и формирования таких институциональных структур, которые бы адекватно отражали цели социально-экономического развития регионов и муниципальных образований и были бы способны обеспечить их реализацию.

Литература

Абрамовских Л.Н., Бабенко А.В. К поиску новой модели экономического развития // *Экономист*. 2016. № 10. С. 34–42.

Аганбегян А.Г. Почему экономика России топчется на месте? // *Проблемы теории и практики управления*. 2018. № 3. С. 11–26.

Глазьев С.Ю. В «тысячу первый» раз о выборе между стратегиями социально-экономической деградации страны и современного народнохозяйственного развития // *Российский экономический журнал*. 2016. № 3. С. 3–17.

Глазьев С.Ю., Архипова В.В. Оценка влияния санкций и других кризисных факторов на состояние российской экономики // *Российский экономический журнал*. 2018. № 1. С. 3–29.

Гранберг А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // *Регион: экономика и социология*. 2009. № 2. С. 166–178.

Гринберг Р.С. Некоторые размышления об императивах экономической модернизации в России // *Экономическое возрождение России*. 2018. № 2 (56). С. 41–46.

Делягин М.Г. Стратегия модернизации: каким должен быть ответ России глобальной депрессии // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2015. Т. 196. С. 265–273.

Ивантер В.В., Белкина Т.Д., Белоусов Д.Р. и др. Восстановление экономического роста в России. Научный доклад / Отв. ред. Ивантер В.В. М., 2016. 32 с.

Ивантер В.В. Механизмы экономического роста // *Мир новой экономики*. 2018. № 3. С. 24–35.

Казакова С.М., Климанов В.В. Зарубежный опыт применения дифференцированного подхода в регулировании регионального развития // *Региональная экономика. Юг России*. 2018. № 4. С. 55–68.

Кисельников А.А. Подчиненная статистика // *Актуальная статистика Сибири*. 2017. № 2. С. 46–49.

Климанов В.В., Ивасько Е.В., Коротких А.М. Практика внедрения территориального подхода в систему государственного управления в российской федерации // Регион: Экономика и социология. 2017. № 1 (93). С. 3–21.

Климанов В.В., Сафина А.И. Вариативность в документах стратегического планирования в стране // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2017. № 1. С. 46–65.

Климченко, А.В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 8–51.

Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 5–28.

Лексин В.Н. Стратегическое целеполагание в структуре государственного управления // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 5. С. 8–20.

Минакир П.А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008–020.

Научно-экспертная сессия «Россия и мир. Российский мировой проект». М., 2016. http://rusrand.ru/public_news/rossiyskiy-mirovoy-proekt-byil-predstavlen-v-dome-jurnalistov (дата обращения: 15.12.2018).

Победин А.А. Форум стратегов: новые задачи – новые решения (по итогам XIII общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России» 27–28 октября 2014 года) // Муниципалитет; экономика и управление. 2014. № 4(9). С. 118–121.

Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием / Под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. 496 с.

Титов Б.Ю., Широков А.А. Стратегия роста для России // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 24–39.

Bennett R.J. (ed.) Environment and Planning, Vol. 3, Chapter 1, ‘Reflections on “Government and Policy”’ London, Sage, 2012. 540 pp.

McGrath R.J. The Rise and Fall of Radical Civil Service Reform in the US States // Public Administration Review. 2013. Vol. 73. Iss. 4. Pp. 638–649.

Seltzer E., Carbonell A. Regional Planning in America: Planning Regions // Regional Planning in America: Practice and Prospect, ed. E. Seltzer, A. Carbonell. Cambridge, 2011. Pp. 1–16.

Wolfe D.A. Civic Governance, Social Learning and the Strategic Management of City-Regions // Creating Competitiveness: Entrepreneurship and Innovation Policies for Growth, ed. D.B. Audretsch, M. Lindenstein. Cheltenham, 2013. Pp. 6–25.

Статья поступила 15.03.2019.

Для цитирования: Новоселов А.С., Маршалова А.С. Формирование современной системы регионального и муниципального управления // ЭКО. 2019. № 8. С. 83–102. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-83-102.

Summary

Novoselov, A.S., Doct. Sci. (Econ.), Marshalova, A.S., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Formation of a Modern System of Regional and Municipal Governance

Abstract. The article analyzes the existing system of regional and municipal governance to identify the challenges it faces which are beyond its capacity to address. It is noted that the current socio-economic development of Russia is accompanied by a high spatial differentiation of regions and municipalities. Herewith, the regional economic policies and the institutional mechanisms for its implementation do not take into account regional differences, as well as the multistructurality of the economy and a specific role the spatial factor plays in achieving high rates of socio-economic growth. It is shown that over the years the system of management has proved unable to achieve periodically defined strategic goals of development of the Russian economy and its regional policy. The failure of the system of management to reach defined targets is the proof of its inefficiency. To solve these problems, we propose measures to improve the institutional management system, aimed at modernization of the economy, improvement of investment climate, the living standards of municipal populations and the efficiency of regional and municipal governance.

Keywords: *Regional and municipal governance; institutional system of governance; spatial differentiation; regional economic policy; economic mechanism; efficiency of governance*

References

- Abramovskikh, L.N., Babenko, A.V. (2016). Towards a new model of economic development. *Ehkonomist*. No.10. Pp. 34–42. (In Russ.).
- Aganbegyan, A.G. (2018). Why Does the Russian Economy Make No Headway? *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. No. 3. Pp. 11–26. (In Russ.).
- Bennett, R.J. (ed.) (2012). Reflections on “Government and Policy” in Environment and Planning, Vol. 3, Chapter 1, London, Sage. 540 pp.
- Delyagin, M.G. (2015). Modernization strategy: how Russia should respond to global depression. *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii*. Vol. 196. Pp. 265–273. (In Russ.).
- Glaz'ev, S. Yu. (2016). “Thousand and One” Times Again on the Choice between Strategies of Socioeconomic Degradation of the Country and Modern National Economic Development. *Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal. Russian Economic Journal*. No. 3. Pp. 3–17. (In Russ.).
- Glaz'ev, S. Yu., Arkipova, V.V. (2018). Sanctions and Other Crisis Factors Impact Assessment on the Russian Economy's State. *Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal. Russian Economic Journal*. No. 1. Pp. 3–29. (In Russ.).
- Granberg, A.G. (2009). Conceptual base on the Programme on fundamental issues of spatial development: interdisciplinary aspect issued by the Presidium of the Russian Academy of Sciences. *Region: ehkonomika i sociologiya*. No.2. Pp. 166–178. (In Russ.).
- Grinberg, R.S. (2018). Ruminations on the imperatives of economic modernization in Russia. *Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. No. 2 (56). Pp. 41–46. (In Russ.).

- Ivanter, V.V. (2018). Mechanisms of Economic Growth. *Mir novoj ehkonomiki*. No. 3. Pp. 24–35. (In Russ.).
- Ivanter, V.V., Belkina, T.D., Belousov, D.R. (2016). Recovery of economic growth in Russia. *Research report*. Ed. by Ivanter V.V. Moscow. 32 p. (In Russ.).
- Kazakova, S.M., Klimanov, V.V. (2018). Foreign experience of application of the differentiated approach in regulation of regional development. *Regional'naya ehkonomika. Yug Rossii*. No. 4. Pp. 55–68. (In Russ.).
- Kisel'nikov, A.A. (2017). Subordinate statistics. *Aktual'naya statistika Sibiri*. No. 2. Pp. 46–49. (In Russ.).
- Klimanov, V.V., Safina, A.I. (2017). Variability in the strategic planning documents in the country. *Menedzhment i biznes-administririvanie*. No. 1. Pp. 46–65. (In Russ.).
- Klimanov, V.V., Ivas'ko, E.V., Korotkikh, A.M. (2017). A practice of introducing the territorial approach to the system of public administration in the Russian Federation. *Region: Ehkonomika i sociologiya*. No. 1 (93). Pp. 3–21. (In Russ.).
- Klimenko, A.V. (2014). The decade of administrative reform: results and new challenges. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 1. Pp. 8–51. (In Russ.).
- Kudrin, A., Goryunov, E., Trunin, P. (2017). Stimulative monetary policy: myths and reality. *Voprosy ehkonomiki*. No. 5. Pp. 5–28. (In Russ.).
- Leksin, V.N. (2017). Strategic goal-setting in state governance structure. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. No. 5. Pp. 8–20. (In Russ.).
- McGrath, R.J. (2013). The Rise and Fall of Radical Civil Service Reform in the US States. *Public Administration Review*. Vol. 73. Iss. 4. Pp. 638–649.
- Minakir, P.A. (2018). “Spatial development strategy”: a view from the concepts of spatial organization in the economy. *Prostranstvennaya ehkonomika*. No. 4. Pp. 8–20. Doi: 10.14530/se.2018.4.008–020.
- Nauchno-ehkspertnaya sessiya “Rossiya i mir. Rossijskij mirovoj proekt”. Available at: http://rusrand.ru/public_news/rossiyskiy-mirovoy-proekt-by-l-predstavlen-v-dome-jurnalistov (accessed 15.12.2018).
- Pobedin, A.A. (2014). Forum of the strategists: new challenges – new solutions (following the xiii all-Russian forum “strategic planning in regions and cities Russia” October 27–28, 2014). *Municipalitet; ehkonomika i upravlenie*. No. 4(9). Pp. 118–121. (In Russ.).
- Seltzer, E., Carbonell, A. (2011). Regional Planning in America: Planning Regions. *Regional Planning in America: Practice and Prospect*, ed. E. Seltzer, A. Carbonell. Cambridge. Pp. 1–16.
- Strategic management of regional and municipal development. (2018). Ed. by A. S. Novoselov, V. E. Seliverstov. Novosibirsk, IEOPP SO RAN. 496 p. (In Russ.).
- Titov, B. Yu., Shirov, A.A. (2017). Strategy of growth for Russia. *Voprosy ehkonomiki*. No. 12. Pp. 24–39. (In Russ.).
- Wolfe, D.A. (2013). Civic Governance, Social Learning and the Strategic Management of City-Regions in Creating Competitiveness: Entrepreneurship and Innovation Policies for Growth, ed. D. B. Audretsch, M. Lindenstien. Cheltenham. Pp. 6–25.
- For citation:** Novoselov, A.S., Marshalova, A.S. (2019). Formation of a Modern System of Regional and Municipal Governance. *ECO*. No. 8. Pp. 83-102. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-83-102.

Экономическая доступность продовольствия в контексте проведения политики протекционизма¹

В. С. КОНКИНА, кандидат экономических наук, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, Рязань.
E-mail: Konkina_v@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов продовольственной безопасности при реализации политики протекционизма в агропродовольственной сфере. Проведен анализ доступности продовольствия в разрезе децильных групп. Отмечается отсутствие серьезных улучшений в динамике показателя за пять лет. Сокращение импорта и отсутствие внешней конкуренции способствовали росту цен на продовольственные товары на внутреннем рынке. Данные факторы при одновременном снижении реальных доходов привели к негативным последствиям – повысили планку экономической доступности продовольствия для домохозяйств.

Ключевые слова: продовольствие; экономическая доступность; децильные группы; импортозамещение; продовольственная безопасность

Проблемы импортозамещения с 2014 г. занимают умы не только научного сообщества, но и российской номенклатуры. Введение продовольственного эмбарго обусловило необходимость оперативного решения основной цели – обеспечения продовольственной безопасности и реализации целой совокупности дополнительных мер – протекционизм национального АПК, ускоренная модернизация сектора и т.д. К сожалению, как показало дальнейшее развитие событий, продовольственная безопасность зачастую понимается в узком смысле – как сокращение доли импорта в ресурсах до некоего «безопасного» уровня. О необходимости обеспечения физической и экономической доступности продовольствия для населения в высших эшелонах власти, в научном и даже общественном дискурсе речь заходит очень редко.

---

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–010–00843.

Последовательная политика по защите российского продовольственного рынка от внешней конкуренции, подкрепленная значительной государственной поддержкой, привела к позитивным результатам. Выросло производство продовольствия, Россия вошла в тройку главных экспортеров зерна, индикаторы Доктрины продовольственной безопасности² достигнуты практически по всем видам сельскохозяйственной продукции. Но как это отражается на экономической доступности продовольствия? Темпы роста цен на продовольствие опережают уровень инфляции, реальные доходы домашних хозяйств снижаются с 2014 г., а доля расходов на продукты питания, напротив, растет. Анализ данных процессов в разрезе отдельных групп домохозяйств вскрывает крайне тревожные тренды в развитии ситуации. Как оценивать уровень продовольственной безопасности в России при таких противоречивых данных? Попробуем разобраться.

Падение спроса и снижение потребления на рынке продовольствия

Четыре года действия запретительных мер позволяют сделать предварительные выводы об интенсивности процессов импортозамещения в агропродовольственной сфере России и выполнении Доктрины продовольственной безопасности. На наш взгляд, анализ продовольственной безопасности в РФ следует проводить в контексте понятийного симбиоза – оценки масштабов производства сельскохозяйственной продукции и ее доступности для населения.

Качественные, количественные и структурные характеристики производства и потребления продуктов питания определяются совокупностью факторов, среди которых можно выделить следующие:

- объемы и структура собственного производства;
- объемы и структура экспорта и импорта;
- ценовая конъюнктура на мировом и национальном продовольственных рынках;

---

²Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Эл.ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12172719/> (дата обращения: 10.12. 2018).

– покупательная и покупательская способность доходов населения³ и др.

Обратная связь факторов «производство – импорт» и прямая – «производство – экспорт» бесспорна и подтверждается успехами отечественного сельского хозяйства. Опорой такой связи является весьма щедрая государственная поддержка⁴. Однако с точки зрения формирования платежеспособного спроса результаты агропродовольственной политики, реализуемой Минсельхозом и Правительством РФ, неоднозначны и неочевидны. Спустя четыре года после начала ее реализации мы наблюдаем рост цен, падение платежеспособного спроса и снижение уровня жизни населения (особенно с невысокими доходами).

Отметим, что в мировой истории можно найти немало примеров тому, как введение запретительных мер ведет к росту цен, повышению издержек производителей, *сокращению спроса* и в конце концов – падению эффективности защищаемых секторов.

Динамика спроса на продукты питания и объемов их потребления зависит от соотношения темпов изменения реальных доходов и цен на продовольственные товары. Значительные отклонения между этими показателями порождают риски утраты продовольственной безопасности.

Чтобы оценить уровень экономической доступности основных товаров продовольственной корзины, мы рассчитали для них коэффициент достаточности (табл. 1).

---

³Следует различать два этих понятия. Покупательная способность – экономический показатель, обратно пропорциональный количеству валюты, необходимой для покрытия определенной потребительской корзины товаров и услуг. Покупательская способность – критерий, показывающий, сколько может купить среднестатистический потребитель товаров и услуг на определенную сумму денежных средств при нынешнем уровне цен. Таким образом, первое понятие относится к свойствам денег, а второе – к самим покупателям. Покупательная способность рубля, но покупательские предпочтения. [Эл.ресурс]. URL: <http://postcard-money.com/kak-pravilno-pokupatel'naya-ili-pokupatelskaya-sposobnost.html> (дата обращения: 13.04.2019).

⁴По данным Минсельхоза РФ, с учетом предварительных решений в 2019 г. объем средств федерального бюджета на реализацию госпрограммы АПК составит 302,2 млрд руб. При этом, как ранее обещал премьер-министр Д. Медведев на открытии «Золотой осени», «мы сохраним все инструменты, меры поддержки, объемы финансирования, которые в настоящий момент имеются» (цитата по стенограмме на government.ru). [Эл.ресурс]. URL: <https://www.ryazagro.ru/news/11746/> (дата обращения: 11.01.2019).

Таблица 1. Динамика коэффициента достаточности основных видов продовольствия* для населения РФ в 2012–2017 гг.

Вид продукции	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Картофель	1,233	1,233	1,233	1,244	1,256	1,067
Молоко	0,766	0,763	0,751	0,735	0,726	0,711
Мясо и мясoproдукты	0,932	0,945	0,945	0,918	0,932	1,027
Овощи	0,779	0,779	0,793	0,793	0,800	0,800
Фрукты и ягоды	0,610	0,640	0,640	0,610	0,620	0,620
Хлеб и хлебные продукты	1,240	1,229	1,229	1,229	1,219	1,219
Яйца	1,062	1,035	1,035	1,035	1,050	1,058

* Определяется как отношение фактического объема потребления конкретного вида продукции к рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания⁵.

Источник табл. 1, 2, 4–6, рис. 1–3: Основные показатели сельского хозяйства в России [Эл. ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.09.2018). Расчеты автора.

Казалось бы, представленные данные показывают, что за 2012–2017 гг. уровень доступности основных продуктов продовольствия не претерпел серьезных изменений. По мясу, мясoproдуктам и яйцам показатель даже немного увеличился в 2017 г. относительно 2012 г. В то время как по картофелю, молоку и хлебу он незначительно сократился. Однако углубленный анализ статистических показателей заставляет сделать выводы, далекие от оптимизма.

Снижение реальных доходов и доступности продовольствия

Известно, что мотивация потребителей к тратам связана с размером получаемого/располагаемого ими дохода (хотя, как указывали классики – Дж. М. Кейнс, Э. Гиффен, – между темпами изменения доходов и объемами потребления нет четкой пропорциональной зависимости).

Как показывает макроэкономическая статистика, до 2014 г., когда были введены запретительные меры, реальные доходы домашних хозяйств в целом по РФ росли, «увлекая» за собой и их расходы (в 2014 г. они достигли максимума – более 53% от ВВП). Далее наблюдается планомерное снижение расходов,

⁵ Приказ Министерства здравоохранения РФ № 614 от 19 августа 2016 г. «Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания».

обусловленное в первую очередь снижением реальных доходов населения (2015 г. – 52% от ВВП, 2016 г. – 52,8%, 2017 г. – 52,2%). По данным Росстата, реальные располагаемые денежные доходы населения составили в 2015 г. – 96,8%, 2016 г. – 94,2%, 2017 г. – 98,3% (в сравнении с предыдущим годом)⁶. Прогноз на 2019 г. также неблагоприятный. Согласно экспертным оценкам управляющего партнера экспертной группы Veta Ильи Жарского, – «растущие налоги... прибьют к полу потребительские расходы, а повышение пенсионного возраста еще больше их сократит»⁷.

Динамика потребления продуктов питания в натуральном выражении в целом повторяет динамику реальных доходов и платежеспособного спроса (табл. 2).

Таблица 2. Динамика среднедушевого потребления основных видов продуктов питания в РФ, 2012–2017 гг., кг/год

Вид продуктов питания	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 г. в % к 2012 г.
Картофель	111	111	111	112	113	1,067	86,49
Молоко	249	248	244	239	236	0,711	92,77
Мясо и мясопродукты	68	69	69	67	68	1,027	110,29
Овощи	109	109	111	111	112	0,764	98,17
Фрукты и ягоды	61	64	64	61	62	0,590	96,72
Хлеб и хлебные продукты	119	118	118	118	117	1,219	98,32
Яйца, шт./год	276	269	269	269	273	1,073	101,09

Наиболее благополучными с точки зрения потребления были 2012–2013 гг. После введения продуктового эмбарго в 2014 г. удельное потребление сократилось. Небольшое оживление фиксируется только в 2017 г., но только по отдельным продовольственным группам – яйцам, мясу и мясопродуктам.

При этом нужно обратить внимание, что по всем номенклатурным позициям фактическое потребление не соответствует установленным минимально-рекомендуемым медицинским нормам⁸ (табл. 3).

⁶URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

⁷URL: https://www.yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fеconomics%2F2018-11-08%2F4_7348_korzina.html

⁸Приказ Министерства здравоохранения РФ № 614 от 19 августа 2016 г. «Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания».

Таблица 3. Рекомендуемые рациональные нормы потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания человека

Наименование продукта	Кг/год
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупы, бобовые)	96
Картофель	90
Овощи и бахчевые	140
Фрукты свежие	100
Сахар	24
Мясопродукты	73
Рыбопродукты	22
Молоко и молокопродукты, всего в пересчете на молоко	325
Яйца, шт.	260
Масло растительное	12

Получается, что, несмотря на «достаточность» продовольственного снабжения (таблица 1), рацион питания населения РФ недостаточно сбалансирован с точки зрения поддержания удовлетворительного уровня жизни и здоровья.

Отметим, что представленная выше статистика демонстрирует обратно-пропорциональную зависимость уровня удовлетворения потребности в продуктах питания и эластичности спроса на них. В соответствии с законом Гиффена, низкая насыщенность рынка по конкретной товарной позиции формирует на нее высокочувствительный спрос по доходам, и наоборот.

Вместе с тем, влияние динамики доходов на спрос и потребление продовольствия неоднозначно. В том числе потому, что продукты питания имеют четко очерченный предел насыщения.

Например, в некоторых случаях при росте доходов спрос, измеренный в абсолютных единицах, может расти, а в относительных (удельный вес в совокупных расходах) – уменьшаться. Такое происходит, если эластичность спроса на продовольствие будет уменьшаться по сравнению с эластичностью спроса на непродовольственные товары. С другой стороны, по инферриорным товарам, к которым относятся многие продукты питания (макаронные изделия, мучные изделия, крупы) спрос имеет тенденцию к увеличению даже при уменьшении реальных доходов.

В этом смысле то, что среднестатистическое потребление базовых продуктов питания падает, несмотря на то, что его объемы далеки от минимально-рекомендуемых норм, не может не настораживать.

Доступность продовольствия в разрезе групп домашних хозяйств

Еще один важный момент, на который нужно обратить внимание при анализе таблиц 1 и 2 – это то, что в них используются усредненные показатели по РФ, не позволяющие учесть широкое социальное расслоение общества.

Для более четкого представления о текущей ситуации с реальными доходами и покупательской способностью, проведем анализ в разрезе децильных групп⁹. Соответствующее изменение доходов населения представлено на рисунке 1.

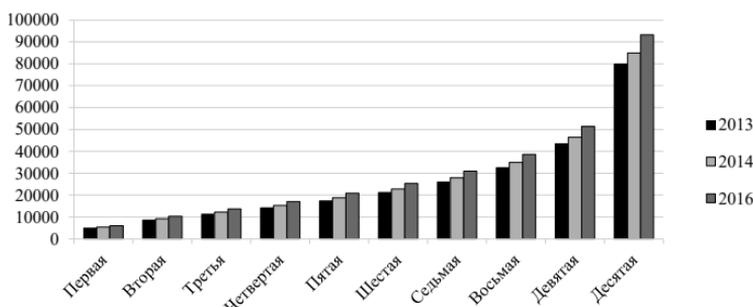

Рис. 1. Динамика доходов населения в разрезе децильных групп за 2013–2016 гг., руб.

В 2013 г. доходы десятой группы превышали аналогичный показатель первой группы в 16,35 раза, затем разница стала сокращаться и к 2015 г. достигла отметки 15,58 раза. С 2016 г. разрыв в доходах снова начал расти.

По состоянию на 2017 г. первые восемь децильных групп, составляющих «львиную» долю населения (80%), имели доход, не превышающий 40 тыс. руб. в месяц на душу члена домашнего хозяйства. Тогда как доходы в десятом дециле составляют

⁹При построении группировок по децильным группам применяется порядок, в соответствии с которым взвешенные данные по числу лиц в домохозяйствах ранжируются по мере возрастания среднедушевых показателей благосостояния и суммируются нарастающим итогом с получением общего числа обследуемого населения. Эта численность принимается за 100%. Сумма всех домохозяйств, где сосредоточено по 10% от общего числа обследуемого населения, относится к соответствующей децильной группе населения, распределенного по мере роста показателей благосостояния. Первая децильная группа – с наименьшими доходами, десятая – с наибольшими.

в среднем 94 тыс. руб. В стране 13,2% населения имеют доходы ниже прожиточного минимума.

Доля расходов на питание отличается как по децильным группам, так и по годам (табл. 4).

Таблица 4. Доля расходов на питание в доходах домашних хозяйств по децильным группам, 2013–2017 гг., %

Децильная группа	2013	2014	2015	2016	2017
Первая	41,8	42,7	42,3	46,6	48,1
Вторая	40,4	40,4	41,3	43,3	45,3
Третья	38,7	38,6	39,9	42,9	44,1
Четвертая	36,6	36,6	38,9	40,6	41,3
Пятая	35	35,2	37,3	38,8	39,1
Шестая	32,5	33,7	34,8	36,3	37,3
Седьмая	28,7	30	31,9	33,6	35,3
Восьмая	24,8	26,9	29,3	30,7	32,3
Девятая	21,5	23,5	26,8	27,3	28,3
Десятая	14,8	14,9	19,4	18,6	18,4
В среднем	26,2	27	30,3	30,5	37,0

Как видим, беднейшие домохозяйства регулярно тратят на продовольствие более 40% своего бюджета (2013 г. – 41,8%, 2017 г. – 48,1%), а члены группы с самыми высокими доходами – не более 20% (2013 г. – 14,8%, 2017 г. – 18,4%). Еще более разительным выглядит разрыв в абсолютных цифрах: в 2017 г. расходы на питание в первой децильной группе составляли 2893,22 руб./месяц на члена семьи, а в десятой – 17400,14 руб. [Бикеева, 2018].

Отчасти рост доли расходов на питание обусловлен удорожанием продовольствия (табл. 5). Проведенный расчет продуктовой инфляции показал, что самыми сложными периодами были 2014 и 2015 гг., когда отмечался наибольший рост цен. На наш взгляд, это во многом было обусловлено введением продовольственного эмбарго – низкая продовольственная обеспеченность практически по всем номенклатурным позициям и отсутствие отработанной логистики по замещающему импорту товаров привели к предсказуемым результатам.

Эксперты Института экономической политики имени Е. Гайдара, РАНХиГС и Всероссийской академии внешней торговли подсчитали, что в 2014–2016 гг. из-за продовольственного эмбарго российские потребители ежегодно теряли 4380 руб. на душу члена

домашнего хозяйства [Шагайда и др., 2016]. По их расчетам, без санкций стоимость набора запрещенных к ввозу товаров (мяса и мясной продукции, молока и молочной продукции, рыбы, овощей, фруктов, орехов из США, Евросоюза, Норвегии, Австралии и Канады. Позднее в перечень стран были добавлены Албания, Черногория, Исландия, Лихтенштейн, Украина) в 2017 г. была бы ниже примерно на 3%, а несанкционных – на 2,9%. Средний прирост годовой инфляции за счет введения санкций эксперты оценили в 3,1 п.п. в обеих категориях [Гайсин, 2018].

Таблица 5. Динамика индексов потребительских цен и цен на отдельные группы и виды продовольственных товаров в 2013–2017 гг., %

Наименование продукта	2013	2014	2015	2016	2017
Продукты питания в целом	106,2	116,7	114,3	103,9	100,7
Хлебобулочные изделия и крупы	106,4	111,6	115,3	105,6	100
Картофель	143,9	115,2	74,3	100,1	111,2
Мясо	100,3	119,3	107,8	102,6	99,9
Молочные изделия, сыр и яйца	103,7	116,3	114,2	110,5	102,7
Рыба и морепродукты	102,8	107	118	122,9	103,3
Овощи	118,8	118,7	108	92,3	102,3
Фрукты	99,7	123,7	128,7	96	100
Сахар	102,6	140	112,9	94	96,5
Масла и жиры	108,4	110,6	122,2	113	102,4

Таким образом, введение продовольственного эмбарго дало возможность российским производителям и торговле поднять цены в условиях временного ограничения поставок [Шагайда, Узун, 2015]. Интенсификация процессов импортозамещения постепенно привела к стабилизации индексов потребительских цен с 2016 г. В 2017 г. по таким видам продукции, как сахар, фрукты и мясо, наблюдаются даже дефляционные тенденции.

Помимо разрыва количественных показателей (доля расходов на питание), углубление дифференциации между децильными группами отмечается по качественным характеристикам (составу потребительской корзины). Для целей нашего исследования мы проанализировали потребление основных продуктов питания по каждой децильной группе.

Расчеты показали, что рацион россиян за исследуемый период заметно изменился. Продуктовое эмбарго и как результат значительный рост цен на продовольствие привели в 2014–2015 гг.

к ухудшению рациона питания. Несмотря на то, что в 2016–2017 гг. ситуация стабилизировалась, рацион первой социальной группы с точки зрения диетологии остается скудным. По таким ценным продуктам, как молоко, мясо, фрукты и овощи, фактическое потребление вдвое отстает от рекомендуемых медициной норм. Лишь по «продуктам бедняков» (картофель, хлеб, мясо птицы) потребление приближается к нормативам. В десятой децильной группе рационы в целом более сбалансированы, при этом по каждой децильной группе наблюдается недостаток белков, фруктов и ягод (табл. 6).

Таблица 6. Пищевая и энергетическая ценность продуктов питания (в том числе в продуктах животного происхождения) по децильным группам в 2017 г., г в сутки

Показатель	Норма*	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая	Восьмая	Девятая	Десятая
Пищевая ценность											
белки	102 (51)	59 (32)	67 (40)	73 (44)	77 (47)	78 (49)	81 (51)	85 (55)	90 (59)	92 (62)	93 (63)
жиры	128 (90)	75 (43)	89 (53)	98 (60)	104 (64)	107 (67)	110 (70)	117 (75)	123 (80)	127 (84)	128 (85)
углеводы	586 (23)	288 (10)	309 (12)	326 (14)	335 (15)	335 (16)	340 (16)	351 (17)	362 (18)	364 (19)	361 (19)

* МР 2.3.1.2432–08 Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200076084>

Анализ процессов импортозамещения для поиска резервов роста внутреннего спроса на продовольствие

Для активизации процессов импортозамещения и повышения экономической доступности продовольствия актуальной задачей является формирование внутреннего платежеспособного спроса. При этом, как показал анализ, в нашей стране формирование устойчивого платежеспособного спроса на продукты питания сдерживается не только и не столько открытыми и доказанными Энгелем и Кейнсом закономерностями роста спроса и падения эластичности в условиях повышения степени удовлетворения потребностей населения, сколько внутрироссийскими особенностями, к которым относятся:

– низкий уровень доходов у подавляющего большинства населения;

– высокая социальная дифференциация общества.

Влияние этих факторов приводит к тому, что реальный спрос (потребление) по основным продуктовым группам практически у всех децилей нельзя признать достаточным – либо по количеству, либо по структуре, либо по тому и другому. Наибольшую озабоченность вызывает ситуация, сложившаяся в первых децильных группах, в которых перекокс отмечается одновременно по двум параметрам.

Основная причина этого – низкие реальные доходы. Самое неприятное, что их статистика отчетливо демонстрирует понижающийся тренд, и это не позволяет сформировать позитивный прогноз относительно перспектив продовольственной обеспеченности (рис. 2).

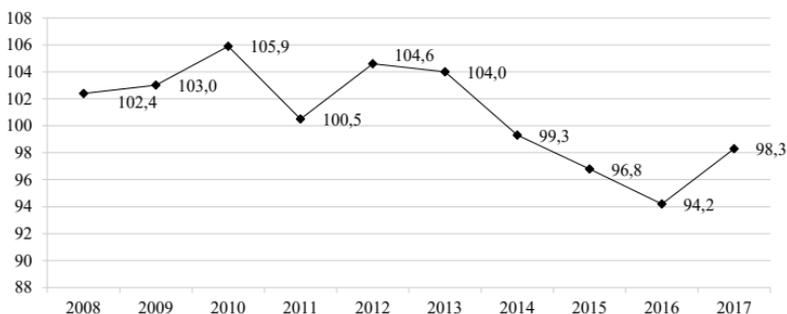

Рис. 2. Динамика реальных доходов населения РФ
в 2008–2017 гг.,%

Предложение на агропродовольственном рынке может расти высокими темпами за счет таких факторов, как высокий ресурсный потенциал, введенные заградительные меры (продовольственное эмбарго) и щедрая государственная поддержка. Но даже при наличии таких преференций без увеличения реального спроса потенциал АПК в области процессов импортозамещения не может быть реализован в полной мере.

Как результат, в отечественном агропромышленном комплексе формируется конъюнктура, которую можно описать как кризис относительного недопроизводства (рис. 3) (ситуация, когда спрос на сельскохозяйственную продукцию обгоняет ее предложение).

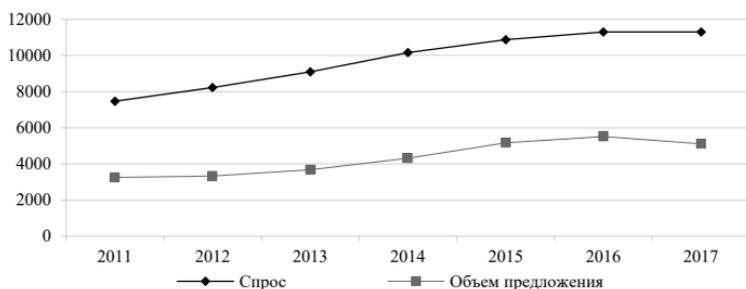

Рис. 3. Динамика изменения спроса и предложения на сельскохозяйственную продукцию в 2011–2017 гг., млрд руб.

Диспаритет цен, государственное регулирование ценообразования в агропромышленном комплексе приводят к занижению доходности сельхозтоваропроизводителей (табл. 7).

Таблица 7. Индексы цен и рентабельность продукции сельского хозяйства и промышленную продукцию и услуги, потребляемые в сельском хозяйстве в 2013–2017 гг., %

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Индекс цен производителей промышленных товаров	103,5	106,3	112,1	107,5	108,4
Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции	102,7	114,1	108,5	101,8	92,2
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), процентов					
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	11,71	6,25	18,35	21,25	16,79
Добыча полезных ископаемых	31,04	25,14	22,22	26,77	27,24
Обрабатывающие производства	10,99	8,61	10,7	12,44	10,53

Невысокая маржа отечественного АПК делает невозможным проведение ширококомасштабной модернизации производства и внедрения инноваций.

Заключение

Введение продовольственного эмбарго и исключение внешней конкуренции должно было стать фактором развития сельского хозяйства. Однако снижение объемов импорта продовольствия с точки зрения продовольственной безопасности оказалось фикцией, поскольку импорт не был замещен отечественной сельскохозяйственной продукцией. В условиях снижающихся реальных доходов произошел сдвиг в потреблении – спрос увеличился

по недорогим номенклатурным позициям продовольственных товаров, но более низкого качества.

Низкий уровень технического, технологического и инновационного развития АПК и ограничение импорта из США и стран ЕС обусловили снижение конкуренции на российском продовольственном рынке, что ожидаемо привело к давлению на цены. Девальвация рубля и отток инвестиций усугубили ситуацию. Все вместе это привело к увеличению цен на продовольствие на внутреннем рынке.

С точки зрения потребителя, как основного субъекта оценки агропродовольственной политики, результаты последней внушают мало оптимизма. Девальвация национальной валюты и политика жесткого протекционизма вместо того, чтобы стать катализатором для стремительного развития отечественного производства, привели к снижению реальных доходов и снизили «планку» доступности продовольствия для домохозяйств.

Необходимость процессов импортозамещения никто не оспаривает, но, помимо закрытия границ, требуется точечное воздействие на факторы роста – инвестиции, маркетинг, новую технику и технологии, и главное – срочное принятие мер по повышению внутреннего спроса.

Экспертная оценка уровня экономической безопасности по целому ряду показателей – обеспеченность продуктами питания, уровень реальных доходов населения, цены на продовольствие и др., демонстрируют отсутствие положительной динамики. Прогноз также не внушает оптимизма. Повышение пенсионного возраста, возросший НДС, высокая волатильность национальной валюты и стоимости углеводов требуют разработки комплекса мероприятий по повышению экономической безопасности.

Таким образом, на сегодняшний день существует много вопросов, связанных не только с пересмотром показателей оценки доступности продовольствия, но и в целом – механизмов реализации Доктрины продовольственной безопасности и процессов импортозамещения. Можно с высокой долей вероятности утверждать, что, к сожалению, в краткосрочной и среднесрочной перспективе сохранится давление негативных факторов, которые продолжают снижать уровень благосостояния домашних хозяйств и все более отодвигать планку экономической доступности продуктов питания.

Литература

Барсукова С. Ю. Аграрная политика России // *Общественные науки и современность*. 2017. № 5. С. 31–45.

Белова Т. Н. Ситуация на молочном «фронте» в период санкций // *Экономист*. 2015. № 4. С. 84–91.

Бикеева М. В. Статистический анализ дифференциации доходов и уровня бедности населения Российской Федерации // *Экономические исследования и разработки: научно-исследовательский электронный журнал*. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2018. № 2. 111 с.

Гайсин Р. С. Низкие доходы населения как фактор стагнации спроса и предложения на агропродовольственном рынке России // *Вестник КазЭУ [Эл. ресурс]*. URL: <https://articlekz.com/article/13772> (дата обращения: 19.12.2018).

Глотова Е. А. Продовольственная безопасность России как гарант национальной безопасности // *Право и политика*. 2010. 30 нояб. № 11. С. 1919–1926.

Дятловская Е. Итоги четырех лет продовольственного эмбарго // *Агроинвестор*. 2018. 7 августа [Эл. ресурс]. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/30210-itogi-chetyrekh-let-prodovolstvennogo-embargo/>

Копейн В. В. Экономическая и продовольственная безопасность: новая реальность импортозамещения // *Food Processing: Techniques and Technology*. 2016. Vol. 40. С. 126–134.

Самнер У. Протекционизм, или теория происхождения богатства от непродовольственного труда / Пер. с англ. Я. Новикова. С.-Петербург, 1893.

Самнер У., Новиков Я. А. Заблуждения протекционизма. М., Челябинск: Социум, Экономика, 2002. 254 с.

Шагайда Н., Узун В. Продовольственная безопасность: проблемы оценки // *Вопросы экономики*. 2015. № 5. С. 63–78.

Шагайда Н., Узун В., Шишкина Е. Как изменились потоки продовольствия в условиях эмбарго // *Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития*. 2016. № 6. С. 18–22.

Шевкунова Е. С. Анализ уровня потребления продуктов питания // *Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU*. 2014. № 101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-urovnya-potrebleniya-produktov-pitaniya> (дата обращения: 19.12.2018).

Статья поступила 20.03.2019.

Для цитирования: *Конкина В. С.* Экономическая доступность продовольствия в контексте проведения политики протекционизма // *ЭКО*. 2019. № 8. С. 103–117. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-103-117.

Summary

Konkina, V.S., Cand. Sci. (Econ.), Ryazan State Agrotechnological University of P. A. Kostychev, Ryazan

Economic Availability of the Food in the Context of Carrying out a Protectionism

Abstract. In article one of aspects of food security at realization of protectionism in the agrofood sphere is considered. The analysis of availability of food in a section of decile groups is carried out. The lack of serious improvements in dynamics of an indicator in five years is noted. Reduction of import and lack of the external competition led to increase in prices for food products in domestic market. These factors at simultaneous decrease in real income led to negative consequences – raised a level of economic availability of food to households.

Keywords: food; economic availability; decile groups; import substitution; food security

References

- Barsukova, S. Yu. (2017). Agricultural policy of Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 31–45. (In Russ.).
- Belova, T.N. (2015). The situation in the dairy market in the period of sanctions. *Ekonomist*. No. 4. Pp. 84–91. (In Russ.).
- Bikeeva, M.V. (2018). Statistical analysis of income differentiation and poverty level of the population of the Russian Federation. *Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki: nauchno-issledovatel'skii elektronnyi zhurnal*. Nizhniy Novgorod: NOO Professional'naya nauka. No. 2. 111 p.
- Dyatlovskaya, E. (2018). Results of four years of food embargo. *Agroinvestor*. (In Russ.) Available at: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/30210-itogi-chetyrekh-let-prodovolstvennogo-embargo/> (accessed 20.08.2018).
- Gaisin, R. S. Low incomes of the population as a factor of stagnation of demand and supply in the agri-food market of Russia. *Vestnik KazEU "Kazakh Economic Review"*. (In Russ.) Available at: <https://articlekz.com/article/13772> (accessed 19.12.2018).
- Glotova, E.A. (2010). Food security of Russia as a guarantor of national security. *Pravo i politika*. No. 411. Pp. 1919–1926. (In Russ.).
- Kopein, V.V. (2016). Economic and food security: a new reality of import substitution. *Food Processing: Techniques and Technology*. No. 40. Pp. 126–134. (In Russ.).
- Samner, U. (1893). *Protectionism, or the theory of the origin of wealth from unproductive labor*. S.-Peterburg. 1893 p.
- Samner, U., Novikov, Ya.A. (2002). *Misconceptions of protectionism*. Moscow, Chelyabinsk. Socium, Ekonomika Publ. 254 p.
- Shagaida, N., Uzun, V. (2015). Food security: the challenges of evaluation. *Voprosy ekonomiki*. No. 5. Pp. 63–78. (In Russ.).
- Shagaida, N., Uzun, V., Shishkina, E. (2016). Changing flows of food under conditions of sanctions. *Operativnyi monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya*. No. 6. Pp. 18–22. (In Russ.).
- Shevkunova, E. S. (2014). Analysis of the level of food consumption. *Nauchnyi zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU*. No. 101. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-urovnnya-potrebleniya-produktov-pitaniya> (accessed 19.12.2018).

For citation: Konkina, V.S. (2019). Economic Availability of the Food in the Context of Carrying out a Protectionism. *ECO*. No. 8. Pp. 103-117. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-103-117.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-118-140

Зарубежные программы умной реиндустриализации: варианты для России

Б.А. ХЕЙФЕЦ, доктор экономических наук, Институт экономики РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ.

E-mail: bah412@rambler.ru

В.Ю. ЧЕРНОВА, кандидат экономических наук, Российский университет дружбы народов, Москва.

E-mail: veronika_urievna@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт зарубежных стран – Франции и Германии, Китая, Индии – в реализации структурной и технологической модернизации экономики с помощью новых инструментов стратегического управления. Несмотря на имеющиеся различия, у всех стран на первое место выходят приоритеты ускоренного внедрения технологий четвертой промышленной революции, нацеленность на осуществление принципиальных структурных сдвигов и ориентация на достижение конкретных результатов в среднесрочной перспективе. Показано, что, несмотря на неоднозначность достигнутых результатов, ни одна из стран не отказалась от принятых программ и продолжает их совершенствование с целью более адекватной реакции на технологический прогресс, связанный с четвертой промышленной революцией. Задачи, поставленные в зарубежных программах умной реиндустриализации, очень актуальны и для российской экономики и заслуживают внимательного изучения и адаптации к нашим реалиям. Отмечено, что существенными недостатками нацпроектов являются отсутствие системы мониторинга и контроля за выполнением поставленных целей и чрезмерно растянутые сроки на «раскачку»; отсутствие проработанной долгосрочной стратегии социально-экономического развития, а также проработанных планов в ряде ключевых областей, определяющих цифровое будущее страны. Делается вывод о необходимости внедрения инструментов стратегического планирования в национальные проекты для целенаправленного преобразования структуры российской экономики и ее экспорта.

Ключевые слова: умная реиндустриализация; стратегии реиндустриализации; индустрия 4.0; структурная и технологическая модернизация; структурная политика; «Сделано в России 2030»

Программы умной реиндустриализации

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. показал острую необходимость ускорения структурной и технологической модернизации на основе новых технологий, вызвавших

четвертую промышленную революцию¹ [Шваб, 2016]. Эти технологии качественно изменят сферу материального производства и всю жизнь общества, приведут к серьезным сдвигам в системе международного разделения труда.

Например, в авиастроении создание платформы быстрого моделирования может сократить время проектирования и проектную доработку на 20%. Интернет вещей позволяет в реальном времени передавать и обрабатывать данные о качественных характеристиках оборудования, производственных процессов, а порой – даже организовать их дистанционную наладку, что приводит к минимизации дефектов, производственных отходов и времени простоев. Современные роботы справляются с опасными работами и минимизируют риски аварий, трехмерная печать способна создавать сложные, многокомпонентные детали и конечный товар, а новые компьютерные приложения оптимизируют кооперационные и сбытовые цепочки².

Все это оказывает серьезное влияние на экономические процессы. Так, внедрение аддитивных технологий (прежде всего, связанных с 3D-принтерами) позволяет локализовать разнообразные производства в странах с небольшими рынками сбыта, где традиционные технологии были бы неэффективны. Фактически они укорачивают глобальные производственные цепочки и, соответственно, объемы трансграничной торговли. Согласно прогнозу банка ING, бум 3D-печати будет способствовать увеличению местного производства промышленных товаров, что к 2040 г. может понизить обороты глобальной торговли на 40%³.

Для того чтобы эффективнее ответить на новые вызовы технологического прогресса во многих странах мира (не только

---

¹ Четвертая промышленная революция – собирательный термин, характеризующий весь комплекс нынешних и будущих преобразований, вызванных внедрением как новых, но уже известных технологий (искусственный интеллект, 3D-печать, робототехника, виртуальная и дополненная реальность, нейро- и биотехнологии, передовые материалы и др.), так и технологий, неизвестных в настоящее время.

² McKinsey (2017). Making it in America: Revitalizing US manufacturing. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/Americas/Making%20it%20in%20America%20Revitalizing%20US%20manufacturing/Making-it-in-America-Revitalizing-US-manufacturing-Full-report.ashx> (дата обращения: 20.09.2018).

³ Wass S. (2017). 3D printing could wipe out 40% of world trade by 2040. 3 October. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.gtreview.com/.../global/3d-printing-could-wipe-out-40-of-world-trade-by-2040/> (дата обращения: 10.09.2018).

развитых⁴, но и с переходной экономикой⁵), были разработаны стратегические программы создания предпосылок для таких преобразований.

Хотя многие программы затрагивают всю экономику, у них есть свои приоритеты, которые, несмотря на все различия, на первое место ставят задачи ускоренного внедрения технологий четвертой промышленной революции. В этом смысле их можно назвать инструментом проведения селективной структурной политики.

Основная часть структурных и технологических преобразований, предусматриваемых этими программами, касается промышленности и связанных с ней секторов услуг, которые будет создавать предпосылки для аналогичных сдвигов в других секторах экономики. Поэтому с полным основанием их можно назвать и программами реиндустриализации, а, учитывая их селективный и инновационный характер – программами *умной реиндустриализации*.

Показательно, что в опубликованном в январе 2018 г. докладе экспертов ВЭФ «Готовность к производству будущего» страны, принявшие эти программы, опережают Россию (таблица). Индекс готовности к производству будущего показывает способность страны извлекать выгоду из будущих производственных возможностей, смягчать риски и проблемы, гибко реагируя на неизвестные будущие шоки и состоит из двух интегральных индикаторов: 1) структура производства, характеризующего текущий базовый уровень производства и 2) драйверы производства, характеризующего ключевые факторы, которые позволят преобразовать производственную систему страны и извлечь выгоду от внедрения технологий четвертой промышленной революции⁶.

---

⁴ Программы *Nouvelle France Industrielle* во Франции, *Industrie 4.0* в Германии, “*High Value Manufacturing Catapult*” в Великобритании, *Industrial Value Chain Initiative* в Японии, *Fabbrica del Futuro* в Италии, *Smart Factory*” в Нидерландах, *Industria Conectada 4.0* в Испании, *Prumysl 4.0* в Чехии.

⁵ Программы *Manufacturing Innovation 3.0* в Республике Корея, *Made in China 2025* в Китае, *Make in India* в Индии, *Smart Nation Programme* в Сингапуре, *National Industry 4.0 Policy* в Малайзии, Национальная технологическая инициатива в Казахстане.

⁶ Более подробно см. WEF (2018). *The Readiness for the Future of Production*. WEF. Report 2018. Insight Report. [Эл. ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/FOP_Readiness_Report_2018.pdf (дата обращения: 07.09.2018).

**Место России и ряда зарубежных стран по ключевым критериям
готовности к производству будущего**

Показатель	Россия	Китай	Индия	Республика Корея	Франция	Германия
Структура производства (текущий базовый уровень производства)						
Общая оценка	35	5	30	2	18	3
Сложность структуры производства	44	27	48	4	15	2
Масштаб	25	1	9	2	28	12
Драйверы производства (ключевые факторы, которые позволят преобразовать производственную систему страны и извлечь выгоду от внедрения технологий четвертой промышленной революции)						
Общая оценка	43	25	44	21	10	6
Технологии и инновации	39	25	34	17	14	8
Человеческий капитал	25	40	63	30	23	7
Глобальная торговля и инвестиции	49	9	55	17	14	8
Институты	87	61	54	25	21	14
Стабильные ресурсы	35	66	96	46	10	13
Общий спрос	20	2	5	13	10	4

Источник: WEF, 2018⁷.

Все это говорит о том, что задачи, поставленные в зарубежных программах умной реиндустриализации, актуальны и для российской экономики. Рассмотрим некоторые из них.

Индустрия 4,0 в Германии

Тенденции перехода к умной реиндустриализации Германии стали заметны после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Одним из преимуществ экономики Германии всегда являлся высокий удельный вес промышленности в ВВП по сравнению с другими развитыми странами, где основную роль играет сфера услуг.

Ведущее положение страны в мировой экономике обеспечивают ее традиционные отрасли – машино- и автомобилестроение, химическая и фармацевтическая промышленность, отрасли транспортно-логистического комплекса и связанные с ними

⁷ WEF (2018). The Readiness for the Future of Production. WEF. Report. Insight Report. [Эл. ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/FOP_Readiness_Report_2018.pdf (дата обращения: 07.09.2018).

секторы, выпускающие специализированное оборудование и комплексные автоматизированные системы. Продукцию Германии отличают высокое качество, инновационность и высокая производительность, что является результатом обширных инвестиций в образование и исследования и разработки (*R&D*).

Поскольку промышленное производство сохраняет свою ключевую роль в экономике и занятости Германии, страна не может оставаться удовлетворенной имеющимися достижениями. Возрастающая глобальная конкуренция, инвестиции в новые технологии и разработки, которые активно осуществляют другие страны, сказываются на ее конкурентоспособности.

Впервые идея *Industrie 4.0* и ее главного элемента «умных предприятий» была представлена на Ганноверской ярмарке 2011 г. немецкими учеными и политиками Х. Кагерманом, В.-Д. Лукасом и В. Вальстером [Белов, 2016]. В 2012 г. правительство ФРГ в рамках «Стратегии в области высоких технологий 2020» приняло инновационную программу *Industrie 4.0*⁸, концепция которой зарождалась как инициатива в рамках «Плана действий по осуществлению государственной стратегии высокотехнологичного развития до 2020 г.», нацеленной на ускорение темпов производства.

В отличие от других стран, которые в разной степени приступили к разработке и реализации программ четвертой промышленной революции и ставят перед собой задачу модернизации или индустриализации промышленности, Германию в первую очередь заботит сохранение ее лидирующих позиций в промышленном секторе мировой экономики. Этому призваны содействовать дальнейшее стимулирование инноваций в промышленность и развитие *Industrie 4.0*⁹.

В качестве мер стимулирования инноваций названы:

– создание высокоэффективной системы акторов, включающей государственные и частные компании, отраслевые ассоциации, финансовые институты, учебные заведения, глобальные трейдеры и организации потребителей;

---

⁸ Ideas. Innovation. Prosperity. High-Tech Strategy 2020 for Germany. [Эл. ресурс]. URL: file:///Users/z/Downloads/hts_2020_en.pdf (дата обращения: 13.10.2018).

⁹ BMWI (2018). Annual Economic Report 2018. A strengthened economy ready to embrace the future. [Эл. ресурс]. URL: https://www.bmw.de/Redaktion/EN/Publikationen/jahreswirtschaftsbericht-2018.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения: 05.10.2018).

– увеличение доли высококвалифицированной рабочей силы.

Кроме этого, программой *Industrie 4.0* предусмотрены налоговые и амортизационные льготы для стимулирования инвестиций, а также меры содействия продвижению на мировой рынок бренда *Industrie 4.0*. Для стимулирования развития ключевых секторов, в частности микроэлектроники, в Германии используется государственное субсидирование, на которое с 2017 г. по 2019 г. выделена общая сумма в 1 млрд евро¹⁰.

Для повышения привлекательности Германии как места размещения новых производств и возвращения из-за рубежа ранее выведенных туда предприятий, делается акцент на развитии современных технологий: встроенные системы, умные заводы, облачные вычисления, IT-безопасность. Благодаря использованию этих технологий дополнительная совокупная добавленная стоимость, производимая Германией, составит 425 млрд евро. Прогнозы предполагают увеличение производительности до 30%, годовой прирост эффективности – на 3,3% и снижение затрат – на 2,6% в год. Секторами, которые получают наибольшую выгоду в следующие пять лет, являются автомобильная промышленность с увеличением выручки на 52,5 млрд евро (13,6%), машиностроение (32 млрд евро или 13,2%), обрабатывающая (30 млрд евро или 8,1%), электронная промышленность (23,5 млрд евро или 13%) и ИКТ (15 млрд евро или 13,4%)¹¹.

К числу потенциальных эффектов от реализации стратегии *Industrie 4.0* относятся также:

- рост конкурентоспособности германской экономики и ее отдельных секторов (за счет повышения эффективности и скорости производственных процессов и роста качества продукции);
- изменение места немецких предприятий и секторов промышленности в глобальных цепочках добавленной стоимости и повышение эффективности глобальных цепочек;

---

¹⁰ BMWI (2019). A Digital Strategy 2025. [Эл. ресурс]. URL: https://www.de.digital/DIGITAL/Redaktion/EN/Publikation/digital-strategy-2025.pdf?__blob=publicationFile&v=9 (дата обращения: 17.05.2019).

¹¹ BMWI (2019). A Digital Strategy 2025. [Эл. ресурс]. URL: https://www.de.digital/DIGITAL/Redaktion/EN/Publikation/digital-strategy-2025.pdf?__blob=publicationFile&v=9 (дата обращения: 17.05.2019).

– развитие новых продуктов и бизнес-процессов с использованием интернет-технологий, придающих импульс экономическому росту¹².

В рамках стратегии предусмотрен комплекс мероприятий в области подготовки кадров, включая рост числа центров подготовки и научно-исследовательских центров, а также разработку новых учебных курсов¹³. Региональные центры передового опыта «Mittelstand 4.0», финансируемые Федеральным министерством экономики и энергетики, и Центр передового опыта по «цифровизации умелых ремесел» оказывают содействие малому и среднему бизнесу (информационно-консультационную поддержку, обучение, возможность для тестирования приложений *Industrie 4.0*). Кроме того, демонстрационные и обучающие фабрики помогают компаниям апробировать их технологии, продукты или интерфейсы. В специализированных центрах германских университетов и НИИ имеется ряд испытательных стендов, где сложные производственные и логистические системы оцениваются, тестируются и совершенствуются в реальных условиях¹⁴.

Параллельно в стране разрабатываются механизмы управления цифровыми преобразованиями, внедряются новые правила, регулирующие цифровую экономику, экономику совместного использования и цифровые платформы. Федеральное министерство экономики и энергетики инициировало процесс широкого обсуждения так называемой «Белой книги по цифровым платформам», в которой излагаются предложения по политике цифрового регулирования. К числу ключевых аспектов последнего относятся обеспечение инклюзивного роста экономики, защита личных прав граждан и суверенитет данных¹⁵.

---

¹² GTAI (2018). *Industrie 4.0 – Germany market report and outlook*. [Эл. ресурс]. URL: https://www.gtai.de/GTAI/Content/EN/Invest/_SharedDocs/Downloads/GTAI/Industry-overviews/industrie4.0-germany-market-outlook-progress-report-en.pdf?v=12 (дата обращения: 03.10.2018).

¹³ EC (2017). *Germany: Industrie 4.0 January 2017*. [Эл. ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf (дата обращения: 17.10.2018).

¹⁴ BMWI (2019). *Industrie 4.0*. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.bmw.de/Redaktion/EN/Dossier/industrie-40.html> (дата обращения: 16.05.2019).

¹⁵ BMWI (2019). *Taking control of the digital transformation*. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.bmw.de/Redaktion/EN/Dossier/digitisation.html> (дата обращения: 16.05.2019).

С июля 2017 г. в Германии создается «цифровое правительство», для чего выявляются и оцифровываются наиболее важные и часто используемые административные услуги.

Несмотря на определенные успехи в цифровизации экономики Германии (цифровизированы 28% коммерческих предприятий, 39% используют «большие данные») и значительные инвестиции частного сектора (4,6 млрд евро в 2017 г.)¹⁶, только шесть из десяти компаний в Германии готовы к цифровым трансформациям *Industry 4.0*¹⁷. Более поздние исследования показали, что эффект от внедрения цифровых технологий в традиционных отраслях экономики отмечен только в 7-11% компаний¹⁸

Программа «Новая промышленная Франция»

Позиции Франции в мировом производственном секторе в течение последних десятилетий заметно пошатнулись вследствие распространения глобальных цепочек создания стоимости, особенно из-за снижения конкурентоспособности страны по сравнению с другими крупными производственными площадками. В результате произведенная во Франции добавленная стоимость обрабатывающей промышленности в процентах от ВВП сократилась с 17,7% в 1990 г. до 11,3% в 2016 г.¹⁹

В целях оживления и развития производственного сектора правительство Франции в 2013 г. разработало стратегию *Nouvelle France Industrielle* («Новая промышленная Франция») – программу инновационно-технологической модернизации, охватывающую 34 сектора национальной промышленности. В 2015 г. стартовал второй этап программы под названием *Industrie du Futur (IdF)* или «Индустрия будущего», фокусирующийся на девяти приоритетных направлениях: медицина будущего, экомобильность, новые ресурсы, устойчивое развитие городов, транспорт завтрашнего дня, экономика данных, интеллектуальные объекты, цифровое

---

¹⁶ BMWI (2019). Taking control of the digital transformation. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Dossier/digitisation.html> (дата обращения: 16.05.2019).

¹⁷ McKinsey (2015). Industry 4.0: How to navigate digitisation of the manufacturing sector [Эл. ресурс]. URL: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/mck_industry_40_report.pdf (дата обращения: 16.05.2019).

¹⁸ McKinsey (2018). Unlocking success in digital transformations [Эл. ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/organization/our-insights/unlocking-success-in-digital-transformations> (дата обращения: 16.05.2019).

¹⁹ The Future of Manufacturing – France. P. 11. [Эл. ресурс]. URL: https://gmisummit.com/wp-content/uploads/2018/06/20180627_GMIS-France_vF.pdf (дата обращения: 06.10.2018).

доверие и умное производство продуктов питания. В отличие от *Nouvelle France Industrielle*, основной целью которой была модернизация промышленности, стимулирование инноваций и технологических нововведений, в *Industrie du Futur* акцент сделан на цифровизации отраслей промышленности, цифровой трансформации методов производства и организационных структур.

Однако, как и предыдущая стратегия 2013 г., *Industrie du Futur* охватывает широкий круг вопросов по большому количеству отраслей и технологий в отсутствие конкретных планов по реализации и финансированию, необходимых для достижения поставленных целей²⁰.

Бюджет *Industrie du Futur* превышает бюджеты большинства европейских стран на аналогичные программы оживления промышленности, благодаря инвестициям частного сектора, которые должны пятикратно превысить государственное финансирование (5 млрд евро)²¹.

Конкретный план внедрения IdF носит название *Usine du Futur* или *Factory of the Future* («Предприятие будущего») и предполагает модернизацию всей французской промышленности на основе новейших цифровых технологий. В реализацию этой инициативы вовлечены значительные кадровые ресурсы: более 500 специально подготовленных экспертов призваны оказывать поддержку малым и средним предприятиям в области проектирования, послепродажного обслуживания, производства и логистики. В 2016 г. их услугами воспользовались 3,4 тыс. предприятий, в 2017 г. – 4 тыс.

Помимо бизнеса, участниками программы *Industrie du Futur* являются инженерные школы, научно-технические институты и Национальный совет по промышленности Франции. Поддержка проектам в промышленности осуществляется по семи направлениям деятельности: цифровые технологии, виртуализация и Интернет вещей, трудовые ресурсы в промышленности будущего, 3D-печать, мониторинг и контроль,

---

²⁰ The Future of Manufacturing – France. P. 11. [Эл. ресурс]. URL: https://gmisummit.com/wp-content/uploads/2018/06/20180627_GMIS-France_vF.pdf (дата обращения: 06.10.2018).

²¹ New Industrial France (2016). Building France's industrial future. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.economie.gouv.fr/files/files/PDF/web-dp-indus-ang.pdf> (дата обращения: 03.10.2018).

новые материалы и ресурсы, автоматизация и робототехника, энергоэффективность.

В качестве мер поддержки во Франции используются амортизационные льготы (половина всех мер в стоимостном выражении), сниженные налоговые ставки на энергию для центров обработки данных, льготы по налогу на прибыль от защищенных авторским правом инноваций, которые были разработаны во Франции²², снижение налога на инвестиции в робототехнику и цифровые преобразования (3D-принтер, программное обеспечение для управления производством, подключенные датчики и пр.) для малого и среднего бизнеса с января 2019 г. до конца 2020 г.,²³ что позволит МСП вычитать из своего налогооблагаемого дохода до 40% себестоимости нового производственного оборудования и составляет сокращение расходов на инвестиции до 11%, по данным правительства²⁴.

Для координации на национальном уровне инициатив и проектов, направленных на модернизацию промышленности, а также для помощи бизнесу в интеграции новых концепций, создан альянс *Industrie du Futur*, в который в настоящее время входят 35 активных членов: академические организации; организации, занимающиеся технологическими исследованиями; профессиональные союзы²⁵ и организации корпоративных финансов (финансирования бизнеса). Внутри альянса действуют рабочие группы, в задачи которых входит, в том числе, развитие реальных партнерств (ассоциаций работодателей, торговых палат и пр.).

Сквозной характер инициативы «Индустрия будущего» подкрепляется определением ключевых технологий, развитие которых будет способствовать росту конкурентоспособности страны (это определяется путем анализа мировых рынков

---

²² Industrie du futur: l'Etat donne un coup de pouce aux PME. [Эл. ресурс]. URL: https://www.challenges.fr/entreprise/industrie-du-futur-l-etat-donne-un-coup-de-pouce-aux-pme_614190 (дата обращения: 16.05.2019).

²³ Comment le gouvernement veut accélérer l'industrie du futur. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.usinenouvelle.com/editorial/le-gouvernement-veut-acceler-l-industrie-du-futur.N743709> (дата обращения: 16.05.2019).

²⁴ Industrie du futur: l'Etat donne un coup de pouce aux PME. [Эл. ресурс]. URL: https://www.challenges.fr/entreprise/industrie-du-futur-l-etat-donne-un-coup-de-pouce-aux-pme_614190 (дата обращения: 16.05.2019).

²⁵ Профсоюзы или их группы, в соответствии с французским законодательством, представляют собой организации, основной целью которых является представление и защита коллективных интересов промышленных, цифровых или сервисных компаний

и прогнозирования их развития на среднесрочную перспективу). Большая часть ключевых технологий связана со всеми девятью приоритетными направлениями развития. Их регулярно актуализируемый перечень сопровождается списком основных заинтересованных сторон по каждой технологии и региону (промышленных предприятий, научно-исследовательских и академических институтов, кластеров, технических промышленных центров, энергетических компаний и др.).

В число ключевых технологий до 2020 г. включены технологии в сфере нанозлектроники, робототехники, 3D-печати, облачных вычислений, сотовая и тканевая инженерия, технологии иммунной системы и медицины будущего; технологии в сфере производства и транспорта традиционных и возобновляемых источников энергии, а также в области экономии ресурсов (энергосбережение в строительстве, интеллектуальные сети и др.)²⁶.

Краеугольным камнем успеха *Industrie du Futur* считается подготовка будущих поколений к выполнению новых задач. Немало внимания уделяется формированию международных стратегических партнерств.

Среди ключевых задач на ближайшую перспективу идеологи *Industrie du Futur* видят преобразование в производственные возможности имеющегося потенциала передовых технологических компаний (во Франции существует немалое количество стартапов в области 3D-программирования, интернета вещей, многие из которых уже активно инвестируют в передовое производство).

Кроме того, стоит задача восстановления национальной промышленной базы, путем релокализации французских предприятий из-за рубежа при помощи внедрения технологий *Industrie du Futur*.

В то же время программа *Industrie du Futur* не свободна от недостатков. Так, повышенное внимание к разработке новых технологий (в 2015 г. около 64% инвестиций направлялись в НИОКР, программное обеспечение и базы данных) и недостаточное – к производственному сектору (всего около 27% инвестиций в машины и оборудование, тогда как в Германии

---

²⁶ Créative Industry (2016). [Эл. ресурс]. URL: <http://proxy-pubminefi.diffusion.finances.gouv.fr/pub/document/18/20849.pdf> (дата обращения: 25.09.2018).

на обновление основных фондов направляется 45% инвестиций, в Италии – 67%), привели к тому, что технологический парк во Франции в среднем на десять лет старше, чем в Германии²⁷.

Вовлечение в инновационную активность главным образом микро-, малых и средних предприятий происходит на фоне отсутствия внимания к предприятиям промежуточного размера (более 250 работников), хотя именно они являются двигателями роста французской экономики, и из-за своего масштаба способны занять сколько-нибудь значимую рыночную нишу, в том числе на экспортных рынках. Кроме того, малые предприятия Франции (в отличие, например, от немецких собратьев) не могут участвовать в неценовой конкуренции. В то же время приоритетные инвестиции в НИОКР не могут обеспечить неценовой конкурентоспособности продукции, которая определяется не только его инновационным контентом, но и дизайном, надежностью и репутацией производителей, качеством послепродажного обслуживания и др.

Однако, несмотря на существенные инвестиции, предоставленные кредиты (более 800 компаниям) и достаточно широкую вовлеченность заинтересованных сторон, действенные меры по внедрению цифровых технологий не были осуществлены, причиной чему, по заключению представителей французского бизнеса, является отсутствие у правительства Франции плана действий²⁸.

По нашему мнению, перед французской экономикой стоит задача акцентировать больше внимания на производственном секторе и рыночном продвижении его продукции. В частности, этому должна способствовать инициатива «Сделано во Франции» (*French Fab*), нацеленная не столько на рост внутреннего потребления, сколько на продвижение французского производственного сектора на глобальных рынках.

---

²⁷ The Future of Manufacturing – France (2018). [Эл. ресурс]. URL: https://gmisummit.com/wp-content/uploads/2018/06/20180627_GMIS-France_vF.pdf (дата обращения: 06.10.2018).

²⁸ Industrie du futur: l'Etat donne un coup de pouce aux PME. [Эл. ресурс]. URL: https://www.challenges.fr/entreprise/industrie-du-futur-l-etat-donne-un-coup-de-pouce-aux-pme_614190 (дата обращения: 16.05.2019).

Программа «Сделать в Индии»

Главное содержание анонсированной в 2014 г. программы *Make in India* состоит в проведении активной политики технологической модернизации и диверсификации структуры экономики путем ускоренного развития высокотехнологичных отраслей промышленности. Программа предусматривает увеличение доли добавленной стоимости обрабатывающей промышленности с 15% до 25% к 2022 г. и создание почти 100 млн новых рабочих мест.

Для стимулирования иностранных и национальных инвестиций в конкурентоспособные производства на территории страны в рамках программы была предусмотрена серьезная реформа законодательства, намечена отмена разрешительных процедур и ограничений на иностранное участие в ряде секторов (включая стратегические), упрощение и ускорение процедур, связанных с ведением бизнеса, модернизация инфраструктуры (строительство масштабных «индустриальных коридоров» – грузовых магистралей: Дели – Мумбаи, Ченнаи – Бангалор, Амритсар – Калькутта)²⁹, а также строительство «умных городов», оснащенных цифровыми технологиями в области безопасности, энергетики, водоснабжения, транспорта, управления отходами, здравоохранения, для повышения качества и комфортности для проживания.

Несмотря на провозглашенные принципы избирательности и приоритетности экономической политики, 25 направлений, включенных в перечень ключевых, покрывают большую часть экономики страны. Это авиа- и автомобильная промышленность, производство автокомпонентов, биотехнологии, химическая промышленность, строительство, оборонно-промышленный комплекс, электротехническое машиностроение, электронные системы, производство продовольственных товаров, информационные технологии, кожевенная промышленность, средства массовых коммуникаций, горнодобывающая, нефтяная и газовая промышленность, фармацевтика, порты и судоходство.

---

²⁹ Make in India (2015). New Initiatives. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.ibef.org/economy/make-in-india> (дата обращения: 03.09.2018).

В то же время в части критериев, на основании которых должны приниматься решения в экономической политике, приоритеты прослеживаются более четко, это:

- новые инициативы;
- прямые иностранные инвестиции;
- защита интеллектуальной собственности;
- развитие национальной перерабатывающей промышленности.

Хотя за прошедшие годы с начала реформ состояние экономики Индии значительно улучшилось: по динамике ВВП страна является одним из мировых лидеров, доля импорта в ВВП сократилась с 30% в 2005 г. до 22% в 2017 г., значительно улучшены позиции Индии в рейтинге *Doing Business* (142-е место из 190 стран в 2013 г. и 77-е в 2019 г. в двух городах – Дели и Мумбаи)³⁰, говорить об ощутимом влиянии программы *Make in India* на производственный сектор пока рано.

Изначально программа *Make in India* была ориентирована преимущественно на оборонный сектор. Согласно данным, опубликованным Стокгольмским международным институтом исследований проблем мира (SIPRI), Индия является крупнейшим в мире импортером основных видов вооружений, на ее долю приходится 13% мирового объема импорта в период с 2012 по 2016 гг., в основном из России, США и Израиля.

По данным Всемирного банка, доля добавленной стоимости обрабатывающей промышленности Индии с 2015 г. по 2017 г. в текущих ценах выросла с 14% до 20%, но в постоянных ценах 2010 г., в 2017 г. в сравнении с 2015 г. произошло ее сокращение на 0,17%³¹. На отсутствие прогресса в достижении заявленных целей указывают и другие данные. С конца 2016 г. по конец 2017 г. валовое накопление основного капитала в процентах от ВВП упало с 30,8% до 28,5%, притом что несколько лет назад этот показатель достигал 34–35%³².

³⁰ Doing Business 2019 Indicators. [Эл. ресурс]. URL: <http://russian.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/country/i/india/IND.pdf> (дата обращения: 13.05.2019).

³¹ The World Bank (2019). Data. [Эл. ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.KD?locations=IN> (дата обращения: 13.05.2019).

³² Chidambaram P. (2017). Why Modi's Make in India is a flop [Эл. ресурс]. URL: <https://www.financialexpress.com/economy/the-make-in-india-flop-show/711912/> (дата обращения: 14.05.2019).

Не было достигнуто заметного прогресса в улучшении транспортной инфраструктуры, снизились темпы прироста новых рабочих мест. Так, в 2015–2016 гг. было создано только 641 тыс. рабочих мест, что критично мало для такой страны, как Индия³³.

Хотя Департамент промышленной политики и развития сообщил, что валовые ПИИ в Индию подскочили до 55,5 млрд долл. в 2015–2016 гг., что на 23,1% больше, чем в 2014–2015 гг., данные Резервного банка Индии показывают, что прямые иностранные инвестиции в обрабатывающую промышленность упали до 8,4 млрд долл. (в 2015–2016 гг. было 9,6 млрд). Кроме того, доля ПИИ в производственный сектор, которая в течение последних четырех лет находилась в диапазоне 35–40%, в 2015–16 гг. снизилась до 23%. А согласно отчету Института исследований промышленного развития (ISID), ПИИ сократились почти на 30% в период с апреля 2016 г. по август 2017 г.³⁴

Сокращение потребительских расходов – основного драйвера экономического роста, незначительный рост прямых инвестиций, а также снижение объемов экспорта замедлили прирост ВВП в 2018–2019 гг., что, по мнению члена Экономического консультативного совета премьер-министра Индии Нарендры Моди, Ратина Роя, является сигналом грядущего структурного кризиса³⁵. Кроме того, обнаруженные ранее министерством статистики и выполнения программ Индии (NSSO) ложные данные и нестыковки в официальной макроэкономической статистике ставят под сомнение достигнутые результаты индийской экономики. Так, исследование, проведенное министерством торговли Индии, показывает, что некоторые из историй успеха *Make in India* могут быть скорее преувеличением, чем конкретными достижениями. Например, рост количества заводов по производству мобильных телефонов и сокращение их импорта из Китая с 6,3 млрд долл. до 3,3 млрд долл. в период с 2014 г.

---

³³ Dutt D'Cunha S. (2017). PM Modi Calls the World To 'Make in India,' But the Initiative Fails to Take Off. (2017). [Эл. ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/suparnadutt/2017/07/24/missing-the-mark-pm-modi-courts-the-world-to-make-in-india-but-the-initiative-fails-to-take-off/> (дата обращения: 15.09.2018).

³⁴ Dutt D'Cunha S. (2017). PM Modi Calls the World To 'Make in India,' But the Initiative Fails to Take Off. (2017). [Эл. ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/suparnadutt/2017/07/24/missing-the-mark-pm-modi-courts-the-world-to-make-in-india-but-the-initiative-fails-to-take-off/> (дата обращения: 15.09.2018).

³⁵ Эксперт: экономика Индии перед лицом структурного кризиса. [Эл. ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2626328.html> (дата обращения: 15.09.2018).

по 2017 г. произошли при более значительном росте импорта телекоммуникационных частей из Китая за этот же период с 1,3 до 9,4 млрд долл.³⁶

Программа Made in China 2025

В марте 2015 г. в Китае была анонсирована 10-летняя программа *Made in China 2025*, призванная стимулировать развитие умного производства (*smart manufacturing*), способного составить конкуренцию промышленности таких развитых стран, как Германия и США – от производства чипов до выпуска беспилотных автомобилей.

Программа предусматривает государственную поддержку 10 высокотехнологичных секторов: информационные технологии следующего поколения, высокопроизводительные машины и роботы с числовым программным управлением, аэрокосмическое и авиационное оборудование, морское инженерное оборудование и морское судопроизводство, современное железнодорожное оборудование, энергосберегающие и новые энергетические транспортные средства, электрооборудование, сельскохозяйственное машиностроение, новые материалы и биофармацевтические препараты и высокоэффективные медицинские устройства³⁷. Планируется, что в программу будет инвестировано 300 млрд долл. бюджетных средств³⁸, что составляет 2,45% от ВВП 2017 г.³⁹ Фактически ставится задача стать глобальным технологическим лидером в этих секторах.

Другой важнейшей задачей программы *Made in China 2025* является модернизация традиционных отраслей промышленности и их интеграция с новыми секторами.

К настоящему времени Китай уже занимает высокие позиции в ряде высокотехнологичных секторов экономики. Так, в 2017 г. на него приходилась почти треть всех устанавливаемых роботов

---

³⁶ India needs an industrial policy (2018). [Эл. ресурс]. URL: <https://www.hindustantimes.com/editorials/india-needs-an-industrial-policy/story-KyXLQ3JuUN0SLz2vmIvEl.html> (дата обращения: 15.09.2018).

³⁷ Made in China 2025 [Эл. ресурс]. URL: <http://isdpeu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Background.pdf> (дата обращения: 15.09.2018).

³⁸ Bradsher K., Mozur P. (2017). China's Plan to Build Its Own High-Tech Industries Worries Western Businesses [Эл. ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/07/business/china-trade-manufacturing-europe.html?module=inline> (дата обращения: 15.09.2018).

³⁹ World Bank. GDP (current US\$). [Эл. ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN> (дата обращения: 29.03.2019).

в мире. В 2020 г. число промышленных роботов в стране достигнет 950,3 тыс. единиц, что в 1,5 раза выше, чем прогнозируется для ЕС (611, 7 тыс. единиц)⁴⁰. Он также является мировым лидером в производстве литиевых батарей. К 2020 г. доля Китая в этой нише должна составить 62% от общего объема, за ним следуют США (22%) и Южная Корея (13%)⁴¹.

Китайская программа предусматривает также уровень самообеспеченности в 70% для основных компонентов и материалов в таких отраслях, как аэрокосмическое и телекоммуникационное оборудование⁴². За счет внутреннего производства к 2025 г. должно быть покрыто до 60% потребностей в оборудовании для ИКТ, 40% – чипов, используемых в смартфонах.

Большая часть продукции ключевых отраслей должна потребляться внутренним рынком. Если в авиации к 2025 г. китайские производители должны закрыть до 10% внутренних потребностей в гражданских самолетах, то в космической промышленности, возобновляемой энергетике и энергосбережения – уже 80%. В автомобилестроении – 80% (по электрическим и гибридным автомобилям). В области сельскохозяйственного машиностроения доля внутреннего производства должна составить от 65 до 90%, на рынке строительных материалов и материалов для текстильной промышленности – до 90%, по важнейшим стратегическим материалам, включая редкоземельные и специальные сплавы – до 85%. По медицинскому оборудованию и приборам, где имеется существенная зависимость от импорта, перед китайскими производителями ставится задача обеспечить удовлетворение внутреннего спроса на 70%.

Впрочем, экспортная экспансия китайских компаний тоже стоит в повестке дня. В частности, на мировом рынке морских судов последнего поколения Китай намеревается занять 80% к 2025 г. Китайские компании, занимающиеся производством

---

⁴⁰ IFR (2018) Forecast: 1.7 million new robots to transform the world's factories by 2020. [Эл. ресурс]. URL: <http://ifr.org/ifr-press-releases/news/ifr-forecast-1.7-million-new-robots-to-transform-the-world's-factories-by-2020>.

⁴¹ Chinanew (2017). Made in China 2025. [Эл. ресурс]. URL: http://chinanew.tech/made_in_china_2025_news (дата обращения: 15.09.2018).

⁴² Segal A. (2018). Why Does Everyone Hate Made in China 2025? March. 2018. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/blog/why-does-everyone-hate-made-china-2025> (дата обращения: 15.09.2018).

современных железнодорожных поездов, к 2025 г. собираются направлять на экспорт до 40% своей продукции⁴³.

Не случайно ход реализации программы *Made in China 2025* вызывает тревогу у традиционных торговых партнеров Китая, опасаящихся потерять свои позиции как на китайском рынке, так и на мировом – за счет усиления конкуренции со стороны Китая. В развернувшейся в 2018–2019 гг. торговой войне США и Китая особые препоны были поставлены перед отраслями, которые вносят вклад в эту программу: администрация США ввела таможенные пошлины на солнечные батареи и импорт стали и алюминия. В июле и августе 2018 г. Соединенные Штаты применили 25-процентные пошлины на китайские товары на 50 млрд долл., а в сентябре 2018 г. – еще на 200 млрд долл. (правда, в этот раз пошлина была 10%). В мае 2019 г., после провала очередных торговых переговоров с КНР, Вашингтон и эти пошлины увеличил до 25%. Президент Д. Трамп заявил, что такие же тарифы могут быть установлены на весь объем импорта китайских товаров⁴⁴.

Программа *Made in China 2025* является первым этапом более масштабного трехфазного проекта, рассчитанного до 2050 г. и направленного на развитие внутренних технологических инноваций, создание и продвижение на мировые рынки китайских брендов. Стратегическая задача – превратить Китай в ведущую инновационную державу мира, 70% продукции национальной промышленности должны работать в суперинновационных областях⁴⁵.

В рамках этой программы правительство призывает крупнейшие компании существенно повысить расходы на НИОКР. Предусматривается разнообразная институциональная и финансовая государственная поддержка в реализации программы. В частности, к 2025 г. в стране будут созданы около 40 производственных инновационных центров.

---

⁴³ Reuters (2018). Factbox: Made in China 2025: Beijing's big ambitions from robots to chips. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-policy-factbox/factbox-made-in-china-2025-beijings-big-ambitions-from-robots-to-chips-id> (дата обращения: 15.09.2018).

⁴⁴ James McBride J., Chatzky A. (2019). Is 'Made in China 2025' a Threat to Global Trade? [Эл. ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/background/made-china-2025-threat-global-trade> (дата обращения: 15.05.2019).

⁴⁵ Михеев В. Осторожный, но настойчивый дракон. [Эл. ресурс]. URL: https://stimul.online/articles/interview/ostorozhnyu-no-nastoychivyy-dragon/?sphrase_id=1951 (дата обращения: 15.09.2018).

В качестве механизма достижения поставленных задач в КНР используется установление государственных целей и полуофициальная координация, побуждающая частные и государственные фирмы формировать свои решения в соответствии с плановыми приоритетами. Правительство осуществляет прямую поддержку промышленности за счет государственного финансирования, кредитов под низкие проценты, налоговых льгот и других субсидий на сотни миллиардов долларов. Китайские компании – как государственные, на которые приходится около трети ВВП и 2/3 исходящих инвестиций, так и частные (такие как Huawei и ZTE), поощряются к инвестированию в иностранные фирмы (в частности, в полупроводниковой отрасли), чтобы получить доступ к передовым технологиям. По некоторым оценкам, стоимость китайских приобретений в США в 2016 г. превысила 45 млрд долл.⁴⁶

Ключевым шагом в достижении поставленной цели является создание «фонда талантов» – ученых, инженеров, предпринимателей. КНР вкладывает огромные финансовые ресурсы в образование и науку: на его долю приходится свыше 1/5 всех степеней бакалавра в области науки и техники, полученных во всем мире, что более чем вдвое превышает долю США. Число студентов, получающих высшее образование в области науки и техники в Китае, с 2002 по 2014 гг. увеличилось в четыре раза. Страна занимает второе место в мире после США по общему числу докторских диссертаций и первое – по количеству докторских степеней в области физики, математики и информатики. Кроме того, в период с 2000 по 2016 гг. Китай удвоил инвестиции в НИОКР, которые превысили 2% ВВП, опередив ЕС.

И, хотя, как заявляют китайские политики, на разработку китайской инициативы «Китай 2025» их вдохновила германская «Индустрия 4.0», между этими двумя программами имеется ряд отличий:

– государственные субсидии Германии намного меньше, и они почти полностью направлены на фундаментальные исследования;

---

⁴⁶ James McBride J., Chatzky A. (2019). Is 'Made in China 2025' a Threat to Global Trade? [Эл. ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/background/made-china-2025-threat-global-trade> (дата обращения: 15.05.2019).

- в Германии отсутствуют целевые показатели для замены импорта или квоты на местное производство;
- экономика Германии в целом более открыта для иностранных инвестиций и конкуренции.

А не пора ли «Сделать в России»

Опыт почти двух десятков государств мира, различных по своему политическому и социально-экономическому устройству и уровню экономического развития, показывает, что они стремятся обеспечить свою структурно-технологическую модернизацию с помощью специальных программ умной реиндустриализации. Этот опыт не однозначен: где-то он более успешен, где-то реальные результаты могут проявиться в среднесрочной перспективе. Но показателен тот факт, что ни одна из стран не отказалась от принятых программ и продолжает их совершенствование с целью более адекватной реакции на технологический прогресс, связанный с четвертой промышленной революцией.

В России в настоящее время вопросы структурно-технологической модернизации также фигурируют на переднем плане экономической политики. Президент РФ В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно подчеркивал жизненную необходимость технологического прорыва, «изменения структуры экономики для обеспечения развития на перспективу»⁴⁷.

Решение этих задач с мая 2018 г. возлагается на 13 национальных проектов, реализация которых потребует более 25 трлн руб. В то же время есть опасения, что выполнение этих проектов не приведет к остро необходимым структурным сдвигам в экономике и экспорте. Такие преобразования невозможно осуществить без эффективного стратегического планирования, закон о котором был принят еще в 2014 г. В этом смысле нацпроекты не являются инструментами целенаправленного преобразования структуры российской экономики и экспорта. Прописанные в них «меры» представляют собой скорее общие пожелания, не имеющие конкретных сроков реализации с четко обозначенными задачами.

---

⁴⁷ Дружинин А. (2019) Путин: Сверхзадачей для РФ должно быть изменение структуры экономики. URL: https://lprime.ru/state_regulation/20190424/829925842.html.

Как сообщает пресс-служба Счетной палаты РФ, существует риск ненадлежащей реализации нацпроектов и недостижения национальных целей из-за проблем с освоением предусмотренных для этого бюджетных средств субъектами РФ. По состоянию на 1 марта 2019 г. (т.е. спустя 9 месяцев после появления соответствующего указа президента) по всем национальным проектам исполнение составило лишь 5,8% от запланированных показателей⁴⁸.

Существенной недоработкой нацпроектов является отсутствие системы мониторинга и контроля за выполнением поставленных целей, чрезмерно растянутые сроки на «раскачку». Так, Национальный проект «Цифровая экономика» во многом сохраняет риторический характер предшествующей ему программы с одноименным названием. Его разработка ведется в отсутствие проработанной долгосрочной стратегии социально-экономического развития, в результате чего не решается вопрос увязки с другими нацпроектами и программами государства, реальными запросами и потребностями бизнеса.

Нет проработанных планов и других ключевых областей, без развития которых невозможно представить наше будущее (биотехнологии, искусственный интеллект, фотоника и электроника, дроны и роботы, квантовые компьютеры, прогрессивные материалы и т.п.).

На наш взгляд, эти проблемы можно было бы решить с помощью разработки десятилетней программы «Сделать в России 2030». В отличие от нацпроектов, такая программа должна содержать конкретные показатели, включая промежуточные цели (на 2025 г.), что позволит ей стать реальным документом стратегического планирования. При этом должен быть обеспечен четкий контроль за ходом ее выполнения – во избежание превращения ее в очередной «воздушный замок», которых немало было в нашей экономической истории. Реальное же содержание и особенности механизма реализации программы «Сделать в России 2025» заслуживают отдельного исследования, в котором, безусловно, должен быть учтен положительный зарубежный опыт.

---

⁴⁸ Счетная палата (2019). URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6271344>.

Литература

Белов В. Б. Новая парадигма промышленного развития Германии – стратегия «индустрия 4.0» // Современная Европа. 2016. № 5. С. 11–22.

Ленчук Е. Б. Формирование инновационной модели развития России: работа над ошибками // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 1. С. 36.

Хейфец Б. А. Новые экономические мегапартнерства и Россия. СПб.: Алтейя, 2019. 288 с.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 139 с.

Kheyfets B. A., Chernova V. Y. (2018). Tools for estimating the effectiveness of import-substituting modernization: case in the agriculture of Russia // European Research Studies Journal. 2018. № 3 (21). Pp. 179–191.

Kheyfets B. A., Chernova V. Y., Degtereva E. A. Prospects and threats of implementing the export-oriented import substitution policy in the EEU territory // WSEAS Transactions on Business and Economics. 2018. T. 15. Pp. 404–412.

Статья поступила 08.05.2019.

Для цитирования: Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Зарубежные программы умной реиндустриализации: варианты для России // ЭКО. 2019. № 8. С. 118–140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-118-140.

Summary

Kheyfets, B. A., *Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics, RAS, Financial University under the Government of the Russian Federation*

Chernova, V. Yu., *Cand. Sci. (Econ.), RUDN University, Moscow*

Experience of Foreign Countries in Reindustrialization: Lessons for Russia

Abstract. The article discusses the experience of France and Germany, China, India in the implementation of structural and technological modernization of the economy with the help of new strategic management tools. The main features of the programs are: innovative nature, focus on the implementation of structural changes in the economy, selectivity, focus on achieving specific results, import-substituting character in countries with transition economies. Although these programs affect the entire economy, they have their own priorities. These priorities are different for individual countries, but for all of them, the priorities of the accelerated introduction of technologies of the fourth industrial revolution come out on top. These programs are aimed at implementing fundamental structural changes, focusing on achieving concrete results in the medium term for 10–15 years. Foreign programs of structural and technological modernization also involve the introduction of new technologies in traditional sectors of the economy, that is, they have a synergistic effect on economic development. It is shown that despite the ambiguity of the results achieved, none of the countries refused to accept the adopted programs and continue their improvement in order to more adequately respond to the technological progress associated with the fourth industrial revolution. The tasks set in foreign programs of smart reindustrialization are extremely relevant for the Russian economy and deserve careful study and adaptation to our realities. It was noted that the essential shortcomings of the national projects are the lack of a monitoring and control system for the implementation of the goals set and excessively prolonged periods of “buildup”;

lack of a well-developed long-term strategy for socio-economic development; the lack of well-developed plans in a number of key areas that determine the country's digital future. The conclusion is made about the need to introduce strategic planning tools into national projects for the purposeful transformation of the structure of the Russian economy and its exports.

Keywords: *smart re-industrialization; re-industrialization strategies; industry 4.0; structural and technological modernization; structural policy; "Make Russia 2030"*

References

Belov, V.B. (2016). Novaya paradigma promyshlennogo razvitiya Germanii – strategiya «industriya 4.0». *Sovremennaya Evropa*. No. 5. Pp.11–22. (In Russ.).

Kheyfets, B.A. (2019). *New economic megapartnerships and Russia* St. Petersburg. Aletheia Publ. 288 p. (In Russ.).

Kheyfets, B.A., Chernova, V.Y., Degtereva, E.A. (2018). Prospects and threats of implementing the export-oriented import substitution policy in the EEU territory. *WSEAS Transactions on Business and Economics*. No. 15. Pp. 404–412.

Kheyfets, B.A., Chernova, V.Y. (2018). Tools for estimating the effectiveness of import-substituting modernization: case in the agriculture of Russia. *European Research Studies Journal*. No. 3 (21). Pp. 179–191.

Lenchuk, E.B. (2018). Formirovanie innovacionnoj modeli razvitiya Rossii: rabota nad oshibkami. *Vestnik Instituta ehkonomiki RAN*. No. 1. P. 36. (In Russ.).

Shvab K. (2016). *The fourth industrial revolution*. Moscow, Eksmo Publ. 139 p. (In Russ.).

For citation: Kheyfets, B.A., Chernova, V. Yu. (2019). Experience of Foreign Countries in Reindustrialization: Lessons for Russia. *ECO*. No. 8. Pp. 118-140. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECC00131-7652-2019-8-118-140.

Оценка национального богатства: советская история и постсоветская практика

Д. А. ФОМИН, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления НГУЭУ, Новосибирск.
E-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Аннотация. В советское время измерение национального богатства и стоимостная оценка основных фондов имели ряд особенностей, исходивших из марксистской теории трудовой стоимости и определявшихся государственным характером развития производства, учета и планирования. С точки зрения полноты и объективности статистических показателей, советская история оценки основных фондов была крайне неоднородной. В истории отчетливо выделяются три временных периода: наиболее успешный ранний и довоенный; военный и послевоенный период крайне низкого качества статистики; период оттепели и позднего СССР, характеризующийся систематическим долговременным накоплением статистических ошибок. Несмотря на то, что искажения показателей наличия основных фондов и их динамики были характерны для всего советского времени, советская статистика имела блестящие теоретические разработки и ценный методологический опыт решения учетных проблем. Однако этот опыт оказался невостребованным в условиях реформирования российской статистики и ее перехода на международные стандарты во второй половине 1990-х годов. Поиск решений статистических проблем исключительно за рубежом и игнорирование отечественной истории стали одной из причин отрицательной преюбрежденности в этой сфере. Современная российская статистика национального богатства по-прежнему не отличается полнотой и достоверностью декларируемых показателей. Тщательное изучение советского опыта и возможностей его использования в современных условиях может оказаться полезным для исправления создавшейся ситуации.

Ключевые слова: национальное богатство; основные фонды; советская история; статистика СССР; достоверность статистических показателей

JEL B14, C82, E22.

Введение

Советская статистическая система имеет ряд качеств, делающих ее уникальной в истории мировой и отечественной статистики. Уникальность основана на том, что советская статистика обладала суверенностью, ее происхождение было исключительно национальным, а развитие диктовалось потребностями

советского государства и экономики. Современная российская статистика, так же как и статистика подавляющего большинства других стран, основана на международных стандартах, а практика деятельности во многом определяется международными (транснациональными) статистическими и исследовательскими организациями. Очевидно, что наиболее рациональным путем реформирования отечественной статистики в 1990-е годы был бы синтез, основанный на селекции лучших отечественных практик с передовыми западными достижениями. Однако фактически произошли отрицание важности накопленного опыта и отказ от советского наследия в пользу хорошо зарекомендовавших себя в развитых странах статистических стандартов деятельности. Конечно же, к советскому статистическому наследию никогда не поздно обратиться. Нужно только понять, в чем оно заключается и какую пользу может принести сегодня.

Особенности оценки национального богатства в СССР

Особенности или характерные черты, отличающие советскую статистику от западной того периода или современной российской статистики, проистекали из характера советской экономики, определялись ее государственным характером и экономической идеологией. В области оценки национального богатства эти особенности принимали следующую форму.

1. Статистическая наука в СССР основывалась на марксистской теории трудовой стоимости, согласно которой цена есть денежное выражение стоимости товара, а стоимостью может обладать только товар, т.е. продукт человеческого труда. Если какой-либо производственный ресурс не является продуктом труда, он не имеет стоимости, и, следовательно, цены. Экономические категории стоимости и цены в марксистской теории применялись только по отношению к материальным благам, содержащим в себе овеществленный труд [Вайнштейн, 1960. С. 59–68].

Практическим следствием марксистской теории стало исключение из стоимостной оценки элементов национального богатства, которые имели естественное происхождение (земля, недра, леса и т.д.). В советской статистике национальное богатство складывалось только из стоимости основных и оборотных фондов (в отдельные периоды выделялись стоимости незавершенного

строительства и скота), а также домашнего имущества населения. Что касается совокупного материального, нематериального и человеческого капитала, к изучению и оценке которого западная экономическая наука вплотную приступила во второй половине XX века, то здесь советские экономисты оперировали термином «производительные силы», даже не предпринимая попыток его статистического определения и измерения.

2. Советская статистика не имела опоры на отечественный опыт и традиции оценки национального богатства. По свидетельству А. Л. Вайнштейна, к началу XX века опыт оценки национального богатства был лишь у 14 наиболее развитых стран мира. Этот опыт накапливался десятилетиями (в некоторых случаях, как в Англии или Франции – столетиями) [Вайнштейн, 2000. С. 242–245]. Дореволюционная Россия в число этих стран не входила, что является свидетельством ее экономического и научного отставания.

3. Советская плановая и учетная системы не придавали большого значения стоимостным показателям, приоритетными были количественные натуральные данные. Такое положение объяснялось отсутствием объективных условий для формирования цен, уровень которых в обычной экономике определяет рынок. Поэтому ценообразование в СССР во многом носило произвольный, а зачастую и волюнтаристский характер («рентабельным должно быть то, что необходимо»). При этом натуральные данные, характеризующие советскую экономику, были достаточно объективными и в целом не вызывали сомнений в своей достоверности у большинства отечественных исследователей и многочисленных иностранных советологов.

К этому стоит добавить, что официальная советская экономическая наука отрицала наличие инфляции в плановой советской экономике, а более чем очевидный рост цен на инвестиционные и потребительские товары объясняла ростом их качественных характеристик под воздействием научно-технического прогресса. Советская статистика была заложницей этих воззрений, поэтому изучение динамики цен, дефлятирование и индексация стоимостных показателей, их приведение к единому сопоставимому виду не были предметом практических усилий статистических работников. Это стало основной причиной фальсификации советских статистических данных. По сути, все макроэкономические временные данные, то есть данные, по своему определению

не имеющие натуральной основы, оказались искаженными. Это относится к динамике выпуска продукции, росту национального дохода, и, конечно же, физическому объему основных фондов.

4. В советской экономике собственность на средства производства была исключительно государственный, а ценообразование на товары, услуги и работы носило централизованный характер. Данная особенность облегчала задачу получения объективных данных о наличии и динамике фондов. Централизация экономики и собственности была объективным преимуществом социализма, в том числе в вопросах учета и оценки его материальной базы. Вопрос заключался в том, насколько советская система смогла реализовать эти преимущества.

5. Советские экономисты и статистики разработали и использовали собственный оригинальный метод учета состояния основных фондов, оценки их стоимости и динамики объема. Он сводился к двум учетно-статистическим процедурам – инвентаризации основных фондов и их переоценке. В процессе инвентаризации изучались эксплуатационно-технические характеристики и возможности производственного имущества. Переоценки проводились с целью доведения балансовой (теперь она носит название учетной) стоимости основных фондов до восстановительной, то есть современной стоимости.

Все переоценки фондов делились на три группы: отраслевые, проводимые в отдельных отраслях; территориальные, при которых оценивалось все производственное имущество отдельных территорий вне зависимости от его отраслевой или ведомственной принадлежности; генеральные, реализуемые в масштабах всей экономики. По подсчетам Ханина Г.И. и Копыловой Н.В., всего в СССР было проведено свыше 20 переоценок основных фондов [Ханин, Копылова, 2008. С. 60].

Современная практика оценки основного капитала, которая используется практически во всем мире, включая Россию, основывается на совершенно других принципах. Текущая стоимость основного капитала учитывается в смешанных ценах, т.е. ценах, действующих на момент приобретения имущества или при последней переоценке¹. Эти цены используются для

---

¹ В международной статистике используется термин «исторические цены» (historical prices).

оценки текущего финансового состояния на уровне отдельных субъектов экономики. Макроэкономическая статистическая оценка основного капитала базируется на использовании метода непрерывной инвентаризации, который позволяет определять стоимость основного капитала исходя из ежегодных сопоставимых значений инвестиций и нормативном выбытии производственного имущества [Measurement of capital..., 2001]. Данный метод был разработан в США в середине 1950-х годов и в дальнейшем интегрирован в систему национальных счетов с целью количественной оценки операций с капиталом.

Между тем результативность метода переоценки фондов экономики, при условии его правильного использования и соответствующем информационном и нормативном обеспечении, ничуть не ниже метода непрерывной инвентаризации. Возможности его использования отнюдь не ограничиваются плановой экономикой, о чем свидетельствует опыт проведения российских переоценок в 1990-е годы.

Начальный и предвоенный советский период (октябрь 1918 г. – июнь 1941 г.)

В период становления СССР, до первой половины 1920-х годов большого внимания стоимостной оценке имущества не уделялось, основной акцент был сделан на изменении формы собственности, национализации, а также номенклатурном изучении производственного потенциала. К переписям советская власть приступила в первые годы своего правления. В октябре 1918 г. была проведена первая советская профессионально-промышленная перепись; в августе 1920 г. – Всероссийская перепись промышленных заведений; в марте 1923 г. – Всесоюзная городская промышленная перепись; в 1925 г. и 1929 г. – переписи мелкой промышленности [Грачев, 1959. С. 28].

К оценке стоимости фондов советские плановые и хозяйственные органы приступили при составлении народнохозяйственных балансов 1922–1924 гг. и сразу же столкнулись с многочисленными трудностями [Войтехов, 1926]. Первая состояла в том, что балансы предприятий имели три вида валют: часть фондов была оценена в довоенных рублях; другая стояла на балансе в советских денежных знаках, пересчитанных на золотые рубли; наконец, третья часть фондов имела оценку в червонной

валюте. Следующая трудность была связана с отсутствием общепринятых временных норм использования имущества и амортизационных отчислений. Третья была обусловлена отсутствием единых правил ведения учета и централизованной статистической методологии, что неизбежно приводило к субъективизму в оценке фондов. Статистическая практика учета и стоимостной оценки неустановленного оборудования, законсервированного (неиспользуемого) или списанного имущества была весьма разнообразной.

Указанные трудности делали данные о стоимости фондов, уровне их использования и износа малодостоверными и не пригодными для использования централизованными органами хозяйственного управления. В создавшихся условиях необходимо было привести стоимость имущества и нормативы его использования в единый вид, что актуализировало проблему переоценки фондов. Решение о проведении первой советской переоценки фондов было принято в 1925 г., сама переоценка предполагала инвентаризацию имущества и актуализацию его стоимости.

Как показали более поздние исследования, первая советская переоценка фондов не привела в соответствие текущую восстановительную стоимость фондов и их балансовую оценку. По расчетам Г.И. Ханина, во второй половине 1920-х годов стоимость основных фондов была занижена более чем в два раза [Ханин, 1989. С. 75–76]. Автор расчетов полагает, что заниженная стоимость фондов сыграла роковую роль в выполнении планов первой советской пятилетки. Планировавшийся объем капитальных вложений исходил из стоимости существующих фондов, а так как она оказалась заниженной, руководящие органы резко завысили плановые показатели роста фондов. В результате капитальные вложения, не соотнесенные с реальной стоимостью фондов, не дали того прироста, на которые были рассчитаны. Соответственно, невыполнимыми оказались пятилетние задания по производству продукции [Ханин, 1989. С. 75–76].

Несмотря на все сложности и недостатки, первая генеральная переоценка фондов СССР 1925 г. имела громадное научное и практическое значение. Ее значимость определялась не только прогрессом по сравнению с царской Россией, в которой подобные работы не проводились, но и сравнением со статистикой капитала других стран. Даже в самых развитых странах того

времени не существовало надежной статистики капитала, а периодически проводившиеся цензы имущества давали весьма грубые стоимостные оценки. В результате проведения переписи советские плановые и статистические органы накопили опыт оценки имущества, увидели проблемы, связанные с переоценкой фондов и возможные пути их решения.

Именно на этот период – 1920–1930 годы пришелся расцвет советской экономической и статистической науки. Появились выдающиеся работы по оценке национального богатства и статистики фондов А.Л. Вайнштейна и С.Г. Струмилина, также были опубликованы первые работы Я.Б. Кваши. С точки зрения измерения стоимости основных фондов это был самый плодотворный и результативный период не только советской, но и вообще всей российской статистики, даже несмотря на то, что добиться качественного и полного учета основных фондов в предвоенном СССР статистической службе так и не удалось [Фомин, 2008].

Военный и послевоенный период (июнь 1941 г. – декабрь 1959 г.)

Начало Великой Отечественной войны прервало работы по изучению основных фондов и оценке их стоимости, у статистических и плановых органов появились более приоритетные задачи. Формально учет стоимости фондов осуществлялся на протяжении всех военных и послевоенных лет, однако качество этих работ трудно признать сколько-нибудь удовлетворительным: те редкие показатели, которые были опубликованы, практически не оставляют сомнений в их недостоверности. Во время Великой Отечественной войны к традиционно существующим проблемам определения стоимости основных фондов добавился еще целый ряд специфических проблем.

Первая из них – это, конечно, проблема оценки колоссальных материальных потерь в годы войны. Самой первой официальной работой, посвященной военному периоду, является известная книга Н. Вознесенского [Вознесенский, 1947], в которой автор дает полный и исчерпывающий ответ о материальных потерях СССР в годы войны, но только в натуральном выражении. Перечень имущества и материальных объектов, подвергшихся уничтожению, занимает пять страниц [Вознесенский, 1947. С. 157–161].

Но вот подсчет стоимостных потерь ничего, кроме недоумения, не вызывает. Общий итог потерь имущества на оккупированных территориях автор оценивает в 679 млрд руб. в довоенных ценах [Вознесенский, 1947. С. 162]. При этом указывается, что стоимость всех фондов СССР (не считая скота) в 1940 г. составила 709 млрд руб. в ценах 1945 г. [Вознесенский, 1947. С. 12]. При сопоставлении этих цифр нужно иметь в виду следующее. В стоимость потерь имущества на оккупированных территориях автор, помимо основных фондов государственных предприятий, включает стоимость фондов колхозов, скота, личного имущества населения и готовой продукции. Кроме того, в годы войны существенно выросли цены на потребительские товары, а значит, и стоимость имущества населения.

При этом автор приводит сведения об изменении цен на промышленную продукцию в военное время [Вознесенский, 1947. С. 127]. Согласно этим данным, в 1942 г. изменились отпускные оптовые цены на промышленную продукцию. Общий индекс цен на нее к довоенному уровню составил 98%, в том числе на продукцию машиностроения – 87 и тяжелой промышленности – 98%. В военные годы динамика цен на инвестиционные и потребительские товары имела разную направленность – первые снижались, вторые росли. Отсюда ясно, что при правильном пересчете стоимости фондов из 1945 г. в цены 1940 г. следовало применять повышающие коэффициенты, поэтому стоимость фондов в ценах 1945 г. была ниже стоимости фондов в ценах 1940 г., если не учитывать военные и другие потери. Но даже с учетом номенклатурного и ценового факторов ясно, что общие материальные потери СССР в годы войны не могли быть приближены к довоенной стоимости практически всех основных фондов СССР, как это следует из данных Н. Вознесенского.

Позднейшие советские оценки показывали более низкое падение стоимости фондов в годы войны. Начальник управления статистики материально-технического снабжения ЦСУ СССР Г. Овчаренко писал о потерях к концу 1945 г. 14% всех производственных и 19% непроизводственных фондов довоенного 1940 г. [Овчаренко, 1972. С. 37]. По всей видимости, эти оценки отражали стоимость reparаций, а также включали стоимость импортного оборудования, что понижало объем материальных военных потерь. Но это не более чем догадки.

Последующие, уже российские публикации, не добавили ясности в этом вопросе. В 2015 г. вышел специальный юбилейный сборник, посвященный экономике СССР 1941–1945 гг. [Великая Отечественная..., 2015]. Как и многие другие публикации Ростата, сборник не содержит описание методологии, по которой получены те или иные показатели, и практически лишен комментариев. В нем впервые были обнародованы данные о национальном имуществе СССР перед войной и его потерях. Стоимость национального имущества (по всей видимости, в ценах 1940 г.) к началу войны составляла 2235,3 млрд руб.; потери составили 655,2 млрд руб., или 29,3% [Великая Отечественная..., 2015. С. 129]. Как видно, общая сумма потерь очень близка к оценке Н. Вознесенского.

Так или иначе, статистики сумели составить подробный перечень пострадавших во время войны материальных объектов и определить их стоимость в довоенных ценах.

Вторая проблема, возникшая в военные годы, связана с сопоставимостью довоенных и послевоенных оценок стоимости фондов. Её решение заключалось в расчетах ценовых индексов и исчислении капитальных вложений, а также запасов фондов в сопоставимых ценах. Эту проблему советские статистики в годы войны так и не решили. Поэтому во всех послевоенных публикациях фонды имеют разные и несопоставимые оценки. Динамика капитальных вложений в годы войны и послевоенного десятилетия была рассчитана только после 1955 г. в ходе подготовки всеобщей переоценки фондов. Что касается единого временного ряда динамики физического объема основных фондов СССР, такого расчета нет до сих пор.

Третья проблема состояла в расчете объема послевоенных репараций. В советское время единственной официальной оценкой стоимости перемещенного с территории Германии имущества являлись расчеты Н. Вознесенского. В его уже упоминавшейся работе ущерб оценен в 679 млрд руб., или 128 млрд долл. США, а стоимость полученного по репарациям имущества в 0,6% от ущерба [Вознесенский, 1947. С. 163]. Таким образом, стоимость послевоенных репараций оценивается Н. Вознесенским в 770 млн долл.

Более поздние оценки, которые стали появляться после объединения Германии и сведения архивных данных ФРГ и ГДР,

показали недостоверность этих расчетов. По оценкам министерства финансов ФРГ, сделанным в конце 1997 г., стоимость изъятого СССР немецкого имущества составила 15,8 млрд долл. США в послевоенных ценах, что эквивалентно 400 млрд долл. в современных ценах [Катасонов, 2015. С. 87]. Еще одна достаточно известная оценка военных репараций принадлежит американскому историку П. Либерману. Примечательно, что автор сумел оценить общую стоимость репараций, полученных СССР не только с Германии, но и с ее союзников – Румынии и Венгрии, а также оценить ту часть репараций, которую СССР передал новым социалистическим государствам – Польше, Болгарии и Чехословакии. По этой оценке, итоговое сальдо репарационных трансфертов составило 18,7 млрд долл. США [Lieberman, 1998. P. 129].

До сих пор мало что известно о размере трофейных изъятий на оккупированных Красной Армией территориях Восточной Европы². Самые известные на эту тему работы принадлежат П. Кнышевскому и М. Семиряге [Кнышевский, 1994; Семиряга, 1995]. Однако несмотря на многочисленные подробности и описание вывезенных ценностей, какой-либо стоимостной оценки в работах не содержится.

Для примерного понимания количества вывезенных трофеев и их стоимости можно привести два следующих факта. По данным П. Кнышевского, собранным в архивах министерства обороны СССР, общий размер вывезенного трофейными бригадами имущества в 1945 г. составил: 21834 вагона вещевого и обозно-хозяйственного имущества; 73495 вагонов со строительным материалом и «квартирным имуществом»; 6370 вагонов бумаги; 588 вагонов посуды; 154 вагона мехов, тканей и шерсти; 18217 вагонов с сельскохозяйственным оборудованием; 24 вагона музейных ценностей; всего же трофейные бригады отгрузили свыше 400 тыс. вагонов [Кнышевский, 1994. С. 20].

---

² В международном праве военные трофеи представляют собой имущество, захваченное на поле боя или на территории страны-противника до подписания ею акта капитуляции. Трофейные изъятия не являются репарациями, последние представляют собой компенсацию за причиненный в ходе боевых действий ущерб и являются условием заключения мирного договора между воюющими странами. В СССР трофейные бригады стали создаваться в феврале 1943 г. и официально прекратили свое существование в августе 1945.

В конце 1940-х годов в СССР были организованы так называемые «трофейные дела», самым громким из которых стало дело генерала К. Ф. Телегина. Генерал вывез из Германии 10 платформ и вагонов с легковыми автомобилями, мебелью, фарфором, антиквариатом, золотом, гобеленами и картинами. В рамках уголовного дела все эти ценности были изъяты государством. В 2004 г. потомки генерала сочли эти изъятия незаконными и обратились в суд. Собранные ими сведения о конфискованном имуществе и последующая независимая оценка показали современную стоимость конфискованного имущества – около 1 млрд долл. США [Мосякин, 2008. С. 259].

Наконец, четвертая проблема была связана с оценкой поставок оборудования по ленд-лизу. В условиях начавшейся сразу после войны конфронтации с западными странами, тема союзнической материально-технической помощи стала табуированной. Современный анализ западных оценок свидетельствует, что США поставили воюющему СССР материальных ценностей, вооружения и военной техники на сумму 11,3 млрд долл. [Мосякин, 2008. С. 589].

По сути, статистическая практика военного и послевоенного времени перечеркнула все достижения советской статистики 1920–1930 годов. Имущество военной и послевоенной экономики формировалось из разных источников, его стоимость не имела сколько-нибудь сопоставимого вида. Были прекращены также учетные работы по определению состава фондов, степени их износа, технического состояния, эксплуатационных возможностей. В целом период с 1940 г. до 1959 г., то есть годы до проведения всеобщей переоценки фондов, являются самыми провальными с точки зрения качества статистики основных фондов на протяжении всей советской истории.

Деградация статистической службы сопровождалась такой же деградацией и экономической науки. Это выразилось, прежде всего, в том, что исчезла потребность в научных идеях, замыслы и усилия ученых объявлялись ненужными. Вот, например, характерное высказывание того времени о переписи промышленного оборудования в 1932–1934 гг., принадлежащее автору учебника 1948 г. по промышленной статистике Д. В. Савинскому. Автор отмечал «чрезмерную широту этой программы, чрезвычайную сложность программы разработки материала, медленность этой

разработки». В результате «все это в значительной мере превратило саму перепись в чисто академическую работу, оторванную от запросов сегодняшнего дня, и обесценило ее оперативное значение» [цит. по: Грачев, 1959. С. 29–30]. Чем бы автор ни руководствовался при написании этих строк, они призывали к упрощению и примитивизации статистики, в них звучало требование отказа от любой сложности и новизны.

Период оттепели и позднего СССР (январь 1960 г. – декабрь 1991 г.)

Призывы к упрощению статистической практики в области изучения и оценки основных фондов, звучавшие в годы правления И. В. Сталина, столкнулись с объективной необходимостью усложнения статистических работ. В послевоенном СССР накапливались многочисленные учетные статистические проблемы, без решения которых нельзя было повысить качество планирования и эффективность использования капитальных вложений.

Для советской экономики был характерен скрытый рост цен на промышленное оборудование, что хорошо осознавалось наиболее квалифицированными экономистами. Например, Я. Б. Кваша приводит пример Херсонского хлопчатобумажного комбината, в котором фактическая стоимость ткацких станков превысила сметную в четыре раза; стоимость крутильных машин – в 1,7; раза, сушилок – в 1,2; аппаратов – в 1,18 раза. В качестве другого примера он использует данные о стоимости вакуум-фильтров по нарядам заводов: на Смоленском машиностроительном заводе фильтры были оценены в 8,9 тыс. руб. за единицу, на «Уралхиммаше» – в 11 тыс. руб., тогда как преysкурантная цена фильтров составляла 3,5 тыс. руб. [Кваша, 2003. С. 467].

Между тем планирование капитальных вложений осуществлялось исходя из стоимости функционирующих производств, нормативных смет строительства и преysкурантов цен на материально-техническую продукцию. Очевидно, что заниженная балансовая стоимость фондов, а также устаревшие ценники на инвестиционные товары и строительно-монтажные работы приводили к ошибкам в определении затрат, необходимых для строительства предприятий. В результате, например, в процессе строительства Волжского химического комбината сметную стоимость строительства пришлось увеличить на 26%; Балаковского

комбината искусственного волокна – на 20%; Новокемеровского комбината – на 74% [Кваша, 2003. С. 467]. Из этих примеров видно, что запланированный ввод производственных мощностей не обеспечивался адекватным объемом капитальных вложений. Это приводило к сокращению ввода новых производств и, как следствие, невыполнению планов.

Таким образом, незначительная, как многим казалось, учетная проблема объективной оценки стоимости основных фондов, приводила к серьезным экономическим сложностям и срыву плановых заданий. Нетрудно заметить, что советская экономика в 1950-е годы столкнулась с теми же проблемами, что и в 1920-е, но решать их послевоенные советские экономисты предпочитали по-своему. По всей видимости, они сочли, что переоткрывать проблемы и вновь искать пути их разрешения гораздо интереснее и продуктивнее изучения опыта прошлого.

Еще одной хронической стала проблема финансового обеспечения воспроизводства основных фондов советской экономики. В СССР общие нормы амортизации подразделялись на полное восстановление (реновацию) фондов и капитальный ремонт. Вполне понятно, что заниженная стоимость фондов приводила к занижению амортизационных отчислений. Не вникая в причины создавшегося положения, плановые органы пошли по простому пути повышения норм амортизации. В СССР амортизационные нормы, не считая незначительных уточнений, пересматривались пять раз. В период с 1930 г. по 1940 г. нормы на реновацию составляли 1,7% к среднегодовой стоимости основных фондов; в 1950 г. они равнялись 1,6%; в 1970 г. – 2,7%; в 1980 г. – 3,7%; в 1990 г. – 4,2³. Как видно, рост за 60 лет – почти в 2,5 раза. Советская экономическая наука не обошла стороной факт увеличения норм амортизации. Однако большинство советских экономистов ошибочно посчитали это результатом научно-технического прогресса, предполагающим создание все более новых и производительных средств производства и увеличение морального износа устаревшего имущества.

Указанные трудности развития советской экономики постепенно приводили к пониманию необходимости проведения

---

³ Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под общ. ред. А. Г. Грязновой. М.: Финансы и статистика, 2002. 1168 с. [С. 32].

переоценки основных фондов. Для этих целей были задействованы многочисленные отраслевые проектные и научно-исследовательские организации, которые подготовили 103 ценника и 35 сборников укрупненных показателей стоимости горных выработок, зданий и сооружений. Ценники и сборники указывали цены, действовавшие в 1955 г., приблизительно для 40–45 тыс. типов, марок и типоразмеров машин советского и зарубежного производства, а также на тысячи конструктивных элементов зданий и сооружений [Кваша, 2003. С. 494]. Как видно, это была громадная, трудоемкая и дорогостоящая работа.

Переоценка фондов проводилась в течение всего 1959 г. и ставила целью приведение по состоянию на начало 1960 г. стоимости всех видов основных фондов советской экономики в единый сопоставимый вид в ценах 1955 г. По сути, это была вторая (после переоценки фондов 1926 г.) советская инвентаризация и переоценка основных фондов. Она представляла собой типичный случай того, что называется «преемственностью через разрыв», где под разрывом понимается учетная практика военного и послевоенного времени с ее провалами, пропусками и ошибками. Только после переоценки фондов советская статистика стала строить единый временной ряд ежегодных значений физического объема основных фондов. До 1960 г. такое построение было невозможным.

Переоценка 1960 г. по объему предварительных работ и масштабу охвата имущества является уникальным и беспрецедентным в отечественной и мировой практике случаем определения стоимости основных фондов. Тем не менее громадный потенциал переоценки советской статистике не удалось реализовать полностью.

Прежде всего, результаты переоценки показали незначительный рост стоимости фондов по сравнению с их балансовой стоимостью. В целом по народному хозяйству стоимость фондов выросла только на 12%, а производственных фондов – на 6% [Бунич, 1960. С. 69–70]. П. Г. Бунич к недостаткам переоценки фондов 1959 г. относит неполный круг переоцениваемых материальных объектов. В частности, переоценке не подлежали предприятия и организации, содержащиеся за счет средств бюджета (административные учреждения, больницы, школы, дороги и сооружения, высшие учебные заведения и т.д.), а также

вложения в арендованное имущество и объекты незавершенного строительства, не оформленные актами ввода в эксплуатацию [Бунич, 1960. С. 62]. Я. Б. Кваша в качестве иллюстраций занижения стоимости фондов после 1960 г. приводит сопоставимые данные о балансовой стоимости некоторых видов промышленного оборудования и объемах капитальных вложений. Так, стоимость оборудования хлопчатобумажной промышленности была практически в два раза ниже реальной; цветной металлургии – в 1,5 раза; фонды электроэнергетики недооценены на 15–20% [Кваша, 2003. С. 466]. Эти примеры показывают, что свою основную задачу – выравнивание восстановительной и балансовой стоимостей – переоценка фондов 1960 г. так и не решила.

Третья и последняя советская переоценка и инвентаризация основных фондов проводилась по состоянию на 1 января 1972 г. для организаций и предприятий и на 1 января 1973 г. – для государственных учреждений.

По мнению Я. Б. Кваши, условия проведения переписи 1972 г. были более благоприятными по сравнению с условиями 1960 г. Между двумя датами переоценки цены на оборудование пересматривались только один раз, в 1967 г. Поэтому стоимость фондов, введенных до 1967 г., можно было переоценить по укрупненным групповым индексам, а стоимость фондов, введенных после этого года, оставить без изменений. Применение групповых индексов позволило бы существенно снизить стоимость проведения переоценки 1972 г. [Кваша, 2003. С. 494–496]. В итоге ЦСУ СССР именно это и сделало.

Переоценка фондов привела к увеличению их стоимости на 73 млрд руб., или на 11%. При этом часть фондов была дооценена, на 106 млрд руб., или 16% от общей стоимости фондов; другая же часть – уценена на 33 млрд руб., или на 5% [Овчаренко, 1972. С. 39].

Переоценка основных фондов 1972 г. достаточно верно отразила ценовые изменения за время, прошедшее с момента последней переоценки. Однако использование адекватных ценовых индексов при ошибочно определенной базе стоимости привело к тому, что ошибки прошлого были перенесены в будущее в той же мере и той же пропорции. Очевидно, что индексный метод переоценки фондов, отражающий ценовые изменения только за ограниченный промежуток времени между переоценками,

оказался непригодным для определения актуальной стоимости фондов. В целом генеральная переоценка основных фондов 1972 г., как и предыдущая (1959 г.), не решила своей главной задачи – балансовая стоимость основных фондов народного хозяйства СССР так и не была доведена до восстановительной стоимости.

Столь масштабные статистические работы по переоценке и инвентаризации основных фондов в СССР больше не проводились, несмотря на все нарастающее отставание балансовой стоимости фондов от восстановительных цен. О том, что статистика недостоверно отражает стоимостный объем основных фондов и, как следствие, фальсифицирует сопоставимые стоимостные показатели их ввода и выбытия, а также уровень износа, хорошо было известно руководителям государства. По этому поводу последний премьер-министр СССР В. С. Павлов писал: «Средний срок амортизации предусматривался 17 лет, а фактически перевалил 20. Необходимо было учитывать также то, что стоимость единицы полезного эффекта машин и оборудования, поставляемого на замену, была в 3–5 раз дороже, чем у выбывающих. Поэтому динамика нарастания физического объема основных фондов значительно опережала повышение стоимостной оценки износа за счет ее искусственного сдерживания через рост цен» [Павлов, 1993. С. 15]. Несмотря на ясное понимание статистических проблем, руководители страны так ничего и не предприняли для их решения.

Можно констатировать, что задачу объективной оценки стоимости основных фондов и их динамики советская статистика так и не решила за всю историю своего существования. Тем не менее однозначно считать эту историю временем провалов и неудач было бы неправильно и несправедливо.

Постсоветский период (январь 1992 г. – апрель 2019 г.)

К началу рыночных экономических преобразований советская экономика подошла не только со значительно недооцененными фондами, но и с богатым опытом решения статистических учетных проблем. Новой экономической системе предстояло сделать выбор, что из этого опыта считать негативным, а что позитивным, что из прошлого можно унаследовать, от чего следует отказаться.

История оценки национального богатства и основного капитала в современной России формировалась под воздействием двух факторов: традиций советского периода и новаций, связанных с переходом российской статистики на международные стандарты и методологию. В начальный период рыночных реформ первый фактор был более значимым, о чем свидетельствуют ежегодные переоценки основных фондов 1992–1997 гг. В 1998 г., по свидетельству А.Е. Суринова, статистический отдел Секретариата ООН посчитал, что уровень внедрения системы национальных счетов в России соответствует первому этапу. Это означало, что у российской статистической службы появился формальный повод для отказа от всеобщих обязательных переоценок и перехода на новые международные принципы оценки капитала [Суринов, 2002. С. 23–24].

Однако в какой степени советское прошлое стало прошлым? Удалось ли современной российской статистике избавиться от недостатков прежней учетной системы? Если в качестве критериев выбрать полноту статистических данных и их достоверность, то они будут отрицательными.

Современная мировая статистика национального богатства весьма дифференцирована по его различным элементам. В ней выделяется стоимость нематериального капитала, производственного капитала, естественного капитала, а также стоимость сельскохозяйственных земель, пастбищ, леса и недр (последние различаются по видам добычи ископаемых) [The changing..., 2011. Р. 46].

Российская статистическая служба только один раз в конце 1990-х годов провела оценку элементов национального богатства. Методология выполнения этих работ нигде не публиковалась, были обнародованы только результаты расчетов. Общая стоимость национального богатства России на начало 1999 г. оценивалась в 670,6 трлн руб., большая её часть (97,3%) приходилась на материальные произведенные активы; основные фонды составили 2,1% богатства; домашнее имущество – 0,4. Главным элементом богатства с наибольшей стоимостью (87,7% всего объема)⁴ являлись недра [Основные фонды..., 1999. С. 9].

---

⁴ Основные фонды и другие нефинансовые активы России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999. 105 с.

Трудно сказать, каким образом были получены эти оценки, насколько они объективны. Разовый характер публикации стоимости национального богатства, по всей видимости, связан с тем, что официальная статистическая служба не была удовлетворена проделанной работой и не была убедительна в доказательстве правоты приводимых оценок. В настоящее время российская статистика национального богатства ограничена определением стоимости основного и оборотного капитала, а также имущества домашних хозяйств. Таким образом, с точки зрения полноты оценки национального богатства российская статслужба ни на шаг не отошла от советской практики и не приблизилась к западным образцам.

В полной мере это относится и к качеству декларируемых статистических показателей. Наши с Ханиным Г.И. расчеты выявили многократное превышение восстановительной стоимости основных фондов над их учетной стоимостью, в 2015-е годы это превышение в целом по экономике достигло 7,97 раза [Фомин, Ханин, 2017]. Нет нужды лишний раз объяснять, что неправильная оценка стоимости фондов искажает динамику их физического объема и степень износа, делает несопоставимыми коэффициенты выбытия фондов и их обновления, недостоверной всю систему финансовых показателей деятельности российской экономики.

Сегодняшняя официальная методология оценки балансов основных фондов предполагает оценку выбывших и действующих фондов с использованием индексов инвестиционных цен с момента последней переоценки⁵. Ее использование неизбежно приводит к систематическим ошибкам и искажению показателей. Виновата, конечно, не статистическая методология, а слепое следование ее предписаниям и не менее слепая вера в ее безграничные возможности. В данном случае это означает, что тщательный расчет объема выбывших и оставшихся фондов, а также индексов цен на инвестиционные товары и услуги, в принципе не способен привести к достоверности. Все дело в исходной статистической базе, в накопленных за многие годы противоречиях между восстановительной и учетной стоимостью

---

⁵ Методологические положения по статистике. Вып. 5./ Росстат. М., 2006. 510 с. [С. 50-74].

фондов, так и не разрешенных ни советскими, ни российскими статистиками.

Заключение

Сегодняшнее положение в стоимостном учете фондов очень похоже на то, которое сложилось в СССР в послевоенные годы. Выходить из него нужно так же, как выходили в то время. В России нужно провести генеральную переоценку основных фондов. Конечно, это масштабная и чрезвычайно трудная работа. Переоценка требует информационного и нормативного обеспечения, на создание которого может уйти не один год. Однако надеяться на появление в России качественной и достоверной статистики основного капитала без такой переоценки – значит сознательно погружаться в мир иллюзий, обмана и самообмана. Чем последнее закончилось для СССР, хорошо известно. Именно поэтому прошлый опыт может быть очень полезен. Советская практика измерения национального богатства – это не то, к чему нужно вернуться. И даже не то, от чего нужно уйти. Это всего лишь то, к чему нужно периодически обращаться для того, чтобы двигаться вперед.

Литература

- Бунич П. Г.* Основные фонды социалистической промышленности. М., 1960. 304 с.
- Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 190 с.
- Войтехов П. Г.* Нормы амортизации и оценка имущества. Изд.-ние 2, исправленное. М.-Л: АО «Промиздат», 1926. 230 с.
- Вайнштейн А. Л.* Избранные труды: В 2 книгах. Кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР. М.: Наука, 2000. 560 с.
- Вайнштейн А. Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М.: Госстатиздат, 1960. 484 с.
- Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1947. 192 с.
- Грачев Н. Г.* Материалы и итоги переписи промышленного оборудования 1932–1934 гг. как исторический источник // Проблемы источниковедения. Т. VII. М., 1959. С. 26–58.
- Катасонов В.* Россия в мире репараций. М.: Изд. дом «Кислород», 2015. 176 с.
- Кваша Я. Б.* Избранные труды: в 3 т. / Т. 2: Капитальные вложения и воспроизводство основных фондов. М.: Наука, 2003. 511 с.
- Кнышевский П. Н.* Добыча. Тайны германских репараций. М.: Соратник, 1994. 144 с.

Мосякин А.Г. За пеленой янтарного мифа: Сокровища в закулисье войн, революций, политики и спецслужб. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭ)Н, 2008. 615 с.

Овчаренко Г. К итогам переоценки основных фондов // Вестник статистики. 1972. № 12. С. 36–43.

Основные фонды и другие нефинансовые активы России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999 г. 105 с.

Павлов В. Август изнутри. Горбачев-путч. М.: Деловой мир, 1993. 128 с.

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭ)Н, 1995. 400 с.

Суринов А.Е. Официальная статистика в России: проблемы реформирования. М.: ИИЦ «Статистика России», 2002. 200 с.

Фомин Д.А. Какой была довоенная советская статистика? // Вопросы статистики. 2008. № 11. С. 73–78.

Фомин Д.А., Ханин Г.И. Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 21–33.

Ханин Г.И. Когда и как погиб НЭП // ЭКО. 1989. № 10. С. 66–83.

Ханин Г.И., Копылова Н.В. Оценка стоимости основных фондов в дореволюционной России и СССР // Вопросы статистики. 2008. № 3. С. 58–65.

Lieberman P. Does Conquest Pay? The Exploitation of Occupied Industrial Societies. N.J.: Princeton University Press, 1996. 250 p.

Measurement of capital stocks, consumption of fixed capital and capital services, OECD Manual, 2001. 132 p.

The changing wealth of nations: measuring sustainable development in the new millennium – Washington. The World Bank. 2011. 42 p.

Статья поступила 04.05.2019.

Для цитирования: *Фомин Д.А.* Оценка национального богатства: советская история и постсоветская практика // ЭКО. 2019. № 8. С. 141–162. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-8-141-162.

Summary

Fomin, D.A., Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

Evaluation of National Wealth: Soviet History and Post-Soviet Practice

Abstract. In the Soviet times, the national wealth measurement and the fixed assets valuation had a number of features that theoretically proceeded from Karl Marx's Labor Theory of Value and were practically determined by the state character of production, accounting and planning development. In terms of completeness and objectivity of statistical indicators, the Soviet history of fixed assets valuation was extremely heterogeneous. Three time periods are clearly distinguished in history: the most successful (early and prewar); the war and postwar period of extremely low quality statistics; the thaw and the later Soviet period, characterized by systematic long-term accumulation of statistical errors. Despite the fact that distorted indicators of available fixed assets and their dynamics were characteristic of the entire

Soviet period, the Soviet statistics had brilliant theoretical insights and valuable methodological experience in solving accounting problems. However, the experience turned out to be unclaimed in the context of reforming Russian statistics and its transition to international standards in the second half of the 1990s. Searching for solutions of statistical problems exclusively in foreign geography and ignoring the national history became one of the reasons for negative statistical continuity. The modern Russian statistics of national wealth is still not notable for completeness and reliability of declared indicators. An in-depth study of the Soviet experience and its possible use in modern conditions might help remedy the situation.

Keywords: *national wealth; fixed assets; Soviet history; USSR statistics; reliability of statistical indicators*

References

- Bunich, P.G. (1960). *Fixed assets of the socialist industry*. Moscow. 304 p. (In Russ.).
- Great Patriotic War. (2015). Jubilee statistical compilation. Moscow. Publ. Rosstat. 190 p. (In Russ.).
- Voytekhov, P.G. (1926). Depreciation rates and asset valuation. Moscow–Leningrad. Publ. AO «Promizdat». 230 p. (In Russ.).
- Vaynshteyn, A.L. (2000). The national wealth and national income of Russia and USSR. Moscow. Publ. Nauka. 560 p. (In Russ.).
- Vaynshteyn, A. L. (1960). National wealth and national economic accumulation pre-revolutionary Russia. Moscow. Publ. Gosstatizdat. 484 p. (In Russ.).
- Voznesenskiy, N. (1947). Soviet military economy during the Patriotic War. Moscow. Publ. OGIZ Gospolitizdat. 192 p. (In Russ.).
- Grachev, N.G. (1959). Materials and results of the census of industrial equipment 1932–1934. as a historical source. *Problemy istochnikovedeniya*. No. VII. Pp. 26–58. (In Russ.).
- Katasonov, V. (2015). Russia in the world of reparations. Moscow. Publ. Izdatel'skiy dom «Kislород». 176 p. (In Russ.).
- Kvasha, Ya.B. (2003). Capital investments and reproduction of fixed assets. Moscow. Publ. Nauka. 511 p. (In Russ.).
- Knyshevskiy, P.N. (1994). Extraction. Secrets of German Reparations. Moscow. Publ. Soratnik. 144 p. (In Russ.).
- Mosyakin, A.G. (2008). Behind the veil of amber myth. Treasures behind the scenes of wars, revolutions, politics and special services. Moscow. Publ. Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEH). 615 p. (In Russ.).
- Ovcharenko, G. (1972). The results of the revaluation of fixed assets. *Vestnik statistiki*. No.12. Pp. 36–43. (In Russ.).
- Fixed assets and other non-financial assets of Russia. (1999). Moscow. Publ. Rosstat. 105 p. (In Russ.).
- Pavlov, V. (1993). August from the inside. Gorbachev-putsch. Moscow. Publ. Delovoj mir. 128 p. (In Russ.).
- Semiryaga, M.I. (1995). How we ruled Germany. Publ. Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEH). 400 p. (In Russ.).
- Surinov, A.E. (2002). Official statistics in Russia: problems of reforming. Moscow. Publ. Statistika Rossii. 200 p. (In Russ.).

Fomin, D.A. (2008). What was the pre-war Soviet statistics? *Voprosy statistiki*. No. 11. Pp. 73–78. (In Russ.).

Fomin, D.A., Hanin, G.I. (2017). Dynamics of fixed capital of the economy of the Russian Federation in the post-Soviet period (1992–2015). *Problemy prognozirovaniya. Studies on Russian Economic Development*. No 4. Pp. 21–33. (In Russ.).

Hanin, G.I. (1989). When and how did the NEP? *ECO*. No. 10. Pp. 66–83. (In Russ.).

Hanin, G.I., Kopylova, N.V. (2008). Valuation of fixed capital in pre-revolutionary Russia and the USSR. *Voprosy statistiki*. No. 3. Pp. 58–65. (In Russ.).

Lieberman, Peter. *Does Conquest Pay? The Exploitation of Occupied Industrial Societies*. N.J.: Princeton University Press, 1996. 250 p.

Measurement of capital stocks, consumption of fixed capital and capital services, *OECD Manual*, 2001. 132 p.

The changing wealth of nations: measuring sustainable development in the new millennium – Washington. (2011). *The World Bank*. 242 p.

For citation: Fomin, D.A. (2019). Evaluation of National Wealth: Soviet History and Post-Soviet Practice. *ECO*. No. 8. Pp. 141-162. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-141-162.

Проблемы и перспективы функционирования банковской системы в регионах России

Ю. А. МАКЛАКОВА, НИФИ при Министерстве финансов,
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. E-mail: yulalmaklakova@yandex.ru

Аннотация. Современные исследователи регионального банковского бизнеса часто пользуются понятием «региональный банк», которого нет в законодательстве, редко обращая внимание на социальную функцию и, в целом, особенности развития регионального банкинга. Между тем в регионах, особенно удаленных, специфика клиентуры (большая доля мелких клиентов, часто – плохо владеющих современными цифровыми технологиями, с низким уровнем финансовой грамотности), имеющиеся инфраструктурные ограничения предъявляют особые требования к банкингу, которые попытался выделить автор. Сложившаяся в последние годы тенденция к диджитализации ориентирует банкинг преимущественно на возможности Центрального административного региона без учета нужд банковской периферии. «Зачистка» банковского сектора, которая происходит в основном за счет его региональной сети, ведет к сокращению количества банков и их подразделений, переводу банковских продуктов и услуг в online-режим, что, по мнению автора, не является оптимальным решением проблемы устойчивости банковского сектора. На основе изучения отечественного и зарубежного опыта, а также интервьюирования экспертов, автор формулирует ряд рекомендаций в части улучшения качества деятельности региональной банковской сети. Главные положения и выводы статьи могут быть предложены государственным органам управления и менеджменту банков.

Ключевые слова: региональные банки; развитие региональной банковской сети; зарубежный опыт регионального банкинга; проблемы и перспективы регионов России; финансовая грамотность; диджитализация; «зачистка» (сокращение) банковского сектора

Введение

В результате набирающей обороты диджитализации банковского бизнеса (в России, как и во всем мире) многие отечественные банки, в том числе ключевые игроки рынка, закрывают свои региональные подразделения. При этом в офисах клиентам предлагаются преимущественно высокодоходные продукты и услуги, а операции, не способные приносить существенной прибыли, переводятся в online-режим. Так, ПАО «Сбербанк» в рамках стратегии реформирования сети, запущенной в 2010 г., только за последние пять лет закрыл около 4 тыс. отделений и офисов, львиная доля которых была расположена в сельской

местности. ПАО «Россельхозбанк» с 2013 г. ликвидировал около 20% отделений. Однако, по мнению автора, низкая рентабельность отдельных подразделений не может служить оправданием лишения граждан и бизнеса доступа к банковским услугам. Миссию банков следует описывать с точки зрения наличия 4с: смысл, содержание, специфика, социальный аспект [Маклакова, 2016]. Иными словами, основная цель функционирования банков должна быть сосредоточена на соблюдении принципов клиентоориентированности и социальной направленности [Журавлёва, 2015].

Учитывая низкий уровень финансовой грамотности населения в большинстве регионов России, банкам, исходя из их системных функций, необходимо обращать внимание не только на выгоду, но и на потребности граждан, многие из которых не готовы к самообслуживанию с помощью гаджетов.

Тема регионального банкинга уже давно находит широкое освещение в научной и учебной литературе, не раз становилась повесткой отраслевых конференций различного уровня, включая международный [Fiorentino, 2009]. Большинство исследователей в своих работах делают акцент на формулировании определения и сущности региональных банков для того, чтобы дать свои рекомендации институтам банковского сектора (Банк России, Ассоциация российских банков и т.д.), в то время как в законодательстве понятие «региональный банк» до сих пор не закреплено. При этом социальной составляющей – одному из ключевых элементов банкинга, в исследованиях, профессиональном дискурсе уделяется совсем мало внимания. Несмотря на то, что сами банки постоянно заявляют о своей клиентоориентированности, в обозримом массиве публикаций автор не смогла найти работ, затрагивающих такие аспекты, как анализ нужд клиентов, их региональные особенности, финансовая грамотность клиентов банков и способность целевой аудитории быстро приспособиться к новым реалиям.

Между тем в цифровой экономике актуальной задачей научного сообщества и практиков становится создание новых продуктов или адаптация уже существующих предложений *под специфику конкретной страны, компании или любого другого хозяйствующего субъекта.*

Целью исследования стало рассмотрение существенных особенностей ведения банковского бизнеса в регионах.

Региональные банки в данной статье понимаются как кредитные организации, осуществляющие основную часть своей деятельности за пределами Центрального федерального округа и предоставляющие услуги традиционного банкинга – кредитование, прием вкладов и расчетное банковское обслуживание, валютнообменные операции и т.п. Как правило, региональные банки не занимаются нетиповыми банковскими операциями (доверительное управление денежными средствами и имуществом, работа с производными финансовыми инструментами и т.д.).

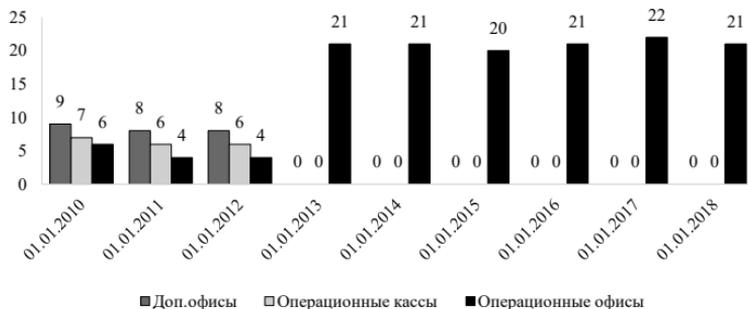
Проблемы регионального банкинга

В некоторых удаленных точках нашей страны доступ к банковским продуктам и услугам практически отсутствует¹. К примеру, на территории всего Чукотского АО (территория – 737 тыс. км², население – около 50 тыс. чел., плотность населения – 0,07 чел./км²) банковские операции могут проводиться только через операционные офисы нескольких банков, в то время как данный вид подразделения кредитной организации имеет, согласно законодательству, ряд значительных ограничений (запрещено, например: осуществление операций по купле/продаже иностранной валюты; на обслуживание в операционном офисе могут быть переданы сделки, принятие риска на одного заемщика по которым не должно превышать 5% капитала банка и др.). Стоит отметить, что число дополнительных офисов и операционных касс в Чукотском АО стало резко сокращаться с 2013 г., а самостоятельных банков в этом регионе не представлено². Кроме того, отсутствие в регионе стабильной интернет-связи создает дополнительные трудности при обеспечении банковского обслуживания (рис. 1).

---

¹ Олени против банкиров // Информационный портал «Банки.ру». URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10532967> (дата обращения: 15.02.2019).

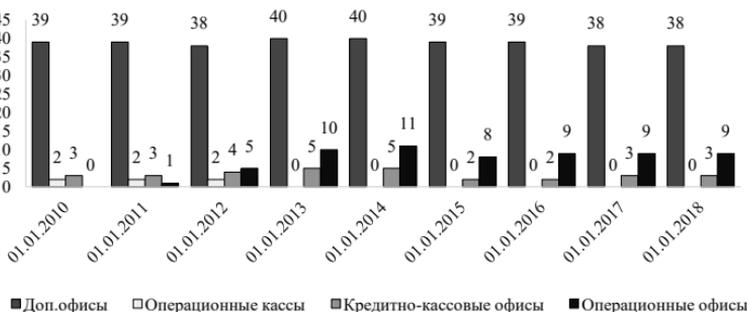
² Постановление Правительства Чукотского автономного округа от 21.06.2013 № 225.

Источник: Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/lic/> (дата обращения: 24.05.2019).

Рис. 1. Динамика количества внутренних структурных подразделений действующих кредитных организаций (филиалов) в Чукотском АО в 2010–2018 гг.

В Республике Тыва (территория – 170 тыс. км², население – 321 тыс. чел.) зарегистрирован только один банк, ОАО АБ «Народный банк РТ», и работают филиалы Сбербанка, Россельхозбанка и АКБ «Связь-Банк». Это ограничивает клиентов в выборе оператора для зарплатных проектов, а низкий уровень конкуренции сказывается на условиях получения кредита и размещения средств на депозитах и вкладах (рис. 2).

Источник: Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/lic/> (дата обращения: 24.05.2019).

Рис. 2. Динамика количества внутренних структурных подразделений действующих кредитных организаций (филиалов) в Республике Тыва в 2010–2018 гг.

Во многих других регионах, особенно в сельской местности, удаленной от финансовых центров, отсутствует комфортный доступ как физических, так и юридических лиц к банковским

продуктам и услугам, включая кредитные, что подтверждают отдельные исследования [Кравец, Потапова, 2016]. В небольших городах и посёлках есть проблема плотности покрытия территории банковской сетью.

В 2016 г. на 100 тыс. чел. трудоспособных россиян приходилось 38 подразделений различных банков³. Для сравнения: в Канаде данный показатель равен 24,4 отделения на 100 тыс. человек, в Австралии – 30,7 отделений на 100 тыс., в Аргентине – 13,4. Казалось бы, Россия лидирует, однако не стоит забывать, что проблема нашей страны – в неоднородном охвате населения банковскими услугами. Недоступность банковских услуг является сдерживающим фактором развития малого и среднего бизнеса и экономики в целом, а также приводит к неравенству возможностей у жителей таких регионов [Guiso, 2002]. Проблема не является сугубо российской – в разделе, посвященном международному опыту ведения регионального банковского бизнеса, данный вопрос будет рассмотрен более детально.

Доступность финансовых услуг можно условно разделить на три категории: доступность, возможность использования и качество услуг [Convery et al., 2003].

Д. В. Клешко и Р. А. Мусаев оценили корреляцию между количеством региональных банков, офисов и показателями финансовой доступности по трем критериям: количество банкоматов и подразделений действующих банков на 1 миллион трудоспособного населения, индикатор финансовой грамотности. И установили прямую зависимость между количеством региональных банков и уровнем финансовой доступности. По их мнению, сокращение числа региональных кредитных организаций отрицательно сказывается как на степени обеспечения населения финансовыми услугами, так и на финансовой грамотности [Клешко, Мусаев, 2016].

Центральный банк озабочен проблемами повышения надежности и эффективности работы банковского сектора, что сказывается на количестве банковских организаций в системе и в некоторых регионах. Банки, в свою очередь, стремятся перевести некоторые низкомаржинальные операции в онлайн-режим, чтобы

---

³ Аналитический центр «НАФИ». <https://nafi.ru/projects/finansy/uroven-dostupnosti-finansovykh-uslug-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 24.05.2019).

сократить количество офисов и уменьшить свои расходы по их обслуживанию (аренда помещений, покупка и эксплуатация оборудования, оплата труда персонала и т.д.). Но как это сказывается на банковском обслуживании в регионах? Мы решили выяснить это у самих банкиров.

К опросу были привлечены специалисты разных подразделений из банков Краснодар (население: 918 145 чел.; площадь: 339 км²), Самары (население: 1 163 339 чел.; площадь: 541,4 км²), Керчи (население: 151 025 чел.; площадь: 108 км²), Тольяти (население: 707 408 чел.; площадь: 314 км²), Воронежа (население: 1 054 537 чел.; площадь: 6 596 км²), Томска (население: 574 002 чел.; площадь: 294 км²), Пучежа – Ивановская область (население: 7078 чел.; площадь: 6,41 км²). В качестве экспертов привлекались банковские служащие «Сбербанка», ВТБ, Россельхозбанка, Совкомбанка, АО «Воронеж»⁴ следующих должностей: специалист отдела HR, специалист, занимающийся прямыми продажами, операционист, маркетолог.

Экспертам было предложено ответить на вопросы анкеты в формате непринужденной беседы.

1. Работаете ли сейчас в банковской сфере?

- Если да – в каком банке какого региона?
- Если нет – в каком банке какого региона работали раньше?

2. Считаете ли Вы, что количество банков в регионе достаточно для покрытия спроса физических и юридических лиц?

3. Каким продуктам и услугам, на Ваш взгляд, население отдает предпочтение?

4. Какой вариант получения продуктов и услуг интересует население больше – online или offline?

5. Как Вы считаете, следит ли население Вашего региона за новостным фоном?

6. Были ли зафиксированы в Вашем регионе случаи отзыва лицензии у банков и как закрытие других кредитных организаций сказалось на работе Вашего офиса?

7. Были ли зафиксированы в Вашем регионе закрытия офисов крупных кредитных организаций и как это сказалось на работе Вашего офиса?

---

⁴ 1506.2018 г. у этого банка была отозвана лицензия. См. приказ ЦБП: URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=15062018_084911ik2018-06-15t08_48_28.htm (дата обращения: 27.05.2019).

Логично, что финансовая грамотность населения, как и готовность к обучению новым способам получения услуг через мобильные устройства, существенно варьирует не только в масштабах страны, но и одного региона, и даже населенного пункта, и зависит от образовательного уровня граждан, их возраста, психологических установок и т.д. Недооценка этих факторов, на наш взгляд, чревата потерей контакта банков с клиентами.

Для наиболее крупных городов, где нам удалось привлечь респондентов, а именно: в Краснодаре, Самаре, Воронеже, Тольятти, характерны следующие общие черты:

- население имеет широкий выбор кредитных организаций, поэтому закрытие некоторых из них не слишком сказывается на удовлетворенности спроса населения;
- население следит за масштабными событиями в экономике, но постоянного интереса не наблюдается;
- крупные игроки банковского бизнеса стремятся перевести в online-режим максимально большое количество операций, однако клиенты старшего поколения не хотят пользоваться приложениями удаленного интернет-доступа к банку, предпочитая лично посещать офис и получать там ответы на интересующие их вопросы в режиме непосредственного контакта с менеджером.

В разговоре с томским специалистом мы узнали об уникальной практике обслуживания деревень Томской области – с помощью передвижных мобильных офисов. Машина со специалистами и необходимым оборудованием приезжает на территорию деревни или села в определённые дни и предлагает населению банковские продукты и услуги. Таких «офисов на колесах» в данном регионе в 2016 г. было около 70. Это – прекрасный пример клиентоориентированного банкинга. На наш взгляд, практика мобильных офисов должна быть взята на вооружение во многих регионах России, где дисперсное расселение и уровень развития бизнеса делают нерентабельным содержание стационарных офисов, но эпизодический спрос на банковские услуги все же существует, и он должен быть удовлетворен без необходимости ехать в другой город.

Эксперт из Тольятти поделился с нами интересными рассуждениями о внедрении онлайн-услуг для населения. Стратегии крупных банков, входящих в список стратегически значимых

организаций, ориентированы на диджитализацию услуг, в связи с чем клиентов активно обучают пользоваться мобильными приложениями. В офисах таких банков есть планшеты, которыми может бесплатно воспользоваться любой желающий с помощью специалиста или самостоятельно. В тольяттинские офисы ВТБ довольно часто обращаются пожилые люди. Они не имеют банковских приложений на собственных мобильных устройствах и совершают необходимые операции с помощью предлагаемых банком планшетов. Отвечая на вопрос № 4 анкеты, эксперт отметил, что клиенты всё еще отдают предпочтение физическим офисам. По его мнению, людям нравится приходить в банк и получать помощь специалиста, даже при условии активного использования online-приложений. Уверенные пользователи онлайн-услуг, согласно его оценкам, составляют около 30% клиентов.

Большой удачей было найти респондента из совсем небольшого городка Пучежа, где мы смогли увидеть все аспекты изучаемой проблематики:

1) в городе очень небольшой выбор кредитных организаций (Сбербанк, Россельхозбанк, Совкомбанк);

2) не так давно Сбербанк стал закрывать в городе свои дополнительные офисы;

3) менеджеры центральных офисов, контролирующие банковскую деятельность, не осознают всю сложность внедрения новых банковских продуктов в малых городах;

4) для получения банковских услуг или продуктов люди вынуждены ездить в другой город (Иваново), находящийся в 150 км от Пучежа (на общественном транспорте дорога занимает около 2 часов в одну сторону);

5) в Пучеже проживает большое количество пенсионеров, которые с Интернетом «на вы» и предпочитают личное общение со специалистами. Даже имея пластиковые карты, они не хотят активно ими пользоваться – за деньгами приходят в банк лично. Наиболее популярный продукт – вклады.

«Зачистка» банковского сектора не отразилась в Пучеже на количестве банков (их как было, так и остается – три). В то же время локальный рынок банковских услуг сократился из-за закрытия дополнительных офисов, так как их содержание стало невыгодным.

Изучая частные аспекты работы региональных кредитных организаций, мы обратились к трудам других авторов, пишущих на данную тему. Так, Мусаев и Клешко рассматривают интересные кейсы российских региональных банков, в которых высвечены вопросы банковского обслуживания. Авторы, в частности, сосредоточивают внимание на проблеме повышения финансовой грамотности. Например, на сайте АО «Черноморский банк развития и реконструкции» есть разделы, посвященные просвещению пользователей сайта по финансовым вопросам, часто возникающим у потенциальных и актуальных клиентов: что такое страхование вкладов? Как должны действовать заемщики при отзыве лицензии у банка и т.д. [Клешко, Мусаев, 2015].

ООО КБ «Кубань Кредит» практикует проведение семинаров и мастер-классов по различным вопросам финансовой грамотности для населения, собственников малого и среднего бизнеса, индивидуальных предпринимателей. ООО КБ «Кольцо Урала» занимается развитием сети мини-офисов в небольших населенных пунктах, где у людей нет широкого доступа к банковским продуктам и услугам. ПАО КБ «Уральский финансовый дом» развивает на базе своих отделений коворкинговые площадки, позволяющие встречаться предпринимателям для обмена опытом.

Отличным примером для подражания можно назвать ПАО Банк «Левобережный», являющийся не только крупным региональным банком, но и активно развивающий сеть продаж (более 60 дополнительных и операционных офисов в Западно-Сибирском регионе) параллельно с внедрением цифровых технологий (банк занял третье место по России в рейтинге Markswebb Rank & Report по показателю daily banking (доступность услуг по дебетовой карте и получение информации в режиме online).

Особенности функционирования регионального банковского бизнеса в Китае и Индии

Кроме изучения ситуации в отдельных регионах России, мы решили обратиться к зарубежному опыту, чтобы понять, какие регулятивные решения и также частные идеи, реализованные в зарубежном банковском бизнесе, могут повысить эффективность банковского сектора Российской Федерации. Рассмотрим практику регионального банкинга в КНР и Индии, поскольку

в данных странах уровень взаимодействия государства и банков схож с тем, что наблюдается в России.

Китайский банковский рынок отличают высокие темпы роста, жесткий государственный контроль и сильная концентрация банковского капитала. «Большая четверка» китайских банков исторически занимает олигополистическое положение на рынке. Через них проходит до половины всех финансовых потоков страны.

Изначально в Китае существовал только один банк, выполняющий роль и коммерческого банка, и центрального. Когда экономика Китая стала вставать на рыночные рельсы (1990-е годы), из одного государственного банка выделили четыре отраслевых (Торгово-промышленный, Сельскохозяйственный, Строительный и Банк Китая), которые также могут принимать депозиты и вести коммерческий банковский бизнес. При этом первоначальный банк стал выполнять роль центрального и получил название Народный банк Китая (People's Bank of China).

Финансовыми потоками в Китае в основном управляет государство, что обеспечивает сохранение доверия клиентов к банковской системе. Оптимизм инвесторов поддерживается также постоянным ростом китайской экономики и курса юаня⁵. В свою очередь постоянное увеличение объемов банковского кредитования под гарантии государства (как мера господдержки экономики), большая доля «замаскированных» кредитов, когда обычный заём отражается на балансе как инвестиционный инструмент, под который выделяются минимальные резервы, позволяют китайским банкам зарабатывать высокие прибыли.

Для нашего исследования опыт КНР представляет интерес с точки зрения развития регионального банкинга. Несмотря на то, что подразделения банков «большой четверки» присутствуют в каждом регионе страны, основу региональной банковской сети составляют многочисленные сельскохозяйственные и городские кредитные кооперативы, специализирующиеся на кредитовании малого бизнеса и сельских жителей. Все они создаются государством, исходя из потребностей конкретного региона (создание предприятий, направленных на оказание

---

⁵ Иванов Ф. Банковская система Китая стала крупнейшей в мире // ИА «RNS» – 2017, март.

целевых услуг в регионах Китая) или с ориентиром на задачи властей (создание организаций для развития одного или нескольких целевых секторов). Нам представляется, что детальное изучение этого опыта может быть полезно для России.

Стоит заметить, что жесткий контроль государства не устраняет возможность появления значимых для банковского сектора КНР рисков. Один из них – это сверхконцентрация, угрожающая устойчивости системы. Кроме того, серьезной проблемой для Китая в последние годы стал теневой банкинг. В свое время власти закрывали на него глаза, считая его одним из драйверов развития экономики в провинциях, но теперь пытаются бороться.

В Индии вплоть до получения страной независимости (1949 г.) все банки были частными, но в 1955 г. началась национализация банковской системы, продолжающаяся по сей день. На сегодня государство контролирует 29 банков, что составляет примерно 75% всех банковских активов Индии. При этом ставится цель расширения банковской деятельности и сокращения региональных диспропорций. Постановление правительства предписывает всем банкам при открытии одного филиала в регионе открывать еще четыре филиала на периферии (обычно – в сельской местности). В результате такой политики количество филиалов за период с 1970 по 1990 гг. выросло с 1,8 до 35 тыс., было создано свыше миллиона рабочих мест, а кредитование стало доступно миллионам заемщиков. К 2016 г. филиальная сеть государственных банков выросла на 800%. Данная политика помогла снизить экономические, социальные и политические барьеры между населением и государством⁶.

Резервный банк Индии, помимо выполнения функций центрального банка, выступает регулятором кредитных и инвестиционных потоков по отраслям и регионам, официально признанных стратегическими. Помимо «прорывных», такой статус в Индии получают те сферы, развитие которых в должной мере не обеспечивается рыночными силами экономики. С этой целью Резервный банк устанавливает кредитные лимиты, предписывающие банкам кредитовать приоритетные отрасли в определенном объеме от общей величины займов. Кроме этого для коммерческих

---

⁶ *Маляров О. В.* Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. М., 2010. Книга 2. С. 602–638.

банков устанавливаются нормы ликвидности, обязывающие их приобретать определенные активы, включая государственные ценные бумаги с низкой доходностью. Такие вложения используются с целью финансирования государственных инвестиций по приоритетным направлениям.

Для того чтобы обеспечить сбалансированную координацию финансовых потоков, проходящих через различные каналы финансово-кредитной системы Индии, правительство создало головные кредитные организации для основных сфер экономики: Индийский банк промышленного развития, Национальный банк для сельского хозяйства и сельского развития, Экспортно-импортный банк Индии, Банк развития мелкой промышленности, Национальный банк жилищного строительства, Индийская компания кредита и инвестиций в морское судоходство, Индийская компания финансирования туризма.

Региональную банковскую сеть формируют дочерние организации и филиалы государственных банков, которым вменено в обязанность обслуживание отстающих регионов. Кроме того, существует разветвленная сеть кооперативных банков, которые поделили рыночные ниши следующим образом: городские кооперативные банки выдают долгосрочные займы, в том числе – на нужды сельского хозяйства. На сельские кооперативные банки приходится около 50% кредитования сельского хозяйства и смежных с ним отраслей, при этом займы – средне- и краткосрочные.

Важной чертой и серьезной проблемой индийского банковского сектора можно назвать отсутствие у населения привычки пользоваться банковскими услугами – большинство операций совершается за наличный расчет, и потому государству трудно контролировать эти денежные потоки, поддерживая должный уровень финансово-налоговой ответственности у компаний и физических лиц [Маклакова, 2018]. Кроме того, по причине бедности населения в банковском секторе Индии накопился большой процент «плохих» долгов. Другая проблема заключается в том, что из-за высокой доли государственного капитала в банковском секторе практически отсутствует конкуренция, что дестимулирует финансовые организации в отношении их дальнейшего роста и развития, включая внедрение инноваций.

На наш взгляд, из разностороннего зарубежного опыта повышения эффективности регионального банковского бизнеса в российских условиях могут оказаться полезными следующие меры:

- 1) курс на развитие специализации на уровне региональной сети – уход от универсальности и сосредоточение отдельных банков на оказании целевых услуг [Thai, 2015];
- 2) развитие филиальной сети для большего взаимодействия с населением.

Выводы и заключение

В Российской Федерации финансовые услуги наиболее широко доступны в городах-миллионниках, степень их проникновения снижается (порой – весьма драматично) по мере удаления от региональных и промышленных центров. Причины – незначительное и постоянно уменьшающееся количество банковских подразделений, ограниченный функционал платежных терминалов и недостаточно развитая инфраструктура по приему банковских карт.

Региональная банковская система имеет свои специфические условия функционирования, среди которых стоит выделить следующие:

- относительно низкая финансовая грамотность клиентов, как следствие – настороженное отношение даже к традиционным банковским услугам и крайне низкая заинтересованность в современных продуктах;
- отсутствие у клиентов стремления овладеть новыми способами получения услуг через удаленный доступ по интернет-каналам и мобильный телефон;
- в отдельных случаях – отсутствие устойчивой интернет-связи, что препятствует нормальному функционированию технологий удаленного доступа;
- неспособность небольших региональных банков конкурировать с крупными игроками, одновременно с ними внедрять новые банковские продукты и услуги (в том числе в онлайн-плоскости);

Зачастую сотрудники региональных банков/офисов, даже при понимании всей этой специфики, не имеют возможности перестроить устоявшуюся в «столицах» бизнес-модель под их

конкретный регион базирования. Лидирующие игроки рынка – крупные консолидированные банки с большой долей государственного капитала – часто задают тон всей отрасли, и более мелкие кредитные организации вынуждены принимать решения под влиянием тех или иных импульсов государственной политики, а также более крупных банков. Показательный пример – цифровизация (диджитализация) отдельных низкорентабельных услуг.

Как показал наш опрос, в небольших поселениях переход на онлайн-банкинг осуществляется особенно тяжело, в связи с чем мы считаем нерациональным сокращение в них количества офисов и в целом – кредитных организаций.

На основе зарубежного и отечественного опыта можно назвать несколько мер, актуальных для развития регионального банкинга в России:

- 1) повсеместное повышение уровня финансовой грамотности населения и представителей бизнеса;
- 2) активное внедрение практики «мобильных офисов» для большего покрытия спроса на банковские продукты и услуги в удаленных малых поселениях;
- 3) не сокращение, а расширение региональной банковской сети, в том числе – с целью замещения неэффективных кредитных организаций, чья лицензия была отозвана Центральным банком;
- 4) уделение большего внимания, в том числе на государственном уровне, развитию регионального банкинга и обеспечению равного доступа населения к банковским услугам.

Литература

Журавлёва Т.Л., Леонов М.А. Банковская система России в последние годы: общий и региональный взгляд // Финансовый журнал. 2015. № 6. С. 47–58.

Клешко Д.В., Мусаев Р.А. Региональные банки: состояние и тенденции развития // Деньги и кредит. 2016. № 6. С. 58–63.

Клешко Д.В., Мусаев Р.А. Развитие системы рефинансирования банковского сектора России // Финансовый журнал. 2015. № 2. С. 42–51.

Кравец Л.Г., Потапова С.В. Подходы к оценке доступности банковских кредитных услуг и ее влияние на уровень финансовой стабильности банковского сектора // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 1(65). С. 42–47.

Маклакова Ю.А. Роль ценностей в ведении банковского бизнеса в период кризиса // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 8. Вып. 3. 2016. С. 25–34.

Маклакова Ю.А. Проблемы и перспективы банковского сектора Индии // Банковское дело. 2018. № 12. С. 38–42.

Convery, F., Dunne, L., Redmond, L., Ryan, L. Political Economy of Tradeable Permits – Competitiveness, Co-operation and Market Power// OECD Headquarters. 2003. P. 5.

Guiso, L. Does local financial development matter? // National bureau of economic research 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138. Working Paper. 2002. № 8923. 45 p.

Fiorentino, E. The Effects of Privatization and Consolidation on Bank Productivity: Comparative Evidence from Italy and Germany // Deutsche Bundesbank Discussion Paper. 2009. № 3. 46 p.

Thai, K. S. Financing Small and Medium Enterprises in China: Recent Trends and Prospects beyond Shadow Banking // HKUST IEMS Working Paper. No. 24. 2015. 47 p.

Статья поступила 12.03.2019.

Для цитирования: Маклакова Ю.А. Проблемы функционирования банковской системы в регионах России и перспективы регионального развития на основе зарубежного опыта// ЭКО. 2019. № 8. С. 163-178. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-163-178.

Summary

Maklakova, Y.A., Scientific Research Institute Under the Ministry of Finance, Economics Faculty of Moscow State University, Moscow

The Problems and Prospects of Regional Banking in Russia

Abstract. This work considers the social function of banking and development of regional banking in general without focusing on the definition of “regional bank”, which is not defined in the Russian legislation. The author suggests that every region of Russia in which there is banking business should be treated as a separate element of the entire banking system. The ongoing digitalization aligns banking with the capabilities of the Central administrative region, failing to adapt it to the needs of regions. Such state policy is not effective as it implies a significant reduction in the number of banks. The author believes that transferring banking products and services online should not become a widespread practice and proposes recommendations for improving regional banks operation and development of a regional banking network based on domestic and international experience as well as the method of expert interviews. The main provisions and conclusions of the article may help government and bank managers, especially those involved in regional banks’ management.

Keywords: regional banks; development of a regional banking network; international experience of regional banking; problems and prospects of the regions of Russia; financial literacy; digitalization; reduction of the banking sector

References

Zhuravleva, T.L., Leonov, M.A. (2015). Russian Banking System in Recent Years: General and Regional Perspectives. *Finansovy zhurnal*. No. 6. Pp. 47–58. (In Russ.).

Kleshko, D.V., Musaev, R.A. (2016). Regional Banks: Condition and Development Trends. *Den'gi I kredit*. No. 6. Pp. 58–63. (In Russ.).

Kleshko, D.V., Musaev, R.A. (2015). Development of Refinancing System of the Russian Banking Sector. *Finansovy zhurnal*. No. 2. Pp. 42–51. (In Russ.).

Kravets, L.G., Potapova, S.V. (2016). Approaches to evaluation of bank loan accessibility and its impact on financial stability of the banking industry. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. No. 1 (65). Pp. 42–47. (In Russ.).

Maklakova, Yu.A. (2016). The role of values in the management of banking business in the crisis period. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy gurnal*. Tom 8. No. 3. Pp. 25–34. (In Russ.).

Maklakova, Yu.A. (2018). The problems and perspectives of the Indian banking sector. *Bankovskoe delo*. No. 12. Pp. 38–42. (In Russ.).

Convery, F., Dunne, L., Redmond, L., Ryan, L. (2003). Political Economy of Tradeable Permits – Competitiveness, Co-operation and Market Power. OECD Headquarters. P. 5.

Guiso, L. (2002). Does local financial development matter? National bureau of economic research 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138. Working Paper. No.8923. 45 p.

Fiorentino, E. (2009). The Effects of Privatization and Consolidation on Bank Productivity: Comparative Evidence from Italy and Germany. *Deutsche Bundesbank Discussion Paper*. No.3. 46 p.

Thai, K.S. (2015). Financing Small and Medium Enterprises in China: Recent Trends and Prospects beyond Shadow Banking. *HKUST IEMS Working Paper*. No. 24. 47 p.

For citation: Maklakova, Yu.A. (2019). The Problems and Prospects of Regional Banking in Russia. *ECO*. No. 8. Pp. 163-178. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-163-178.

Предикторы успешности краудфандингового проекта

М.Н. ГОРДЕЕВ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва. E-mail: mngordeev@gmail.com

Аннотация. В работе методом корреляционно-регрессионного анализа исследованы факторы, которые оказывают влияние на успешный сбор средств через механизм краудфандинга. Изучение данных о более чем 12 тыс. проектов, проведенных в России, позволило выявить связь успешности проекта с параметрами, задаваемыми автором при его запуске, а также информационным сопровождением по мере его реализации. В ходе исследования обнаружен эффект обучения, который проявляется во влиянии опыта автора проекта в краудфандинге на реализацию последующих инициатив, установлена корреляция между успешностью коммерческих инициатив и соответствием вознаграждения взносу спонсора. Полученные данные позволяют глубже понять механизм краудфандинга и лежащие в его основе процессы. Особое внимание уделено использованию краудфандинга в качестве инструмента финансирования молодых компаний и стартапов.

Ключевые слова: краудфандинг; народное финансирование; успешность проекта; Planeta.ru

Проведенное в 2018 г. исследование отечественных стартапов подтвердило, что главной проблемой, с которой сталкиваются молодые инновационные компании, является недостаток финансирования [Соловьев, 2018. С.14–15]. Действительно, сложившаяся политическая и экономическая ситуация подталкивает инвесторов и кредиторов к выбору наиболее надежных объектов для вложения средств, так что привлечение финансирования в высокорисковые инновационные компании, которые только начинают свое функционирование, становится трудновыполнимой задачей. Таким образом, приобретает актуальность использование нетрадиционных источников финансирования, одним из которых является краудфандинг.

Механизм краудфандинга состоит в том, что автор инициативы размещает на специальной интернет-площадке (крауд-платформе) информацию о запланированном проекте с целью сбора средств, необходимых для реализации проекта (целевой суммы). Заинтересованные спонсоры перечисляют свои средства на счет крауд-платформы в обмен на обязательство автора направить им заранее оговоренное вознаграждение. Как правило, накопленная сумма передается автору на реализацию проекта только тогда,

когда она достигает целевого значения, в противном случае средства возвращаются спонсорам.

Этот механизм обладает рядом преимуществ. Так, вместе со сбором средств происходит апробация востребованности идеи аудиторией и автоматически отсеиваются бесперспективные начинания. В ряде работ показано, что такого рода фильтр подчас оказывается более эффективным, чем отбор проектов профессиональными инвесторами [Mollick et al., 2016a. С.12]. При этом из процесса инвестирования исключается промежуточное звено (банки или венчурные фонды), так что собственники средств могут самостоятельно определять, во что их вкладывать [Lynn, 2013. С.2; Амосов, 2014]. Кроме того, зарубежными исследователями показано, что краудфандинг является эффективным источником финансирования стартапов, внедряющих инновации [Chan, 2017; Schwienbacher, Larralde, 2012], в частности, в результате реализации таких проектов было зарегистрировано несколько тысяч патентов [Mollick et al., 2016b].

Залогом успешности реализации большинства венчурных проектов являются три составляющие: 1) качество и востребованность самой идеи 2) способность автора ее реализовать и 3) способность донести информацию об этом до инвесторов, чтобы привлечь средства для воплощения идеи в жизнь. Первые два компонента определяются слишком большим многообразием предпринимательских инициатив, тогда как третий обнаруживает определенные закономерности и подробно изучен для традиционных инструментов финансирования [Shane, Cable, 2002; Hsu, 2007]. Однако в случае краудфандинга мы имеем дело с весьма специфическим инвестором – широким кругом рядовых граждан, которые не специализируются на инвестициях, и, как правило, руководствуются иными мотивами, помимо извлечения прибыли. Таким образом, изучение механизмов взаимодействия с этой аудиторией становится самостоятельной научной проблемой. В зарубежной литературе предпринимались попытки изучения этих процессов и, в частности, было определено, что вероятность успешного сбора средств на проект во многом зависит от параметров, задаваемых при его запуске, а также от последующего информационного сопровождения [Mollick, 2014. С.8; Strickler, 2011; Cordova et al., 2015. С.119].

Цель настоящей работы – углубление знаний в этой области, а также их перенесение на случай российской аудитории. Объектом исследования выступают российские краудфандинговые проекты, т.е. проекты по сбору средств на реализацию венчурных инициатив. Предметом исследования являются предикторы успешности краудфандинговых проектов. Термин «успешность» в рамках настоящей статьи относится только к процессу сбора средств и не охватывает последующее непосредственное воплощение идеи в жизнь.

Эмпирической основой послужили общедоступные данные о проектах, размещенных на одной из крупнейших российских крауд-платформ Planeta.ru (URL: <https://Planeta.ru.ru/>), выгруженные программными средствами в формате JSON 12 декабря 2018 г. По всем проектам рассматривались 14 унифицированных параметров, среди которых длительность, даты проведения, целевая и собранная сумма, число спонсоров, имя автора и число проведенных им проектов и т.д. Полнота выборки контролировалась по размеру общей собранной суммы на проекты платформы: по данным Planeta.ru, на указанную дату она составила 953,7 млн руб., общий объем финансирования, привлеченный под проекты из нашей выборки, – 951,6 млн руб. (расхождение 0,2%). Причины расхождения: продолжительный период выгрузки данных (около шести часов), недоступность информации по некоторым проектам, скрытым от общего доступа. Было проанализировано 12 278 проектов, по которым на указанную дату был завершен сбор средств. Их усредненные и медианные (в скобках) характеристики представлены в таблице 1.

В отличие от общепринятой практики, крауд-платформа Planeta.ru позволяет получить средства авторам проектов, набравшим хотя бы 50% и более от размера целевой суммы – эти проекты и отнесены к успешным в нашем исследовании. При этом подразумевается, что автор проекта несет все взятые на себя обязательства по вознаграждению спонсоров.

Как видим по таблице 1, 28% проектов (3407 ед.) закончились успешно (собрали 50% и более от целевой суммы). Математическое среднее уровня финансирования оказалось вблизи 100%, однако реальный разброс значений по этому параметру колеблется от 50% до 2000%. Следует также отметить значительный разброс размеров целевой суммы: от 5 тыс. до 15 млн руб., что в среднем дало примерно 240 тыс. руб.

Таблица 1. Основные параметры проектов, проведенных на крауд-платформе Planeta.ru с 14.05.2012 г. по 12.12.2018 г.

Параметр	Все проекты	Успешные проекты	Безуспешные проекты
Цель проекта, руб.	358 169 (157 925)	240 679 (120 000)	403 292 (190 000)
Собрано средств, руб.	74 380 (4 300)	241 784 (110 113)	10 087 (1 000)
Уровень финансирования, %	31 (3)	103 (100)	4 (1)
Количество спонсоров	41 (0)	140 (67)	4 (0)
Средний взнос отдельного спонсора, руб.	865 (0)	2822 (1 531)	113 (0)
Длительность процесса сбора денег, дней	76 (65)	79 (63)	75 (65)
Количество проектов	12 278	3 407	8 871

Интересно, что «безуспешные» проекты смогли привлечь в среднем лишь 4% от целевой суммы (по окончании периода сбора средств все они возвращаются спонсорам). При этом почти половина из них (49%) не привлекли средств вовсе, а еще 37% не достигли даже 1/10 от целевой суммы.

Как свидетельствует опыт зарубежных площадок, оптимальная длительность сбора средств составляет 30 дней, проекты со сроком 60 дней заметно реже становятся успешными [Strickler, 2011; Mollick, 2014. С.8], хотя некоторые исследователи [Cordova et al., 2015. С.119], напротив, заявляют о наличии положительной зависимости успешности проекта от длительности сбора средств. Очевидна необходимость дальнейшего изучения этого вопроса для прояснения характера влияния. У проектов, участвующих в нашем исследовании, средний срок составил около 2–2,5 месяцев, однако и в этом случае велик разброс значений: от 1 до 1416 дней.

В работах зарубежных авторов отмечается также отрицательное влияние на успешность сбора средств размера целевой суммы [Cordova et al., 2015. С.119], и положительное – наличия видео и количества оповещений автора о ходе проекта [Mollick, 2014. С.8].

На крауд-площадке Planeta.ru размещаются проекты по различным тематикам, которые разбиты на 16 категорий: среди них бизнес, наука и технологии, кино и видео, театр, музыка,

благотворительность и др. Одним из обязательных условий размещения является общественная значимость проекта, что, впрочем, не исключает наличие у него коммерческой составляющей. В зависимости от преобладания той или иной компоненты проекты можно разделить на преимущественно коммерческие и преимущественно общественные. Несмотря на то, что такое разграничение довольно субъективно, существуют исследования [Салтыков, Гордеев, 2016. С. 54], показывающие, что проекты из этих двух категорий обнаруживают отличительные характеристики. Поэтому в настоящей работе анализ проводился по отдельности для каждой из подгрупп: к коммерческим мы отнесли 6610 проектов из нашей выборки, к общественным – 5668.

Одно из явных различий коммерческих и социальных проектов – характер вознаграждения. Поскольку основной целью общественных инициатив является создание некоего общего блага, в качестве вознаграждения в таких проектах чаще всего выступают благодарность авторов и некоторые символические подарки. Напротив, в коммерческих проектах создается коммерчески привлекательный продукт (работа/услуга), и чаще всего именно он и предлагается в качестве вознаграждения спонсорам. Вместе с тем на площадке Planeta.ru мы выявили ряд коммерческих инициатив, в которых предлагаемые вознаграждения были символическими или их стоимость значительно уступала размеру вклада спонсора (например, пластиковая авторучка за 800–1000 руб., керамическая кружка за 1800–2000 руб. и т.п.). Для того чтобы оценить степень влияния на успешность коммерческих проектов явного несоответствия вознаграждения спонсорскому вкладу, мы ввели и проанализировали переменную «Соответствие вознаграждения».

На основе анализа имеющихся теоретических исследований [Mollick, 2014. С.8; Strickler, 2011; Cordova et al., 2015. С.119] и накопленного практического опыта (табл. 1) были выдвинуты следующие гипотезы.

Н1. Вероятность успешного сбора средств в краудфандинговом проекте зависит от его параметров, а именно:

- а) она обратно пропорциональна размеру целевой суммы и прямо пропорциональна:
- б) количеству поддержавших его спонсоров;
- в) среднему размеру взноса отдельного спонсора;
- г) длительности сбора средств на проект.

H2. Вероятность успешного сбора средств в краудфандинговом проекте зависит от качества информационного сопровождения в период сбора средств, а именно:

а) она прямо пропорциональна количеству оповещений автора о ходе проекта и **б)** количеству комментариев по проекту;

в) она увеличивается при наличии заглавного видео.

H3. Вероятность успешного сбора средств в краудфандинговом проекте зависит от предшествующего опыта организации краудфандинговых проектов автором.

H4. Для коммерческих проектов соответствие вознаграждения размеру взноса спонсора положительно влияет на вероятность успешного сбора средств.

Для оценки качества информационного сопровождения проекта, отмеченного в гипотезе **H2**, использовались следующие характеристики: количество оповещений автора о ходе проекта, которое характеризует интенсивность актуализации данных и доведения их до аудитории; количество комментариев по проекту, которое характеризует активность обсуждения и качество выстраивания коммуникации с аудиторией; наличие заглавного видео в описании проекта, которое характеризует степень предварительной проработки проекта автором и облегчает получение информации потенциальными спонсорами.

Результаты исследования

Чтобы выяснить, в какой степени различные детерминанты оказывают влияние на успешность сбора средств в краудфандинговых проектах, мы провели корреляционно-регрессионный анализ данных. В таблице 2 приведены описательные статистики 12 изучаемых переменных: зависимой переменной выступало фактическое достижение порогового значения в 50% от целевой суммы (бинарная переменная: 0-безуспешный, 1-успешный). В качестве независимых переменных рассматривались параметры проекта (целевая сумма, длительность, количество спонсоров, размер среднего взноса), качество информационного сопровождения (наличие видео (0-нет, 1-есть), количество новостей и комментариев), наличие у автора предшествующего опыта краудфандинга (успешного, негативного и опыта вообще (бинарные переменные: 0-нет, 1-есть)), а также соответствие вознаграждения взносу (0-не соответствует, 1-соответствует).

Таблица 2. **Описательные статистики зависимых и независимых переменных, использованных в анализе**

		Описательные статистики			
		Мин	Макс	Среднее	SD
1	Успешность	0	1	0,28	0,45
2	Целевая сумма, руб.	5000	99999999	358 169	1 228 222
3	Длительность сбора средств, дней	1	1416	76	54,87
4	Количество спонсоров	0	10994	41	186,93
5	Средний взнос отдельного спонсора, руб.	0	150000	865	3454,25
6	Наличие в описании заглавного видео	0	1	0,56	0,50
7	Количество новостей	0	260	3,23	8,29
8	Количество комментариев	0	1845	5,56	37,99
9	Наличие у автора опыта в краудфандинге	0	1	0,17	0,38
10	Наличие у автора хотя бы одного безуспешного проекта	0	1	0,10	0,30
11	Наличие у автора хотя бы одного успешного проекта	0	1	0,12	0,33
12	Соответствие вознаграждения	0	1	0,96	0,20

Примечание: SD – стандартное отклонение

Была рассчитана корреляция между всеми названными переменными (в таблице 3 приведена корреляционная матрица, порядковый номер переменных в которой соответствует нумерации таблицы 2).

Таблица 3. **Корреляционная матрица**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	1											
2	-0,06*	1										
3	0,04*	0,08*	1									
4	0,33*	0,08*	0,08*	1								
5	0,35*	0,01	0,00	0,05*	1							
6	0,09*	0,04*	0,05*	0,07*	0,03*	1						
7	0,35*	0,02	0,19*	0,24*	0,10*	0,11*	1					
8	0,18*	0,05*	0,12*	0,42*	0,03	0,07*	0,19*	1				
9	0,26*	0,00	0,02	0,13*	0,11*	-0,06*	0,15*	0,06*	1			
10	0,07*	0,01	-0,01	0,01	0,07*	-0,10*	0,05*	-0,02	0,73*	1		
11	0,31*	-0,01	0,04*	0,17*	0,11*	-0,04*	0,17*	0,08*	0,81*	0,37*	1	
12	0,12*	-0,04*	0,02	0,05*	0,05*	-0,00	0,06*	0,02	0,06*	0,03*	0,07*	1

Примечание: * $p < 0.001$

Проведено тестирование на наличие мультиколлинеарности: значение фактора инфляции дисперсии (variance inflation factor,

VIF) ни для одной из переменных не превысило 1,5, что свидетельствует об отсутствии мультиколлинеарности (пороговым значением, сигнализирующим о ее наличии, принято считать 10 [Field, 2005])¹.

Результаты регрессионного анализа

Всего было построено две регрессионные модели: первая описывает влияние параметров самого проекта, а вторая – факторов, связанных с информационным сопровождением проекта. Для больших числовых величин в этих моделях были использованы значения их натурального логарифма.

Тестируемое уравнение регрессии для обеих моделей:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 + \beta_4 X_4 + \varepsilon,$$

где Y – зависимая переменная, успешность краудфандингового проекта;

$\beta_0 - \beta_4$ – коэффициенты регрессии;

$X_1 - X_4$ – факторы (предикторы) модели;

ε – случайная ошибка модели.

Результаты расчетов приведены в таблице 4.

В первой модели в качестве независимых переменных $X_1 - X_4$ использовались соответственно логарифмы целевой суммы, длительности сбора средств, количества спонсоров и размера среднего взноса. Во второй модели в качестве переменных $X_1 - X_3$ использовались наличие заглавного видео и логарифмы количества новостей и количества комментариев, а в качестве X_4 попеременно подставлялись три переменные, связанные с опытом, а для коммерческих проектов еще переменная соответствия вознаграждения. Для всех моделей приведены коэффициенты детерминации.

Уровень значимости всех регрессионных моделей был подтвержден на основании F-критерия Фишера. Оценка ошибок проводилась с помощью тестов Уайта и Голдфелда – Куандта, которые продемонстрировали наличие гетероскедастичности².

¹ Переменные, связанные с предшествующим опытом автора: опыт вообще (9), негативный (10) и положительный (11), являются взаимозависимыми, поэтому для расчета значения фактора VIF, а также в регрессионных моделях они использовались по отдельности.

² Гетероскедастичность – неоднородность наблюдений статистической выборки, которая выражается в непостоянной дисперсии случайной ошибки модели ε и приводит к неэффективности оценок случайных ошибок, полученных с помощью метода наименьших квадратов.

В условиях гетероскедастичности коэффициенты β остаются состоятельными и несмещенными, а значит, могут быть использованы для интерпретации, но вместо стандартных ошибок используются робастные стандартные ошибки, устойчивые к гетероскедастичности.

Таблица 4. Параметры регрессионных моделей

	Коммерческие проекты		Общественные проекты	
	Козф-т	SE	Козф-т	SE
Модель 1				
Lп (Целевая сумма)	-0,020*	0,001	-0,072*	0,003
Lп (Длительность)	0,003	0,002	-0,024*	0,005
Lп (Количество спонсоров)	0,064*	0,003	0,127*	0,004
Lп (Средний взнос)	0,094*	0,002	0,032*	0,003
Козффициент детерминации (R^2 adj)	0,965	0,077	0,658	0,274
Модель 2				
Наличие заглавного видео	0,027*	0,008	-0,018	0,011
Lп (Количество новостей)	0,200*	0,007	0,133*	0,006
Lп (Количество комментариев)	0,100*	0,005	0,119*	0,007
Наличие опыта	0,160*	0,016	0,165*	0,013
Козффициент детерминации (R^2 adj)	0,447	0,312	0,232	0,413
Наличие негативного опыта	0,039	0,020	0,062*	0,017
Козффициент детерминации (R^2 adj)	0,435	0,315	0,213	0,418
Наличие успешного опыта	0,261*	0,021	0,230*	0,017
Козффициент детерминации (R^2 adj)	0,454	0,310	0,247	0,409
Соответствие вознаграждения	0,123*	0,008		
Козффициент детерминации (R^2 adj)	0,440	0,314		

Примечание: * $p < 0,001$. Для коэффициентов регрессии приведены робастные стандартные ошибки.

Гипотеза **H1** предполагает наличие связи между параметрами проекта и вероятностью успешного сбора средств.

Действительно, мы обнаружили обратную зависимость между размером целевой суммы и успешностью сбора средств для коммерческих ($\beta = -0,020$) и общественных инициатив ($\beta = -0,072$)³. Однако для коммерческих проектов это влияние значительно слабее, что указывает на то, что они имеют лучшую перспективу сбора более высоких сумм. Также обнаруживается прямая зависимость между количеством спонсоров, поддержавших проект, и размером среднего взноса и успешностью проекта. При

³ Здесь и далее все обсуждаемые статистики имеют значимость $p < 0,001$

этом количество спонсоров для общественных проектов более значимо, чем для коммерческих ($\beta=0,127$ и $\beta=0,064$ соответственно), тогда как в отношении размера среднего взноса ситуация противоположная ($\beta=0,032$ и $\beta=0,094$). Это говорит о том, что общественные инициативы достигают успеха преимущественно за счет большого числа сравнительно малых взносов, тогда как в коммерческих проектах создаваемый продукт приобретает более узкой целевой аудиторией, но по стоимости, приближенной к рыночной, а потому более высокой. Длительность сбора средств не оказывает статистически значимого влияния на успешность коммерческих проектов, но отрицательно отражается на успешности общественных ($\beta= -0,024$). Обнаруженная отрицательная зависимость согласуется с результатами исследований на зарубежных площадках [Mollic, 2014; Strickler, 2011] и может указывать на рассеивание внимания аудитории и эффект размывания ответственности, когда потенциальный спонсор, видя большой срок проекта, рассчитывает, что его поддержит кто-нибудь другой [Kuppuswamy, Bayus, 2013; Burtch et al., 2013]. В то же время отсутствие влияния длительности на успешность коммерческих инициатив говорит о том, что в этой группе гораздо более значимым оказывается качество самой идеи: невостребованные инициативы не достигнут успеха при любых сроках проекта, а у хорошо проработанных проектов отсутствует эффект размывания ответственности, потому что спонсоры, заинтересованные в создаваемом продукте, не откладывают его покупку. Примечательно, что, в отличие от американской краудфандинговой площадки Kickstarter, изученной коллегами [Strickler, 2011], аудитория Planeta.ru толерантно относится к сравнительно длинным срокам сбора в 2–2,5 месяца, которые являются наиболее распространенными.

Таким образом, пункты **а)**, **б)** и **в)** гипотезы **Н1** полностью подтверждены, тогда как пункт **г)** полностью опровергнут. В целом гипотезу **Н1** можно считать подтвержденной, поскольку установлена связь рассмотренных параметров и успешности проекта.

Гипотеза **Н2** предполагает наличие связи между качеством информационного сопровождения проекта и вероятностью успешного сбора средств.

Действительно, мы обнаружили значительное положительное влияние количества новостей и комментариев по проекту

на успешность и коммерческих ($\beta=0,200$ и $\beta=0,100$ соответственно) и общественных инициатив ($\beta=0,133$ и $\beta=0,119$), что подчеркивает важность выстраивания регулярной коммуникации с аудиторией. При этом новости, которые, в отличие от комментариев, всегда иницируются автором, имеют заметно большее значение. Вместе с тем наличие заглавного видео положительно воздействует на успешность только коммерческих проектов ($\beta=0,027$), тогда как для общественных инициатив статистически значимого влияния не обнаружено. В целом можно заключить, что для коммерческих проектов качественное информационное сопровождение со стороны автора гораздо более важно, чем для общественных. Итак, пункты **а)** и **б)** гипотезы **Н2** подтверждены полностью, а пункт **в)** только частично.

Гипотезой **Н3** предусмотрено наличие влияния предшествующего опыта автора в организации краудфандинговых инициатив на успешность последующих проектов. Обнаружено, что наличие опыта в краудфандинге вообще, а в особенности – наличие успешного опыта, оказывает заметное положительное влияние на успех как коммерческих ($\beta=0,160$ и $\beta=0,261$ соответственно), так и общественных инициатив ($\beta=0,165$ и $\beta=0,230$). При этом наличие негативного опыта не оказывает отрицательного влияния. Более того, для социальных проектов получен статистически значимый положительный коэффициент ($\beta=0,062$), что, на наш взгляд, говорит о положительном влиянии любого опыта как такового. Таким образом, гипотеза **Н3** подтверждена: в организации краудфандинговых проектов явно наблюдается эффект обучения, а наличие неудачного опыта не уменьшает шансы на будущий успех.

Гипотеза **Н4** предполагает значимость для успеха коммерческих проектов соответствия вознаграждения вкладу спонсора. Данные регрессионного анализа явно подтверждают наличие такой положительной связи ($\beta=0,123$). Это указывает на то, что мотивы финансирования коммерческих инициатив через краудфандинг отличаются от таковых для благотворительных и общественных проектов, а значит, апеллирование к аудитории за инвестициями в таких случаях должно быть подкреплено соответствующими вознаграждениями. Этот вывод кажется самоочевидным, однако, как выяснилось, далеко не для всех. В ходе исследования мы обнаружили более 500 коммерческих

инициатив, авторы которых не предложили спонсорам вознаграждений, соизмеримых с размером вклада. Практически все они (98%) оказались безуспешными.

Вместе с тем среди этих инициатив было несколько, на наш взгляд, достаточно проработанных и качественных проектов, которые не могли предложить свой продукт спонсорам по объективным причинам. Например, из-за несовпадения аудитории потребителей будущей продукции с аудиторией краудфандинговой площадки или высокой стоимости продукции, значительно превышающей размер взносов и др. Для таких инициатив вместо нефинансовой модели краудфандинга, применяемой на Planeta.ru, на наш взгляд, больше подошла бы долговая или долевая модель, первая подразумевает вознаграждение спонсоров через выплату процентов на сумму вложений, вторая – предоставление доли в капитале создаваемой компании. Тогда была бы соблюдена материальная заинтересованность спонсоров соответственно размеру их взноса и уровню риска. Гипотезу **H4** можно считать полностью подтвержденной.

Заключение

Проведенный анализ указывает на перспективность использования краудфандинга для финансирования коммерческих и общественных инициатив. С помощью корреляционно-регрессионного анализа были подтверждены большинство положений тестируемых гипотез о влиянии на успешность проекта его основных параметров, задаваемых при запуске, а также информационного сопровождения на этапе его реализации.

Показано, что качественные коммерческие инициативы имеют лучшие перспективы сбора больших сумм, а их успешность в большей степени зависит от усилий автора по качественному информационному сопровождению. Вместе с тем доказано, что реализация коммерческих краудфандинговых инициатив должна обеспечивать обоюдовыгодный экономический обмен, и поэтому должно соблюдаться соответствие вознаграждений размеру взносов спонсоров.

В работе прослеживается эффект обучения авторов по мере приобретения опыта в краудфандинге. А также показано, что недостаточная информированность участников краудфандинговых отношений о нюансах этого процесса порой приводит к тому, что качественные высокотехнологичные инициативы

могут не найти отклика у аудитории из-за неверно выбранного краудфандингового механизма. Здесь отметим, что отчасти этот выбор осложняется из-за законодательной неурегулированности долевой модели краудфандинга, при которой спонсорам в качестве вознаграждения предлагается доля в капитале создаваемой компании. Преодоление этих ограничений будет способствовать более эффективному использованию краудфандинга для финансирования молодых инновационных компаний.

Литература/ References

Амосов Ю. Четыре мобильности: вызовы России в 2015–2030 гг. Доклад. Аналитический центр при Правительстве России. 2014. 76 с.

Amosov, Yu. (2014). *Four mobility: Challenges for Russia in 2015–2030. Analytical report. Analytical Center for the Government of the Russian Federation.* 76 p. (In Russ.).

Салтыков Б. Г., Гордеев М. Н. Краудфандинг как инструмент венчурного инвестирования в России и за рубежом // Инновации. 2016. № 4 (210). С. 51–57.

Saltykov, B. G., Gordeev, M. N. (2016). Crowdfunding as a tool of venture investment in Russia and abroad. *Innovatsii. Innovations.* No. 4 (210). Pp. 51–57. (In Russ.).

Соловьев А. Стартап барометр 2018. Исследование рынка технологического предпринимательства в России. 2018. 22 с.

Solov'ev, A. (2018). *Startup barometer 2018. Overview of the Russian startup market.* 22 p. (In Russ.).

Burtch, G., Ghose, A., and Wattal, S. (2013). An Empirical Examination of the Antecedents and Consequences of Contribution Patterns in Crowd-Funded Markets. *Information Systems Research.* Vol. 24. No. 3. Pp. 499–519.

Chan, C.S.R. (2017). Crowdfunding Innovative Ideas: How incremental and Radical Innovativeness Influence Funding Outcomes. *Entrepreneurship Theory and practice*

Cordova, A., Dolci, J., Gianfrante, G. (2015). The determinants of crowdfunding success: evidence from technology projects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* Vol. 181. Pp. 115–124.

Field, A. (2005). *Discovering Statistics with SPSS.* London: SAGE.

Hsu, D. (2007) Experienced entrepreneurial founders, organizational capital, and venture capital funding. *Research Policy.* Vol.36. Pp. 722–741.

Kuppuswamy, V., Bayus, B. L. (2013) Crowdfunding creative ideas: the dynamics of project backers in kickstarter. *UNC Kenan-Flagler Research Paper.* No 15. 42 p.

Lynn, J. (2013) Democratise investment to help the many not the few. *The Telegraph*

Mollick, E. (2014). The Dynamics of Crowdfunding: Determinants of Success and Failure. *Journal of business Venturing.* Vol. 29. No.1. Pp. 1–16.

Mollick, E., Robb, A. (2016a). Democratizing Innovation and Capital Access: The Role of Crowdfunding. *California Management Review.* Vol. 58. No. 2. Pp. 72–87.

Mollick, E., Ethan, R., (2016b). Containing Multitudes: The Many Impacts of Kickstarter Funding. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2808000> (accessed 21.05.2018).

Schwienbacher, A., Larralde, B. (2012). Alternative Types of Entrepreneurial Finance. In Cumming, D.J. (ed.). *The Oxford handbook of entrepreneurial finance*. Oxford: Oxford University Press. 2012. 23 p.

Shane, S., Cable, D. (2002). Network Ties, Reputation, and the Financing of New Ventures. *Management Science*. Vol. 48. No 3. Pp. 364–381.

Strickler, Y. (2011). Shortening the Maximum Project Length. Kickstarter PBC. Available at: <https://www.kickstarter.com/blog/shortening-the-maximum-project-length> (accessed 21.05.2018).

Статья поступила 24.05.2019.

Для цитирования: Гордеев М.Н. Предикторы успешности краудфандингового проекта // ЭКО. № 8. С. 179-192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-179-192.

For citation: Gordeev, M.N. (2019). Predictors of Success in a Crowdfunding Project. *ECO*. No. 8. Pp. 179-192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-179-192.

Summary

Gordeev, M.N., National Research University Higher School of Economics, Moscow

Predictors of Success in a Crowdfunding Project

Abstract. The article discovers determinants of a successful fundraising via crowdfunding. The undertaken analysis is based on the method of correlation and regression. Drawing on a dataset of over 12,000 projects carried out in Russia, this paper reveals the relation between the success of the project and the initial launch parameters set by the author, as well as the information support during the project. The study identifies the learning effect which appears in raising chances for a successful fundraising for authors with previous crowdfunding experience. Also a correlation between comparability of the sponsor's reward to his pledge and the success of commercial initiatives has been established. The research gives an in-depth description of the crowdfunding and the underlying processes. Special attention has been paid to the crowdfunding usage as an instrument for venture fundraising.

Keywords: *Crowdfunding; public funding; successful fundraising; Planeta.ru*

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера:

Проблемы развития энергетики России

- Организационные и технологические трансформации в электроэнергетике
- Централизованное теплоснабжение в России: текущее состояние и проблемы
- Инвестиционная революция в тепле. Рубцовская модель
- Вопросы государственной энергетической политики в решениях ГКО СССР (1941-1945 гг.)

А также:

- ВВП как стоимостной измеритель объема экономики и индикатор экономического роста
- Статистический анализ дифференциации российских регионов по уровню публикационной активности
- Цифровые валюты как новая форма денег центральных банков
- Российское отходничество: вехи многовековой истории
- Проблема накопления отходов в отраслях добывающей промышленности РФ
- Степень влияния банковского сектора на страховой рынок
- О «Национальной программе развития Дальнего Востока»: реальность и мифы
- Облесение и лесовосстановление как эффективные стратегии смягчения климатических изменений
- Приоритеты формирования экспортноориентированной стратегии развития отрасли (на примере птицеводства)

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2019. № 8. 1–192

Художник В.П. Мочалов
Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.
Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;
E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2019. Выход в свет 30.08.19
Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08
Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 330. Заказ 155.

ФГУП «Издательство СО РАН»
630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2